А. ТВАРДОВСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

А. ТВАРДОВСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1954

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в Смоленщине, в 1910 году, на «хуторе пустоши Столпово», как назывался в бумагах клочок земли, приобретенный моим отцом, Трифоном Гордеевичем Твардовским, через Поземельный крестьянский банк, с выплатой в рассрочку. Земля эта — десять с небольшим десятин, вся в мелких болотцах — «оборках», как у нас их называли, и вся заросшая лозняком, ельником, березкой, — была во всех смыслах незавидна. Но для отца, который был единственным сыном безземельного солдата и многолетним тяжким трудом кузнеца заработал сумму, необходимую для первого взноса в банк, земля эта была дорога до святости. И нам, детям, он с самого малого возраста внушал любовь и уважение к этой кислой, подзолистой, скупой и недоброй, но нашей земле — нашему «имению», как в шутку и не в шутку называл он свой хутор. Местность эта была довольно дикая, в стороне от дорог, и отец, замечательный мастер кузнечного дела, вскоре закрыл кузницу, решив жить с земли. Но ему то и дело приходилось обращаться к молотку: арендовать в отходе чужой горн и наковальню, работая исполу.

В жизни нашей семьи бывали изредка просветы относительного достатка, но вообще жилось скудно и трудно и, может быть, тем труднее, что наша фамилия в обыч-

ном обиходе снабжалась еще шутливо-благожелательным или ироническим добавлением «пан», как бы обязывая отца тянуться изо всех сил, чтобы хоть сколько-нибудь оправдать ее. Между прочим, он ходил в шляпе, что в нашей местности было странностью и даже некоторым вызовом, и нам, детям, не позволял носить лаптей, хотя из-за этого случалось бегать босиком до глубокой осени. Вообще многое в нашем быту было «не как у людей».

Отец был человеком грамотным и даже начитанным по-деревенски. Книга не являлась редкостью в нашем домашнем обиходе. Целые зимние вечера у нас часто отдавались чтению вслух какой-либо книги. Первое мое знакомство с «Полтавой» и «Дубровским» Пушкина, «Тарасом Бульбой» Гоголя, популярнейшими стихотворениями Лермонтова, Некрасова, А. К. Толстого, Никитина произошло таким именно образом. Отец и на память знал много стихов: «Бородино», «Князя Курбского», чуть ли не всего ершовского «Конька-Горбунка». Кроме того, он любил и умел петь, — смолоду даже отличался в церковном хоре. Обнаружив, что слова общеизвестной «Коробушки» только малая часть «Коробейников» Некрасова, он певал при случае целиком всю эту поэму.

Мать моя, Мария Митрофановна, была всегда очень впечатлительна и чутка ко многому, что находилось вне практических, житейских интересов крестьянского двора, хлопот и забот хозяйки в большой многодетной семье. Ее до слез трогал звук пастушьей трубы где-нибудь вдалеке за нашими хуторскими кустами и болотцами, или отголосок песни с далеких деревенских полей, или, например, запах первого молодого сена, вид какого-нибудь одинокого деревца и т. п.

Стихи писать я начал до овладения первоначальной грамотой. Хорошо помню, что первое мое стихотворение, обличающее моих сверстников, разорителей птичьих гнезд, я пытался записать, еще не зная всех букв алфавита и, конечно, не имея понятия о правилах стихосложения. Там не было ни лада, ни ряда — ничего от стиха, но я отчетливо помню, что было страстное, горячее до сердцебиения желание всего этого — и лада, и ряда, и музыки, — желание родить их на свет и немедленно, — чувство, сопутствующее и доныне всякому замыслу. Что стихи

можно сочинять самому, я понял из того, что гостивший у нас в голодное время летом дальний наш городской родственник по материнской линии, хромой гимназист, както прочел по просьбе отца стихи собственного сочинения «Осень».

Листья давно облетели,
И голые сучья торчат...

Строки эти, помню, потрясли меня тогда своей выразительностью: «голые сучья» — это было так просто, обыкновенные слова, которые говорятся всеми, но это были стихи, звучащие, как из книги.

С того времени я и пишу. Из первых стихов, внушивших мне какую-то уверенность в способности к этому делу, помню строчки, написанные, как видно, под влиянием пушкинского «Вурдалака».

Раз я позднею порой
Шел от Вознова домой.
Трусоват я был немного,
И страшна была дорога:
На лужайке меж ракит
Шупень старый был убит...

Речь шла об одинокой могиле на середине пути от деревни Ковалево, где жил наш родственник Михайло Вознов. Похоронен в ней был некто Шупень, убитый когда-то на том месте. И хотя никаких ракит там поблизости не было, никто из домашних не попрекнул меня этой неточностью: зато было складно.

По-разному благосклонно и по-разному с тревогой относились мои родители к тому, что я стал сочинять стихи. Отцу это было лестно, но из книг он знал, что писательство не сулит больших выгод, что писатели бывают и не знаменитые, безденежные, живущие на чердаках и голодающие. Мать, видя мою приверженность к таким необычным занятиям, чуяла в ней некую печальную предназначенность моей судьбы и жалела меня.

Лет тринадцати я как-то показал мои стихи одному молодому учителю. Ничуть не шутя, он сказал, что так теперь писать не годится: все у меня до слова понятно, а нужно, чтобы ни с какого конца нельзя было понять, что и про что в стихах написано. — таковы современные

литературные требования. Он показал мне журналы с некоторыми образцами тогдашней — начала двадцатых годов — поэзии. Какое-то время я упорно добивался в своих стихах непонятности. Это долго не удавалось мне, и я пережил тогда, пожалуй, первое по времени горькое сомнение в своих способностях. Помнится, я, наконец, написал что-то уж настолько непонятное ни с какого конца, что ни одной строчки вспомнить не могу оттуда и не знаю даже, о чем там шла речь. Помню лишь факт написания чего-то такого.

Летом 1924 года я начал посылать небольшие заметки в редакции смоленских газет. Писал о неисправных мостах, о комсомольских субботниках, о злоупотреблениях местных властей и т. п. Изредка заметки печатались. Это делало меня, рядового сельского комсомольца, в глазах моих сверстников и вообще окрестных жителей лицом значительным. Ко мне обращались с жалобами, с предложениями написать о том-то и том-то, «протянуть» такого-то в газете... Потом я отважился послать и стихи. В газете «Смоленская деревня» появилось мое первое напечатанное стихотворение «Новая изба». Начиналось оно так:

Пахнет свежей сосновой смолою,
Желтоватые стены блестят.
Хорошо заживем мы с весною
Здесь на новый, советский лад.

После этого я, собрав с десяток стихотворений, отправился в Смоленск к М. В. Исаковскому, работавшему там в редакции газеты «Рабочий путь». Принял он меня приветливо, отобрал часть стихотворений, вызвал художника, который зарисовал меня, и вскоре в деревню пришла газета со стихами и портретом «селькора-поэта А. Твардовского».

М. Исаковскому, земляку, а впоследствии другу, я очень многим обязан в своем развитии. Он единственный из советских поэтов, чье непосредственное влияние на меня я всегда признаю и считаю, что оно было благотворным для меня. В стихах своего земляка я увидел, что предметом поэзии может и должна быть окружающая меня жизнь советской деревни, наша непритязательная смоленская природа, собственный мой мир впечатле-

ний, чувств, душевных привязанностей. Пример его поэзии обратил меня в моих юношеских опытах к существенной объективной теме, к стремлению рассказывать и говорить в стихах о чем-то интересном не только для меня, но и для тех простых, не искушенных в литературном отношении людей, среди которых я продолжал жить. Ко всему этому, конечно, необходима оговорка, что писал я тогда очень плохо, ученически-беспомощно, подражательно.

В развитии и росте моего литературного поколения было, мне кажется, самым трудным и для многих губительным то, что мы, втягиваясь в литературную работу, ее специфические интересы, выступая в печати и даже становясь очень рано «профессиональными» литераторами, оставались людьми без сколько-нибудь серьезной общей культуры, без образования. Поверхностная начитанность, некоторая осведомленность в «малых секретах» ремесла питала в нас опасные иллюзии.

Обучение мое прервалось, по существу, с окончанием сельской школы. Годы, назначенные для нормальной и последовательной учебы, ушли. Восемнадцатилетним парнем я пришел в Смоленск, где не мог долго устроиться не только на учебу, но даже на работу — по тем временам это было еще не легко, тем более, что специальности у меня никакой не было. Поневоле пришлось принимать за источник существования грошовый литературный заработок и обивать пороги редакций. Я и тогда понимал незавидность такого положения, но отступать было некуда, — в деревню я вернуться не мог, а молодость позволяла видеть впереди, в недалеком будущем хорошее.

Когда в московском журнале «Октябрь» напечатали мои стихи и кто-то где-то отметил их в критике, я заявился в Москву. Но получилось примерно то же самое, что со Смоленском. Меня изредка печатали, кто-то одобрял мои опыты, поддерживал ребяческие надежды, но зарабатывал я не намного больше, чем в Смоленске, и жил по углам, койкам, слонялся по редакциям, и меня все заметнее относило куда-то в сторону от прямого и трудного пути настоящей учебы, настоящей жизни. Зимой тридцатого года я вернулся в Смоленск и прожил там лет

шесть-семь до появления в печати поэмы «Страна Муравия».

Период этот — самый решающий и значительный в моей литературной судьбе. Это были годы великого переустройства деревни на основе коллективизации, и это время явилось для меня тем же, чем для более старшего поколения — Октябрьская революция и гражданская война. Все то, что происходило тогда в деревне, касалось меня самым ближайшим образом в житейском, общественном, морально-этическом смысле. Именно этим годам я обязан своим поэтическим рождением. В Смоленске я, наконец, принялся за нормальное учение. С помощью добрых людей поступил я в Педагогический институт без приемных испытаний, но с обязательством сдать в первый же год все необходимые предметы за среднюю школу, в которой я не учился. Мне удалось в первый же год выравняться с моими однокурсниками, успешно закончить второй курс, с третьего я ушел по сложившимся обстоятельствам и доучивался уже в Московском историко-философском институте, куда поступил осенью тридцать шестого года.

Эти годы учебы и работы в Смоленске навсегда отмечены для меня высоким душевным подъемом. Никаким сравнением я не мог бы преувеличить испытанную тогда впервые радость приобщения к миру идей и образов, открывшихся мне со страниц книг, о существовании которых я ранее не имел понятия. Но, может быть, все это было бы для меня «прохождением» институтской программы, если бы одновременно меня не захватил всего целиком другой мир — реальный нынешний мир потрясений, борьбы, перемен, происходивших в те годы в деревне. Отрываясь от книг и учебы, я ездил в колхозы в качестве корреспондента областных редакций, вникал со страстью во все, что составляло собою новый, впервые складывающийся строй сельской жизни, писал газетные статьи и вел всякие записи, за каждой поездкой отмечая для себя то новое, что открылось мне в сложном и величественном процессе переустройства деревни.

Около этого времени я совсем разучился писать стихи, как писал их прежде, пережил крайнее отвращение к «стихотворству» — составлению строк определенного

размера с обязательным набором эпитетов, подыскиванием редких рифм и ассонансов, стремлением попасть в известный, принятый в тогдашнем поэтическом обиходе тон.

Моя поэма «Путь к социализму», озаглавленная так по названию колхоза, о котором шла речь, была сознательной попыткой говорить в стихах обычными для разговорного, делового, отнюдь не «поэтического» обихода словами.

В одной из комнат бывшего барского дома
Насыпан по самые окна овес.
Окна побиты еще во время погрома
И щитами завешаны из соломы,
Чтобы овес не пророс
От солнца и сырости в помещеньи.
На общем хранится зерно попеченьи.

Поэма, выпущенная в 1931 году издательством «Молодая гвардия» отдельной книжкой, встречена была в печати положительно, но я не мог не почувствовать сам, что такие стихи — езда со спущенными вожжами, утрата ритмической дисциплины стиха, проще говоря, проза. Но и вернуться к стихам в прежнем, привычном духе я уже не мог. Новые возможности погрезились мне в организации стиха из его элементов, входящих в живую речь, — из оборотов и ритмов пословицы, поговорки, присказки. Вторая моя поэма, «Вступление», вышедшая в Смоленске в 1933 году, была данью таким именно односторонним поискам «естественности» стиха.

Жил на свете Федот,
Был про него анекдот:
— Федот, каков умолот?
— Как и прошлый год.
— А каков укос?
— Чуть не целый воз.
— А как насчет сала?
— Кошка украла...

По материалу, содержанию, даже намечавшимся в общих чертах образам обе эти поэмы предваряли «Страну Муравию», написанную в 1934—1936 годах. Но для этой новой моей вещи я должен был на собственном трудном опыте разувериться в возможности стиха, который утрачивает свои основные природные начала: музыкально-пе-

сенную основу, энергию выражения, особую эмоциональную окрашенность.

Пристальное знакомство с образцами большой отечественной и мировой поэзии и прозы подарило мне еще такое «открытие», как законность условности в изображении действительности средствами искусства. Условность хотя бы фантастического сюжета, преувеличение и смещение деталей живого мира в художественном произведении перестали мне казаться пережиточными моментами искусства, противоречащими реализму изображения. А то, наблюденное и добытое из жизни мною лично, что я носил в душе, гнало меня к новой работе, к новым поискам. То, что я знаю о жизни, — казалось мне тогда, — я знаю лучше, подробней и достоверней всех живущих на свете, и я должен об этом рассказать. Я до сих пор считаю такое чувство не только законным, но и обязательным в осуществлении всякого серьезного замысла.

Со «Страны Муравии», встретившей одобрительный прием у читателя и критики, я начинаю счет своим писаниям, которые могут характеризовать меня как литератора. Выход этой книги в свет послужил причиной значительных перемен и в моей личной жизни. Я переехал в Москву; в 1938 году вступил в ряды ВКП(б); в 1939 году окончил Московский историко-философский институт (МИФЛИ) по отделению языка и литературы.

Осенью 1939 года я был призван в ряды РККА и участвовал в освободительном походе наших войск в Западную Белоруссию. По окончании похода я был уволен в запас, но вскоре вновь призван и, уже в офицерском звании, но в той же должности спецкорреспондента военной газеты, участвовал в войне с Финляндией. Месяцы фронтовой работы в условиях суровой зимы сорокового года в какой-то мере предварили для меня собственно военные впечатления Великой Отечественной войны. А мое участие в создании фельетонного персонажа «Васи Теркина» в газете «На страже родины» (ЛВО) — это, по существу, начало моей основной литературной работы в годы Отечественной войны 1941—1945 годов. Но дело в том, что глубина всенародно-исторического бедствия и всенародно-исторического подвига в Отечественной войне

с первых дней отличили ее от каких бы то ни было иных войн и тем более военных кампаний.

«Книга про бойца», каково бы ни было ее собственно литературное значение, в годы войны была для меня истинным счастьем: она дала мне ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся, непринужденной форме изложения. «Теркин» был для меня во взаимоотношениях поэта с его читателем — воюющим советским человеком, — моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю. Впрочем, все это, мне кажется, более удачно выражено в заключительной главе самой книги.

Почти одновременно с «Теркиным» я начал еще на войне писать, но закончил уже после войны, лирическую хронику «Дом у дороги». Тема ее—война, но с иной стороны, чем в «Теркине». Эпиграфом этой книги могли бы быть строки, взятые из нее же:

Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем...

Всегда наряду со стихами я писал прозу — корреспонденции, очерки, рассказы, выпустил еще до «Муравии» нечто вроде небольшой повести — «Дневник председателя колхоза»: результат моих деревенских записей «для себя». В 1947 году опубликовал книгу очерков и рассказов под общим заглавием «Родина и чужбина».

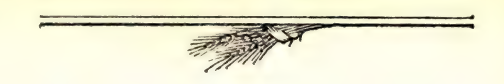
Последние годы писал мало, напечатал с десяток стихотворений, несколько очерков и статей. Совершил ряд поездок в составе различных культурных делегаций за границу — побывал в Болгарии, Албании, Польше, Германской Демократической Республике и в Норвегии. Ездил и по родной стране в командировки — на Урал, в Забайкалье и на Дальний Восток. Впечатления этих поездок должны составить материал моих новых работ в стихах и прозе.

А. Твардовский

СТИХОТВОРЕНИЯ

СЕЛЬСКАЯ ХРОНИКА

ТРАКТОРНЫЙ ВЫЕЗД В 1930 ГОДУ

(Из поэмы „Путь к социализму“)

Светло на улице, и виден сад насквозь,
За садом поле поднимается широкое.
Обходят люди трактор, точно нагруженный воз.
Глядят с почтеньем, ничего не трогая.

Механик рулевого усадил,
Как будто вожжи в руки дал впервые.
Встал на крыло и громко объявил:
— Товарищи! Сегодня первый выезд...

И расступились люди у ворот,
Машине путь с готовностью отметив.
Не только в то, что по земле пойдет, —
Что полетит — готовы были верить.

Вот завели. И дали газ. И вдруг, —
За ним не разобрать — что это: говор, крик ли, —
Всех оглушил дух захвативший стук
(Теперь-то к стуку этому привыкли!).

И трактор тронулся, и все, кто был в селе,
Пошли за ним нестройною колонной.
След в елочку ложился по земле,
Дождем густым и холодком скрепленный...

За сотни лет здесь выходил народ
Так поголовно только в памятные годы.
С надеждами на урожайный год,
С иконами, с попами — крестным ходом...

Запел механик, кто-то выше взял,
Запели все — мужчины, женщины и дети —
Интернационал! Интернационал!
И пели словно в первый раз на свете.

1930—1934

ГОСТЬ

Верст за пятнадцать, по погоде жаркой,
Приехал гость, не пожалев о дне.
Гость со своей кошелкой и дегтяркой,
На собственных телеге и коне.

Не к часу гость. Бригада на покосе.
Двух дней таких не выпадет в году.
Но — гость! Хозяин пол-литровку вносит,
Яичница — во всю сковороду.

Хозяин — о покосе, о прополке,
А гость пыхтел, никак решить не мог:
Вносить иль нет, оставшийся в кошелке,
Свой аржаной с начинкою пирог...

Отяжелев, сидел за самоваром,
За чашкой чашку пил, вздыхая, гость.
Ел мед с тарелки — теплый, свежий, с паром,
Учтиво воск выплевывая в горсть.

Ждал, вытирая руки об колени,
Что вот хозяин смякнет, а потом
Заговорит о жизни откровенней,
О ценах, о налогах, обо всем.

Но тот хвалился лошадьми, хлебом,
Потом повел, показывая льны,

Да все мельком поглядывал на небо,
Темнеющее с южной стороны.

По огородам, по садам соседним
Вел за собою гостя по жаре.
Он поднимал телят в загоне летнем,
Коров, коней тревожил на дворе.

А скот был сытый, плавный, чистокровный;
Как горница, был светел новый двор.
И черные — с построек старых — бревна
Меж новых хорошо легли в забор.

И осмотрев фундамент и отметив,
Что дерево в сухом — оно, что кость,
Впервые, может, обо всем об этом
На много лет вперед подумал гость...

Вплотную рожь к задворкам подступала
С молочным, только налитым, зерном...
А туча тихо землю затеняла,
И вдруг короткий прокатился гром.

Хозяин оглянулся виновато
И подмигнул бедово: — Что, как дождь?.. —
И гостя с места на покос сосватал:
— Для развлеченья малость подгребешь...

Мелькали спины, темные от пота,
Метали люди сено на воза,
Гребли, несли, спорилася работа.
В полях темнело. Близилась гроза.

Гость подгребал дорожку вслед за возом,
Сам на воз ношу подавал свою,
И на вопрос: какого он колхоза?
Покорно отвечал: — Не состою...

Дождь находил, шумел высоко где-то,
Еще не долетая до земли.
И люди, весело ругая лето,
С последним возом на усадьбу шли.

Хозяин рад был, что свою отлучку
Он вместе с гостем в поле наверстал.
И шли они, как пьяные, под ручку.
И пыльный дождь их у крыльца застал...

Гость от дождя убрал кошелку в хату
И, сев на лавку, стих и погрустнел:
Вот люди, вправду, здесь живут богато,
Как жить он, может, больше всех хотел.

1933

УСАДЬБА

Над белым лесом — край зари багровой.
Восходит дым все гуще и синей.
И сразу оглушает скрип здоровый
Дверей, шагов, колодцев и саней.

На водопой проходят кони цугом.
Морозный пар клубится над водой,
И воробьи, взлетая полукругом,
Отряхивают иней с проводов.

И словно на строительной площадке —
На доски, на леса — легла зима.
И в незаполненном еще порядке
Стоят большие новые дома.

Они выглядывают незнакомо
На улице огромного села,
Где только дом попа и называли домом,
А церковь главным зданием была;

Где шли к воде поодиночке клячи
И, постояв, отказывались пить;
Где журавель — и тот скрипел иначе,
Совсем не так, как он теперь скрипит...

Надолго лег венцами лес сосновый.
И лес хорош,

И каждый дом хорош...
...Стоишь, приехав, на усадьбе новой
И, как Москву,
Ее не узнаешь...

1934

НОВОЕ ОЗЕРО

Сползли подтеки красноватой глины
По белым сваям, вбитым навсегда.
И вот остановилась у плотины
Пугливая весенняя вода.

И вот уже гоняет волны ветер
На только что затопленном лугу.
И хутор со скворешней не заметил,
Как очутился вдруг на берегу.

Кругом поля ровней и ближе стали.
В верховье где-то мостик всплыл худой.
И лодка пробирается кустами,
Дымя ольховой пылью над водой.

А у сторожки, на бугре высоком,
Подрублена береза, и давно
Долбленое корытце светлым соком —
Березовиком — до краев полно...

Сидит старик с ведерком у обрыва,
Как будто тридцать лет он здесь живет.
— Что делаешь? — Взглянул неторопливо:
— Пускаю, малец, рыбу на развод...

Про паводок, про добрую погоду,
Про все дела ведет охотно речь.
И вкусно курит, сплевывая в воду,
Которую приставлен он стеречь.

И попросту собой доволен сторож,
И все ему доступны чудеса:

Понадобится — сделает озера,
Понадобится — выстроит здесь город
Иль вырастит зеленые леса...

1934

ПОЛЕТ

Для такого случая
Вышла наряженная,
Обновила лучшее
Платье береженое.

Не нужда без выхода,
А почет да честь
Привели на старости
В этот кузов сесть.

— Вот тебе и кузов,
Кузов-кузовок.
Стул-то больно узок,
Край-то невысок...

Привязала туже
К стулу ремешок.
— Только ты высоко
Не летай, сынок.

Тот перчаткой машет,
Лезет сам в машину.
— Хорошо, мамаша,
Сбавлю три аршина.

Над трубой, над самой
Печкой полечу,
Целой, невредимой
Наземь ворочу.

И — одна минута, —
Все дрожит кругом...
— Помахай, Анюта,
Беленьким платком.

Покачнулся в сторону,
Прянул белый свет.
— Анне Миканоровне
Пламенный привет!

Анна Миканоровна —
Хороши дела —
На небе ни разу
В жизни не была.

Смотрит сверху — видно
Все, что есть на свете:
Стадо, избы, люди,
Маленькие дети.

Побежали валом
В поле, на дорогу,
Машут чем попало,
А сказать не могут.

Повернули лугом,
Побросав ребят.
Не пускает речка —
Вороти назад.

Поле яровое
Плавает внизу.
Воз снопов и маленький
Мальчик на возу.

Лядо, пни, орешники —
Близко от села,
Где девчонкой бегала,
Где коров пасла.

Где росла, где выросла,
Чтобы жизнь прожить.
Кладбище, где матушка
Под сосной лежит.

— Матушка родимая,
Как мне рассказать!..
Ничего не видишь ты
И не знаешь, мать...

Крыши... И машина
Вниз рванулась вдруг.
Точно на качелях
Захватило дух.

Хоп!
Свистя, проносится
Под крылом трава.
Хоп!
— Слезай, приехала,
Ежели жива...

1934

* * *

Я иду и радуюсь. Легко мне.
Дождь прошел. Блестит зеленый луг.
Я тебя не знаю и не помню,
Мой товарищ, мой безвестный друг.

Где ты пал, в каком бою — не знаю,
Но погиб за славные дела,
Чтоб страна, земля твоя родная,
Краше и счастливее была.

Над полями дым стоит весенний,
Я иду, живущий, полный сил.
Веточку двурогую сирени
Подержал и где-то обронил...

Друг мой и товарищ, ты не сетуй,
Что лежишь, а мог бы жить и петь.
Разве я, наследник жизни этой,
Захочу иначе умереть!..

1934

ВСТРЕЧА

Не тебя ль в твой славный день,
На запруженном вокзале,
Столько сел и деревень
С громкой музыкой встречали?..

Смотришь — все перед тобой,
Всем родна и всем знакома.
Смотришь — где ж он, старый твой, —
Знать, один остался дома?..

Век так жили. Бить — не бил.
Соблюдал в семье согласье,
Но за двадцать лет забыл,
Что зовут тебя Настасьей.

Жили, будто старики:
Не смеялись и не пели,
Приласкаться по-людски,
Слова молвить не умели...

Столько лиц и столько рук!
Одного его не видно.
И до боли стало вдруг
Горько, стыдно и обидно.

Ради радостного дня
Не пришел, не встретил даже.
Ты б уважил не меня,
Орден Ленинский уважил...

— Здравствуй! — все кричат вокруг,
И совсем затормошили.
Чемодан берут из рук,
Под руки ведут к машине.

— Здравствуй... — Слышит — не поймет, —
Голос жалостный и слабый:
— Да наступит ли черед
Поздороваться мне с бабой?..

Оглянулась — вот он сам.
Говорить ли ей иль слушать?
— Здравствуй... — Слезы по усам. —
Здравствуй, — говорит, — Настюша...

Плачет, — разве ж он не рад?
Оробев, подходит ближе.
Чем-то словно виноват,
Чем-то будто бы обижен.

Вот он рядом, старый твой,
Оглянулся, губы вытер...
— Ну, целуйся, муж, с женой!
Люди добрые, смотрите...

1936

* * *

Кто ж тебя знал, друг ты ласковый мой,
Что не своей заживешь ты судьбой?
Сумку да кнут по наследству носил, —
Только всего, что родился красив.
Двор без ворот да изба без окон, —
Только всего, что удался умен.
Рваный пиджак, кочедыг да копыл. —
Только всего, что ты дорог мне был.

Кто ж тебя знал, невеселый ты мой,
Что не своей заживешь ты судьбой?
Не было писано мне на роду
Замуж пойти из нужды да в нужду.
Голос мой девичий в доме утих.
Вывел меня на крылечко жених.
Пыль завилась, зазвенел бубенец,
Бабы запели — и жизни конец...
Сказано было — иди да живи, —
Только всего, что жила без любви.
Жизнь прожила у чужого стола, —
Только всего, что забыть не могла.

Поздно о том говорить, горевать.
Батьке бы с маткой заранее знать,
Знать бы, что жизнь повернется не так,
Знать бы, чем станет пастух да батрак.
Вот посидим, помолчим над рекой,
Будто мы — парень да девка с тобой.
Камушки моет вода под мостом,
Вслух говорит соловей за кустом.
Белые звезды мигают в реке.
Вальсы играет гармонь вдалеке...

1936

ПОДРУГИ

Выходили в поле жать,
Любовалась дочкой мать.

Руки ловкие у дочки.
Серп играет, горсть полна.
В красном девичьем платочке
Рядом с матерью она.

Мать нестарая гордится:
— Хорошо, девчонка, жнешь,
От мамаши-мастерицы
Ни на шаг не отстаешь.

Выходила дочь плясать,
Любовалась дочкой мать.

Ноги легкие проворны,
Щеки смуглые горят.
Пляшет плавно и задорно, —
Вся в мамашу, говорят.

Год за годом вместе жили,
На работу — в день и в ночь.
Песни пели и дружили,
Как подруги, мать и дочь.

Только мать всегда желала,
Чтобы дочка первой шла —
Лучше пела, лучше жала,
Лучше матери жила.

Дочке в город уезжать.
Снаряжает дочку мать.

Полотенце, да подушка,
Да корзиночка белья.
— До свиданья, дочь-подружка,
Радость светлая моя.

Целовала торопливо,
Провожала в добрый путь:
— Будь ученой и счастливой,
Кем ты хочешь —
Тем и будь...

1936

ПЕСНЯ

Сам не помню и не знаю
Этой старой песни я.
Ну-ка, слушай, мать родная,
Митрофановна моя.

Под иголкой на пластинке
Вырастает песня вдруг,
Как ходили на зажинки
Девки, бабы через луг.

Вот и вздрогнула ты, гостья,
Вижу, песню узнаешь...
Над межой висят колосья,
Тихо в поле ходит рожь.

В знойном поле сиротливо
День ты кланяешься, мать.
Нужно всю по горстке ниву,
По былинке перебрать.

Бабья песня. Бабье дело.
Тяжелеет серп в руке.
И ребенка плач несмелый
Еле слышен вдалеке.

Ты присела, молодая,
Под горячею копной.
Ты забылась, напевая
Эту песню надо мной.

В поле глухо, сонно, жарко.
Рожь стоит, как сухостой...
...Что ж ты плачешь? Песни ль жалко
Или страшной жизни той?

Или выросшего сына,
Что нельзя к груди прижать?..
На столе поет машина,
И молчит старуха-мать.

1936

РАЗМОЛВКА

На кругу, в старинном парке —
Каблуков веселый бой.
И гудит, как улей жаркий,
Ранний полдень над землей.

Ранний полдень, летний праздник,
В синем небе — самолет.
Девки, ленты подбирая,
Переходят речку вброд...

Я скитаюсь сиротливо.
Я один. Куда итти?..
Без охоты кружку пива
Выпиваю по пути.

Все знакомые навстречу.
Не видать тебя одной.

Что ж ты думаешь такое?
Что ж ты делаешь со мной?..

Праздник в сборе. В самом деле,
Полон парк людьми, как дом.
Все дороги опустели
На пятнадцать верст кругом.

В отдаленье пыль клубится,
Слышен смех, пугливый крик.
Детвору везет на праздник
Запоздалый грузовик.

Ты не едешь, не прощаешь,
Чтоб самой жалеть потом.
Книжку скучную читаешь
В школьном садике пустом.

Вижу я твою головку
В беглых тенях от ветвей,
И холстинковое платье,
И загар твой до локтей.

И лежишь ты там, девчонка,
С детской хмуростью в бровях.
И в траве твоя гребенка, —
Та, что я искал впотьмах.

Не хотите, как хотите,
Оставайтесь там в саду.
Убегает в рожь дорога.
Я по ней один пойду.

Я пойду зеленой кромкой
Вдоль дороги. Рожь по грудь.
Ничего. Перехвораю.
Позабуду как-нибудь.

Широко в полях и пусто.
Вот по ржи волна прошла...
Так мне славно, так мне грустно
И до слез мне жизнь мила.

1935

НЕВЕСТЕ

Мы с тобой играли вместе,
Пыль топтали у завалин.
И тебя моей невестой
Все бывало называли.

Мы росли с тобой, а кто-то
Рос совсем в другом краю
И в полгода заработал
Сразу всю любовь твою.

Он летает, он далече,
Я сижу с тобою здесь.
И о нем, о скорой встрече
Говоришь ты вечер весь.

И, твои лаская руки,
Вижу я со стороны
Столько нежности подруги,
Столько гордости жены.

Вся ты им живешь и дышишь,
Вся верна, чиста, как мать.
Ничего тут не попишешь,
Да и нечего писать.

Я за встречу благодарен.
У меня обиды нет.
Видно, он хороший парень,
Передай ему привет.

Пусть он смелый,
Пусть известный,
Пусть еще побьет рекорд,
Но и пусть мою невесту
Хорошенько любит,
Чорт!..

1936

* * *

Ты робко его приподымешь:
Живи, начинай, ворошись.
Ты дашь ему лучшее имя
На всю его долгую жизнь.

И, может быть, вот погоди-ка,
Услышишь когда-нибудь, мать,
Как с гордостью будет великой
То имя народ называть.

Но ты не взгрустнешь ли порою,
Увидев, что первенец твой
Любим не одною тобою
И нужен тебе не одной?

И жить ему где-то в столице,
Свой подвиг высокий творить.
Нет, будешь ты знать и гордиться
И будешь тогда говорить:

— А я его, мальчика, мыла,
А я иной раз не спала,
А я его грудью кормила,
И я ему имя дала.

1936

* * *

Кружились белые березки,
Платки, гармонь и огоньки.
И пели девочки-подростки
На берегу своей реки.

И только я здесь был не дома,
Я песню узнавал едва.
Звучали как-то по-иному
Совсем знакомые слова.

Гармонь играла с перебором,
Ходил по кругу хоровод,
А по реке в огнях, как город,
Бежал красавец пароход.

Веселый и разнообразный,
По всей реке, по всей стране
Один большой справлялся праздник,
И петь о нем хотелось мне.

Петь, что от края и до края,
Во все концы, во все края,
Ты вся моя и вся родная,
Большая Родина моя.

1936

СТАНЦИЯ ПОЧИНОК

За недолгий жизни срок,
Человек бывалый,
По стране своей дорог
Сделал я не мало.

Под ее шатром большим,
Под широким небом
Ни один мне край чужим
И немилым не был.

Но случилося весной
Мне проехать мимо
Маленькой моей, глухой
Станции родимой.

И успел услышать я
В тишине минутной
Ровный посвист соловья
За оградкой смутной.

Он пропел мне свой привет
Ради встречи редкой,
Будто здесь шестнадцать лет
Ждал меня на ветке.

Счастлив я.
Отрадно мне

С мыслью жить любимой,
Что в родной моей стране
Есть мой край родимый.

И еще доволен я, —
Пусть смешна причина, —
Что на свете есть моя
Станция Починок.

И глубоко сознаю,
Радуюсь открыто,
Что ничье в родном краю
Имя не забыто.

И хочу трудиться так,
Жизнью жить такою,
Чтоб далекий мой земляк
Мог гордиться мною.

И встречала бы меня,
Как родного сына,
Отдаленная моя
Станция Починок.

1936

* * *

Не стареет твоя красота,
Разгорается только сильней.
Пролетают неслышно над ней,
Словно легкие птицы, лета.

Не стареет твоя красота.
А росла ты на жесткой земле,
У людей, не в родимой семье,
На хлебах, на тычках, сирота.

Не стареет твоя красота,
И глаза не померкли от слез.
И копна темнорусых волос
У тебя тяжела и густа.

Все ты горькие муки прошла,
Все ты вынесла беды свои.
И живешь и поешь, весела
От большой, от хорошей любви.

На своих ты посмотришь ребят,
Радость матери нежной проста:
Все в тебя, все красавцы стоят,
Как один, как орехи с куста.

Честь великая рядом с тобой
В поле девушке стать молодой.
Всюду славят тебя неспроста, —
Не стареет твоя красота.

Ты идешь по земле молодой —
Зеленеет трава за тобой.
По полям, по дорогам идешь —
Расступается, кланяясь, рожь.

Молодая береза в лесу
Поднялась и ровна и бела.
На твою она глядя красу,
Горделиво и вольно росла.

Не стареет твоя красота.
Слышно ль, женщины в поле поют, —
Голос памятный все узнают —
Без него будто песня не та.

Окна все пооткроют дома,
Стихнет листьев шумливая дрожь.
Ты поешь! Потому так поешь,
Что ты песня сама.

1937

РАССКАЗ МАТРЕНЫ

Как прошли повсюду слухи,
Что треплю я шибко лен,
Первым делом мне, старухе,
Подарили патефон.

Воротилась из района —
Хата у меня полна.
— Ну Матрена...
— Вот Матрена...
— Понимать сама должна...

Подоткнула снова полы
Да годов десяток — с плеч.
Ради жизни-то веселой
Стоит крепче приналечь.

Той же самою рукою,
В те же самые часы
Волокна почти что вдвое
Подала я на весы.

Нет ни порчи, ни урона,
Все как следует идет.
— Не колдуешь ли, Матрена? —
Удивляется народ.

Лен мы к сроку сдать спешили.
День и вечер — на гумне.
А молва все шире, шире
Разбегалась обо мне.

Как-то близилось к обеду,
Только я пришла домой,
Слышу — едут. Вижу — едут
На машине легковой.

Выходи встречать, Матрена,
Гостью лаской принимай:
Из соседнего района,
Из колхоза «Первомай».

Чуть прикрыть успели двери,
Объявляют мне они:
— Дескать, слышали... Не верим...
Ты нас, бабка, извини.

И сама молодка тоже
Обращается ко мне:

— Я, хотя и помоложе,
Понимаю толк во льне...

И сказала, пусть не гордо,
Но всю речь свела к тому:
Выше, мол, ее рекорда
Вряд ли вытянуть кому.

Матушки! При чем же я-то?
Будто что я солгала...
Села я. Родная хата
Стала будто не мила.

Как — не помню — отвечаю,
Что ни слово — невпопад.
Пообедать приглашаю.
— Нет, не стоит, — говорят.

На гумно спешит бабенка.
— Что ж, идемте, если так. —
Заслонила я заслонку,
Отправляюсь натощак.

Ох ты, думаю, Матрена,
Невеселые дела.
Лучше б ты без патефона
Как жила, так и жила.

На нее гляжу, на гостью,
Даже оторопь берет:
Перед той красой и ростом
Расступается народ.

Молода, бела, красива,
Точно девка — со щеки.
А в руке, наверно, сила —
Надо две моих руки.

Как пришли — снимает шубку,
Полушалок свой долой.
На такую, на голубку,
Любо мне смотреть самой.

Как ни любо, что ни любо,
А кругом стоит народ,
А она поджала губы,
На меня глядит и ждет.

Но прошла одна минута,
Как взялись трепать мы с ней,
Сразу стало мне как будто
Легче как-то, веселей.

Горсть за горстью очищаю,
На нее гляжу мельком.
Ох, и силушка большая —
Лупит баба, что вальком.

Разошлася мастерица,
За кострой не подойти.
А народ стоит, дивится:
Тоже, дескать, не шути.

Вот и чешем вперегонку, —
Кто-то будет впереди?
Ох, не так ты бьешь, бабенка,
Умотаешься, гляди.

Вижу, девка лад теряет,
За трепашкой тянет клок.
Раскраснелась. Вдруг срывает
На лету с себя платок...

Притомилась — бросить впору,
Вот уж ей и пояс жмет.
Ох, девчонка, вижу, скоро
До исподнего дойдет.

Не сдается молодая
Да следит, следит за мной,
Я вторую горсть кидаю,
Девка мучится с одной.

Чья победа — все уж видят.
Что же зря томить людей!

Только я ее обидеть
Не желала, — знать бы ей.

У меня рука такая,
Хитрая моя рука;
Я особо не махаю,
Я почаще, да слегка.

Всю как есть мою науку
Может каждый перенять.
Ей бы только-только руку
Хорошо свою понять.

Тут мы кончили работу,
Зашумели все вокруг,
Говорят, кричат мне что-то,
А она подходит вдруг

И берет меня за щеки, —
Передать того нельзя, —
Взглядом ласковым, глубоким
Посмотрела мне в глаза.

Посмотрела — и не знаю,
Не умею я сказать...
Словно б это дочь родная,
Словно б я — родная мать.

Обняла, пожала руку
Теплою своей рукой.
Тут всплакнула я, старуха,
И пошли мы все домой.

За столом мы с ней сидели,
Пили мы за добрый лен,
Говорили, сами пели
И крутили патефон.

Как свои сидели рядом,
Подружились в самый раз.
Вот, сказал бы, так и надо,
Если б Сталин видел нас...

1937

ШОФЕР

Молодой, веселый, важный
За рулем шофер сидит,
И, кого ни встретит, каждый
Обернется, поглядит.

Едет парень, припорошен
Пылью многих деревень.
Путь далекий, день хороший.
По садам цветет сирень.

В русской вышитой рубашке
Проезжает он селом.
У него сирень в кармашке,
А еще и на фуражке,
А еще и за стеклом.

А девчонка у колодца
Скромный делает кивок.
Журавель скрипит и гнется,
Вода льется на песок.

Парень плавно, осторожно
Развернулся у плетня.
— Разрешите, если можно,
Напоить у вас коня.

Та краснеет и смеется,
Наклонилась над ведром:

— Почему ж? Вода найдется,
С вас и денег не возьмем.
Где-то виделись, сдается?.. —
А вода опять же льется,
Рассыпаясь серебром.

Весь — картина,
Молодчина
От рубашки до сапог.
Он, уже садясь в кабину,
Вдруг берет под козырек.

На околице воротца
Открывает сивый дед,
А девчонка у колодца
Остается,
Смотрит вслед:
Обернется или нет?..

1937

СОПЕРНИКИ

Он рядом сидит,
    он беседует с нею,
Свисает гармонь
    на широком ремне.
А я на гармони
    играть не умею.
Завидно, обидно,
    невесело мне.

Он с нею танцует —
    особенно как-то:
Рука навесу
    и глаза в полусне.
А я в этом деле,
    действительно, трактор, —
Тут даже и пробовать
    нечего мне.

Куда мне девать
    свои руки и ноги,
Кому рассказать
    про обиду свою?
Пройдусь, постою,
    закурю, одинокий,
Да снова пройдусь,
    да опять постою.

Добро бы я был
    ни на что не умелый.

Добро бы какой
незадачливый я.
Но слава моя
до Москвы долетела.
И всюду работа
известна моя.

Пускай на кругу
ничего я не стою.
А он на кругу —
никому не ровня.
Но дай-ка мы выедем
в поле с тобою, —
Ты скоро бы пить
запросил у меня.

Ты руку ей жмешь.
Она смотрит куда-то.
Она меня ищет
глазами кругом.
И вот она здесь.
И глядит виновато,
И ласково так,
и лукаво притом.

Ты снова играешь
хорошие вальсы,
Все хвалят, и я тебя
тоже хвалю.
Смотрю, как работают
хитрые пальцы,
И даже тебя
я ценю и люблю.

За то, что кругом
все хорошие люди,
За то, что и я
не такой уж простак.
За то, что всерьез
не тебя она любит,
А любит меня.
А тебя только так...

1937

* * *

Погляжу, какой ты милый,
Замечательный какой.
Нет, недаром полюбила,
Потеряла я покой.

Только ты не улыбайся,
Не смотри так с высоты,
Милый мой, не зазнавайся:
Не один на свете ты.

Разреши тебе заметить,
Мой мальчишка дорогой,
Был бы ты один на свете —
И вопрос тогда другой.

За глаза и губы эти
Все простилось бы тебе.
Был бы ты один на свете —
Равных не было б тебе.

Ну, а так-то много равных,
Много, милый, есть таких.
Хорошо еще, мой славный,
Что и ты один из них.

Погляжу, какой ты милый,
Замечательный какой.
Нет, недаром полюбила,
Потеряла я покой.

Только ты не улыбайся,
Не смотри так с высоты.
Только ты не зазнавайся:
Не один на свете ты.

1937

ДОРОГА

Вдоль дороги, широкой и гладкой,
Протянувшейся вдаль без конца,
Молодые, весенней посадки,
Шелестят на ветру деревца.

А дорога, сверкая, струится
Меж столбов, прорываясь вперед,
От великой советской столицы
И до самой границы ведет.

Тени косо бегут за столбами,
И столбы пропадают вдали.
Еду вровень с густыми хлебами
Серединой родимой земли.

Ветер, пой, ветер, вой на просторе!
Я дорогою сказочной мчусь.
Всю от моря тебя и до моря
Вижу я, узнаю тебя, Русь!

Русь! Леса твои, степи и воды
На моем развернулись пути.
Города, рудники и заводы
И селенья — рукой обвести.

Замелькал перелесок знакомый,
Где-то здесь, где-то здесь в стороне
Я бы крышу родимого дома
Увидал. Или кажется мне?

Где-то близко у этой дороги, —
Только не было вовсе дорог, —
Я таскался за стадом убогим,
Босоногий худой паренек.

Детство бедное. Хутор далекий.
Ястреб медленно в небе кружит.
За рекой, на горе невысокой
Дед Гордей под сосенкой лежит.

Дед, прости меня. Скорбную память
Я твою потревожить решусь.
Исходил ты своими стопами
Вдоль и поперек матушку Русь.

Видно, был человек горделивый,
И в тоске о дворе, о семье, —
Пешим образом жизни счастливой,
Правды сущей искал на земле.

Подождал бы ты, дед мой, немного,
Протянул кое-как бобылем,
И пришел бы сюда на дорогу,
И пощупал ее костылем.

Рассудил бы, наверно, ты здраво,
Что дорога — хоть боком катись.
Поглядел бы налево, направо
И сказал бы ты: «Вот она, жизнь!..»

Рвется ветер, стекло прогибая,
Чуть столбы поспевают за мной.
Паровоз через мост пробегает
Высоко над моей головой.

По дороге, зеркально блестящей,
Мимо отчего еду крыльца.
Сквозь тоннель пролетаю гудящий,
Освещенный, как зала дворца.

И пройдут еще годы и годы,
Будет так же он ровно гудеть.
Мой потомок на эти же своды
С уважением будет глядеть.

И дорога, что смело и прямо
Пролегла в героический срок,
Так и будет одною из самых
На земле величайших дорог.

Все, что мы возведем, что проложим, —
Все столетиям славу несет...
Дед, совсем ты немного не дожил,
Чтоб века пережить наперед.

1937

ПРОЩАНИЕ

Сын к отцу прилетел попрощаться.
— Здравствуй, сын! Помираю, сынок... —
И хотел было он приподняться,
Но уже приподняться не мог.

Улыбнулся он, песенник, плотник,
Наделенный веселой душой,
И лихой на работе работник,
И до жизни охотник большой.

И сказал он, подумавши: — Ладно, —
Так вот просто сказал, не скорбя, —
Хорошо мне, сынок, и отрадно
В час последний смотреть на тебя.

Высоко, высоко ты поднялся,
Кто бы думал, сказал наперед:
Выше крыши отец не взбирался,
Сын по небу машину ведет.

Ну, живи. Оставайся. Легко мне.
Только знай, что отец-то один.
Ты отца-то нет-нет, да и вспомни, —
Был такой на земле гражданин!

Вспоминай, как мы вместе бывали,
Как ходили из края мы в край,
Как мы горе видали,
Как песни певали,
Как мечтали мы жить, вспоминай..

И последней слезой заблестели
И закрылись глаза старика.
И в своей еще теплой постели
Он затих и забылся слегка.

Умирал человек и родитель.
Видел сын: наступает конец...
Вдруг: — Возьмите меня, поднимите!.. —
Стал просить, заметался отец.

То ль земли начинал он пугаться,
Как шепнула, заплакавши, мать;
То ль хотел он за сыном подняться,
Высоко, высоко побывать.

Но уже отходил торопливо,
Все терял: и желанья, и страх.
И приподнял его бережливо
Сын-герой на могучих руках.

И не выразить было любовней,
Не сказать, не представить сильней
Этой нежности лучшей — сыновней,
Отличающей наших людей...

Самолет поднимался над лугом.
Сын покинул родительский дом.
Три прощальных торжественных круга
Сделал он за селом над холмом,

Где покоится песенник, плотник,
Честно проживший век трудовой,
И лихой на работе работник,
И до жизни охотник большой.

1937

МАТЬ И СЫН

На родного сына
Молча смотрит мать.
Что бы ей такое
Сыну пожелать?

Пожелать бы счастья —
Да ведь счастлив он.
Пожелать здоровья —
Молод и силен.

Попросить, чтоб дольше
Погостил в дому, —
Человек военный,
Некогда ему.

Попросить, чтоб только
Мать не забывал, —
Но ведь он ей письма
С полюса писал.

Чтоб не простудился,
Дать ему совет?
Да и так уж больно
Сын тепло одет.

Указать невесту —
Где уж! Сам найдет.
Что бы ни сказала, —
Ясно наперед.

На родного сына
Молча смотрит мать.
Нечего как будто
Пожелать, сказать.

Верит — не напрасно
Сын летать учен.
Как ему беречься,
Лучше знает он.

Дело, что полегче,
Не ему под стать.
Матери — да чтобы
Этого не знать!

Он летал далеко,
Дальше полетит.
Трудно — перетерпит.
Больно — промолчит.

А с врагом придется
Встретиться в бою, —
Не отдаст он даром
Голову свою.

Матери — да чтобы
Этого не знать...
На родного сына
Молча смотрит мать.

1937

В ПОСЕЛКЕ

Косые тени от столбов
Ложатся край дороги.
Повеет запахом хлебов —
И вечер на пороге.

И близок, будто на воде,
В полях негромкий говор.
И радио, не видно где,
Поет в тиши садовой.

А под горой течет река,
Чуть шевеля осокой,
Издалека-издалека
В другой конец далекий.

По окнам вспыхивает свет.
Час мирный. Славный вечер.
Но многих нынче дома нет,
Они живут далече.

Кто вышел в море с кораблем,
Кто реет в небе птицей,

Кто инженер, кто агроном,
Кто воин на границе.

По всем путям своей страны,
Вдоль городов и пашен,
Идут крестьянские сыны,
Идут ребята наши.

А в их родном поселке — тишь
И ровный свет из окон.
И ты одна в саду сидишь,
Задумалась глубоко.

Быть может, не привез письма
Грузовичок почтовый.
А может, ты уже сама
В далекий путь готова.

И смотришь ты на дом, на свет,
На тени у колодца —
На все, что, может, много лет
Видать во сне придется.

И если так,
То в добрый путь —
И славно и легко нам.

Кивни же мне когда-нибудь,
В Большом театре где-нибудь,
В окне метро вагона...

1937

КАК ДАНИЛА ПОМИРАЛ

С украинского

Жил на свете дед Данила
Сто годов да пять.
Видит, сто шестой ударил, –
Время помирать.

Вволю хлеба, вволю сала,
Сыт, обут, одет.
Если б совесть позволяла,
Жил бы двести лет.

Но невесело Даниле,
Жизнь сошла на край:
Не дают работать деду,
Говорят: — Гуляй.

А гулять бесперемённо —
Разве это жизнь?
Говорили б откровенно:
Помирать ложись.

Потихоньку дед Данила
Натаскал досок.
Достает пилу, рубанок,
Гвозди, молоток.

Тешет, пилит — любо-мило,
Доски те, что звон!
Все, что делал дед Данила, —
Делал крепко он.

Сколотил он гроб надежный,
Шитный, что ладья.
Отправляется Данила
В дальние края.

И в своем гробу сосновом
Навзничь дед лежит.
В пиджаке, рубахе новой,
Саваном прикрыт.

Что в селе народу было —
Все пришли сполна.
— Вот и помер дед Данила.
— Вот тебе и на...

Рассуждают: — Потрудился
На своем веку. —

И весьма приятно слышать
Это старику.

— Ох, и ветох был, однако,
Кто-то говорит.
«Ох, и брешешь ты, собака!» —
Думает старик.

— Сыновей зато оставил —
Хлопцам равных нет.
«Вот что правда, то и правда», —
Чуть не молвил дед.

Постоял народ пристойно
И решает так:
— Выпить надо. Был покойник
Выпить не дурак.

И такое заключенье
Дед услышать рад:
Не в упрек, не в осужденье
Люди говорят.

Говорят: — Прощай, Данила,
Не посетуй, брат,
Дело ждет, по бревнам наши
Топоры торчат.

Говорят: — У нас ребята
Плотники — орлы.
Ты их сам учил когда-то
Вырубать углы.

Как зачешут топорами
Вперебой и в лад,
Басовито, громовито
Бревна загудят.

Эх, Данила, эх, Данила,
Был ты молодым!
С молодым бы впору было
Потягаться им.

Не обижен был ты силой,
Мы признать должны...
— Ах вы, — крикнул дед Данила, —
Сукины сыны!

Не желаю ваш постылый
Слушать разговор.
На леса! — кричит Данила, —
Дайте мне топор!..

1937

ПРО ДАНИЛУ

Дело в праздник было,
Подгулял Данила.

Праздник — день свободный,
В общем любо-мило,
Чинно, благородно
Шел домой Данила.

Хоть в нетрезвом виде
Совершал он путь,
Никого обидеть
Не хотел отнюдь.

А наоборот, —
Грусть его берет,
Что никто при встрече
Ему не перечит.

Выпил, — спросу нет.
На здоровье, дед!

Интересней было б,
Кабы кто сказал:
Вот, мол, пьян Данила,
Вот, мол, загулял.

Он такому делу
Будет очень рад.
Он сейчас же целый
Сделает доклад.

— Верно, верно, — скажет
И вздохнет лукаво, —
А и выпить даже
Не имею права.

Не имею права,
Рассуждая здраво.
Потому-поскольку
За сорок годов
Вырастил — и только —
Пятерых сынов.

И всего имею
В книжечке своей
Одну тыщу двести
Восемь трудодней.

Но никто при встрече
Деду не перечит.
Выпил, ну и что же?
Отдыхай на славу.
— Нет, постой, а может,
Не имею права?..

Но никто — ни слова.
Дед работал век.
Выпил, что ж такого? —
Старый человек.

«То-то и постыло», —
Думает Данила.
— Чтоб вам пусто было, —
Говорит Данила.

Дед Данила плотник,
Удалой работник,

Запевает песню:
«В островах охотник...»

В островах охотник
Целый день гуляет,
Он свою охоту
Горько проклинает...

Дед поет, но нету
Песни петь запрету.
И тогда с досады
Вдруг решает дед:
«Дай-ка лучше сяду,
Правда или нет?

Прикажу-ка сыну:
Подавай машину,
Гони грузовик, —
Не пойдет старик.

Не пойдет и только,
Отвались язык.
Потому-поскольку —
Мировой старик:
Новый скотный двор
В один год возвел».

— Что ж ты сел, Данила,
Стало худо, что ль?
Не стесняйся, милый,
Проведем, позволь.

Сам пойдет Данила,
Сам имеет ноги.
Никакая сила
Не свернет с дороги.

У двора Данила.
Стоп. Конец пути.
Но не тут-то было
На крыльцо взойти.

И тогда из хаты
Сыновья бегут.
Пьяного отца-то
Под руки ведут.

Спать кладут, похоже,
А ему не спится.
И никак не может
Дед угомониться.

Грудь свою сжимает,
Как гармонь, руками
И перебирает
По стене ногами.

А жена смеется,
За бока берется:
— Ах ты, леший старый,
Ах ты, сивый дед,
Подорвал ты даром
Свой авторитет...

Дело в праздник было,
Подгулял Данила...

1937

НА СВАДЬБЕ

Три года парень к ней ходил,
Три года был влюблен,
Из-за нее гармонь купил,
Стал гармонистом он.

Он гармонистом славным был,
И то всего чудней,
Что он три года к ней ходил,
Женился ж я на ней.

Как долг велит, с округи всей
К торжественному дню

Созвал я всех своих друзей
И всю свою родню.

Все пьют за нас, за молодых,
Гулянью нет конца.
Две легковых, три грузовых
Машины у крыльца.

Но вот прервался шум и звон,
Мелькнула тень в окне,
Открылась дверь — и входит он
С гармонью на ремне.

Гармонь поставил у окна,
За стол с гостями сел.
И налил я ему вина
И разом налил всем.

И, подняв чарку, он сказал,
Совсем смутив иных:
— Я поднимаю свой бокал
За наших молодых...

И снова все пошло смелей.
Но я за ним смотрю.
Он говорит: — Еще налей.
— Не стоит, — говорю, —

Спешить не надо. Будешь пьян
И весь испортишь бал.
А лучше взял бы свой баян
Да что-нибудь сыграл.

И вот ему выносят стул.
И свадьба вновь тиха.
Он сел и плавно развернул
Дрожащие меха.

И заиграл. И ноги вдруг
Заныли у гостей.
И все, чтоб шире сделать круг,
Посдвинулись тесней.

Забыто все, что есть в дому,
Что было на столе,
И обернулись все к нему,
Невеста в том числе.

Три года парень к ней ходил,
Три года был влюблен,
Из-за нее гармонь купил,
Играть учился он.

Кидает пальцы сверху вниз
С небрежностью лихой.
Смотрите, дескать, гармонист
Я все же не плохой...

Пустует круг. Стоит народ.
Поют, зовут меха.
Стоит народ. Чего-то ждет,
Глядит на жениха.

Стоят, глядят мои друзья,
Невеста, теща, мать.
И вижу я, что мне нельзя
Не выйти, не сплясать.

«В чем дело? — думаю. Иду: —
Не гордый человек».
Поправил пояс на ходу
И дробью взял разбег.

И завязался добрый спор,
Сразились наравне:
Он гармонист, а я танцор, —
И свадьба в стороне.

— Давай бодрей, бодрей! — кричу.
Строчу ногами в такт.
А сам как будто я шучу,
Как будто только так.

А сам, хотя навеселе,
Веду свой строгий счет,
Звенит посуда на столе,
Народ в ладони бьет.

Кругом народ. Кругом родня —
Стоят, не сводят глаз.
Кто за него, кто за меня,
А в общем — все за нас.

И все один — и те, и те —
Выносят приговор,
Что гармонист на высоте,
На уровне танцор.

И, утирая честный пот,
Я на кругу стою,
И он мне руку подает,
А я ему свою.

И вот сидим мы за столом
С соперником моим.
До края льем, по-братски пьем
И свадьбу веселим.

И нет претензий никаких
У нас ни у кого.
Невеста потчует двоих,
А любит одного.

Три года парень к ней ходил,
Три года был влюблен,
Зато хорошим гостем был
На нашей свадьбе он.
1938

ЕЩЕ ПРО ДАНИЛУ

Солнце дымное встает, —
Будет день горячий.
Дед Данила свой обход
По усадьбе начал.

Пыль дымит, дрожит земля,
Люди в поле едут.

Внук-шофер из-за руля
Кланяется деду.

День по улице идет,
Окна раскрывает,
Квохчут куры у ворот,
Кролики шныряют.

Все проснулось, все пошло
И заговорило.
А на сердце тяжело.
Темен дед Данила.

Как всегда, при нем кисет,
Спички — все чин-чином,
И невесел белый свет
По иным причинам...

Он идет. Наискосок
Тень шагает в ногу,
Протянувшись поперек
Через всю дорогу.

Вьются весело дымки:
Всюду топят печки.
Мажет дегтем сапоги
Сторож на крылечке.

— Здравствуй, сторож! Как дела? —
Говорит Данила. —
Хорошо ли ночь прошла?
Все ли тихо было?

По ухватке сторож лих,
Кроет честь по чести:
— Не случилось никаких
За ночь происшествий.

Никакой такой беды —
Ни большой, ни малой.
Только с неба три звезды
На землю упало.

Да под свет невдалеке
Пес от скуки лаял,
Да плеснулась на реке
Щука — вот такая...

Дед качает головой,
Грустен, строг и важен:
— Ничего ты, страж ночной,
И не знаешь даже.

А прошел бы нынче, брат,
Близ моей ты хаты,
Услыхал бы, как стучат
Ведра и ухваты.

Мог бы ухо приложить
К двери осторожно
И сказал бы сам, что жить
С чортом невозможно.

Ни покоя нет, ни сна —
Все грызет и точит...
— Это, стало быть, жена?..
— Называй, как хочешь...

И, едва махнув рукой,
Дед проходит мимо,
Оставляя за собой
Паутинку дыма...

Чуя добрую жару,
Свиньи ищут места.
Солнце, словно по шнуру,
Поднялось отвесно.

Воздух будто недвижим,
Золотой, медовый.
Пахнет сеном молодым
И смолой вишневой.

И среди дерев укрыт,
Выстроившись чинно,
Дружно воет и гудит
Городок пчелиный.

Луг некошеный душист,
Как глухое лядо.
Вот где благо, вот где жизнь —
Помирать не надо!

Между ульев дед прошел,
Будто проверяя,
С бороды звенящих пчел
Бережно сдувая.

Ходят дед и пчеловод,
Рассуждая тихо:
— Скоро липа зацветет... —
— Тоже и гречиха...

И приятна и легка
Дельная беседа,
Но свое исподтишка
Беспокоит деда.

— Вот живу я, — говорит, —
Столько лет на свете.
Спору нету — сыт, прикрыт
И табак в кисете.

Кликну — встанет целый взвод
Сыновей и внуков.
Ото всех кругом — почет...
А от бабы — мука.

Чем бы ни было — корит,
Все ей не по нраву.
Будто завистью горит
На мою на славу.

Ноль ты, дескать, без меня,
Мол, гордишься даром...
Места нет, как от огня,
Как от божьей кары.

Пчеловод считает пчел,
Слушает, зевает:
— Э, Данила, нипочем...
В жизни все бывает.

— Так-то так... — Встает старик,
Вроде легче стало.
Долог день, колхоз велик,
Путь еще не малый.

Над рекою, над водой,
Чуть пониже сада
Сруб выводит золотой
Плотничья бригада.

Сам Данила плотник был,
Сам всю жизнь работал;
Сколько строил и рубил —
Просто нету счета.

И доныне по своей
Деревянной части,
Может, в области во всей
Он первейший мастер.

Каждый выруб, каждый паз,
И венец, и угол
Проверяет дед на глаз —
Хорошо ль приструган.

Вся бригада старика
Разом окружила.
Тормошат его слегка:
— Похвали, Данила.

А Данила: — Что хвалить?
Надобно проверить:
Полон сруб воды налить,
Затворивши двери.

Как нигде не потечет, —
Разговор короткий:
Всем вам слава и почет
И по чарке водки.

Шутке этой — тыща лет,
Всем она известна,
Но и сам доволен дед
И бригаде лестно.

Ус погладив, бригадир
Молвит горделиво:
— Как закончим — будет пир
С музыкой и пивом.

Только ты не подведи,
Чтоб уж верно было:
Со старухой приходи,
С Марковной, Данила.

— Благодарствую, друзья... —
И бормочет глухо:
— Без старухи что ль, нельзя?
Для чего старуха?

— Как бы ни было — жена,
Сыновей рожала,
Внуков нянчила она,
Правнуков качала.

Как ни что — не близкий путь,
Жизнь прошли вы рядом.
Ну, смотри же, не забудь, —
Просит вся бригада...

Двери настежь по пути
Кузница открыла.

Мимо кузницы пройти
Может ли Данила?

Хрипло воет горн в углу,
Клещи в пекло лезут.
А повсюду на полу —
Сколько тут железа!

Лемеха, обломки шин,
Обручи, рессоры,
Шестеренки от машин,
Тракторные шпоры.

Рельс погнутый с полотна,
Кузов от пролетки,
Из церковного окна
Ржавые решетки.

И щекочет деду нос
Запах самовитый —
Краски, мази от колес,
Дыма и копыта.

И готов он без конца,
В строгом восхищенье,
Все глядеть на кузнеца,
На его уменье.

Вот он что-то греет, бьет,
Плющит и корежит.
— Ножик! — скажет наперед.
И выходит ножик.

Сам кузнец форсист и горд, —
Что ж, нельзя иначе, —
И прикуривает, чорт,
От клещей горячих.

Подавляя вздох в груди,
Дед встает с порога.
А кузнец: — Ты погоди,
Посиди немного.

На минуту на одну
Задержись, Данила,
Кочергу сейчас загну,
Марковна просила...

Дед оказии такой
Рад невероятно.
К дому с теплой кочергой
Шествует обратно.

Дело в том, что не был дед
Злобен по природе,
Да и близится обед,
Да и скучно вроде.

Да и все-таки — жена,
Сыновей рожала,
Внуков нянчила она,
Правнуков качала.

Да и правду — как ни прячь —
Спрятать не во власти:
Сам отчасти был горяч.
Виноват отчасти.

Нерешительны шаги,
Сердце трусу служит.
Но прийти без кочерги
Было б даже хуже.

Потому, как ни суди,
Все-таки услуга.
Дрогнет что-нибудь в груди
У тебя, супруга!

Только вдруг издалека,
И совсем некстати,
Окликает старика
Власов, председатель.

Сели рядом на бревне:
— Вот что, дед Данила,
Заявление ко мне
Нынче поступило...

Снял со лба фуражку дед,
Вытер пот с изнанки.
— От кого же? Ай секрет?
— От одной гражданки.

Ты старик передовой,
Для чего же ради
Со старухою женой
Миром не поладить?

Скажем попросту, подчас
Ей, жене, обидно:
Всюду ты да ты у нас,
А ее не видно.

Сам-то ты идешь вперед —
Молодому впору,
А старуха не растет —
Оттого и ссоры...

— Нет, позволь, позволь, позволь, —
Дед перебивает, —
Не бывает в жизни, что ль?
В жизни все бывает.

Про себя ж сказать могу —
Разве я сердитый?
Вот несу ей кочергу —
Значит, все забыто.

И жена от слов своих
Отреклась, я знаю.
Только нация у них
Женская такая.

Днями дружно все у нас,
Неполадки часом...
— Ну, смотри ж, в последний раз, —
Заключает Власов.

И встает. — Пока прощай.
День удался знатный.
Клевера-то, брат, как чай, —
Сухи, ароматны.

Только б тучки, — говорит, —
Не собрались за ночь.
Как погода? Постоит,
Данила Иваныч?

И, задумавшись слегка,
Молвит дед солидно:
— Постоять должна пока,
Постоит, как видно...

Подступает к дому дед
Не особо смело.
У крыльца велосипед.
Гости. Лучше дело.

У старухи прибран дом,
Пол сосновый вымыт.
И Сережка за столом,
Внук ее любимый.

От порога дед спешит
Сразу все заметить:
Вот яичница шипит
С треском на загнете.

У старухи добрый вид,
Будто все забыла:
— Где ж так долго, — говорит, —
Пропадал, Данила?

— Обошел я весь колхоз,
В кузнице промешкал,

Да зато тебе принес,
Видишь, кочережку.

— Так и знала — принесешь... —
Голос полон ласки.
Кочергу вручает все ж
Дед не без опаски.

Но, усевшись за столом,
Видит — все в порядке.
— Ну, так выпьем, агроном,
По одной лампадке?

— Всем ты, дед, весьма хорош
И всегда мне дорог.
Вот одно, что водку пьешь...
— Пью, но к разговору.

А не пить, — смеется дед, —
До чего ты ловкий!
Ведь в законе даже нет
Этой установки.

— Пей-ка! — сдался агроном.
Выпили помалу.
Закусили огурцом,
Закусили салом.

Веселее от вина
Повелися речи.
Только смотрит дед — жена
Все стоит у печи.

Будто в хате зябко ей:
Руки сощепила.
Так всю жизнь она гостей
За столом кормила.

Только б кушали они,
Только б сыты вышли.
А сама всегда в тени,
В стороне, как лишний.

Смотрит, думает свое,
Как жила когда-то...
Дед со внуком для нее
Равные ребята.

И тепло, тепло в груди,
И чему-то рада...
— Ну-ка, Марковна, ходи
Да садись-ка рядом.

Вздрогнув, кланяется им:
— Пейте, пейте, что вы...
Уж куда с питьем моим, —
Кланяется снова.

— Подходи, не стой в углу,
Не хозяйка вроде.
— Пейте, пейте... — И к столу
Медленно подходит.

Утирает скромно рот.
— Пейте, пейте. Что вы... —
Рюмку бережно берет:
— Будьте все здоровы.

Мирно старые сидят
Строгой, славной парой.
Внук с улыбкой аппарат
Тащит из футляра.

Дед и бабка за столом
Замерли совместно.
И сидят они рядком,
Как жених с невестой.

А над ними на стене,
Рядом с образами,
Ворошилов на коне
В самодельной раме.

Как получше норовит
Снять их внук форсистый.

И, серьезный сделав вид,
Щелкнул кнопкой быстро.

— Эх, живешь, не знаешь, дед,
О своей ты славе!
Про тебя один поэт
Целый стих составил.

Дед Данила весел, сыт,
Курит бестревожно:
— Все возможно, — говорит, —
Это все возможно...

1938

ДЕД ДАНИЛА В БАНЕ

За рекой над крышей бани
Пар густой валит клубами,
И вокруг на полверсты
Берега, обрывы, склоны
Пахнут каменкой каленой,
Пахнут веником зеленым
Все деревья и кусты.

Баня вытоплена жарко.
Поддавай, воды не жалко:
Речка близко, лей смелей,
Парься, лесу не жалей!

Дед Данила влез на полку,
Дед Данила лег надолго,
Дед Данила лег — так лег, —
Дубом ноги в потолок.

Дед Данила старый плотник,
Он попариться охотник.
В год не реже, как два раза,
Он бывало в печку лазал.
На снегу, среди двора,
Обливался из ведра.

И, однако, дед Данила
Отличался редкой силой.

Он об этом скажет сам.
Потаскал кряжей в охоту,
Тыщу бревен обтесал.
А и что бы только было,
Если б смолоду Данила
Мылся в бане, как теперь!
Он бы ростом был повыше,
Он бы притолоку вышиб,
Как вошел бы в эту дверь.

Плотник хвалится здоровьем,
Веселит, смешит народ.
То примером, то присловьем
Славу бане воздает.

— Если хочешь, чтобы тело
На жаре легко потело,
Чтобы сила не сдавала,
Чтоб работа ладом шла,
Чтобы хворь не приставала,
Чтоб не жалила пчела,
Чтоб жена добра была,
Чтобы речь была толкова,
Чтобы шутка — весела, —

Парься веником дубовым,
Мойся в бане добела.

Мойтесь, люди. Парьтесь вволю,
Завтра праздник — выезд в поле.
Хоть земля сама черна,
Любит чистого она.

За рекой, над крышей бани
Пар густой валит клубами.
Пар над теплою землей.

Пахнет мокрою золой,
Молодой смолой — живицей,
Молоком парным,
Весной.

1938

ИВУШКА

Умер Ивушка-печник,
Крепкий был еще старик...

Вечно трубочкой дымил он,
Говорун и весельчак.
Пить и есть не так любил он,
Как любил курить табак.

И махоркою добротной
Угощал меня охотно.

— На-ко, — просит, — удружи,
Закури, не откажи.
Закури-ка моего,
Мой не хуже твоего.

И при каждом угощенье
Мог любому подарить
Столько ласки и почтенья,
Что нельзя не закурить.

Умер Ива, балагур,
Знаменитый табакур.

Правда ль, нет — слова такие
Перед смертью говорил:
Мол, прощайте, дорогие,
Дескать, хватит, покурил...

Будто тем одним и славен,
Будто, прожив столько лет,

По себе печник оставил
Только трубку да кисет.

Нет, недаром прожил Ива,
И не все курил табак,
Только скромно, не хвастливо
Жил печник и помер так.

Золотые были руки,
Мастер честью дорожил.
Сколько есть печей в округе —
Это Ивушка сложил.

И с ухваткою привычной,
Затопив на пробу печь,
Он к хозяевам обычно
Обращал такую речь:

— Ну, топите, хлеб пеките,
Дружно, весело живите.
А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

На полях трудитесь честно,
За столом садитесь тесно.
А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

Жизнью полной, доброй славой
Славьтесь вы на всю державу.
А за печку мой ответ:
Без ремонта двадцать лет.

И на каждой печке новой,
Ровно выложив чело,
Выводил старик бедовый
Год, и месяц, и число.

И никто не ждал, не думал...
Взял старик да вдруг и умер.
Умер Ива, балагур,
Знаменитый табакур.

Умер скромно, торопливо.
Так и кажется теперь,
Что, как был, остался Ива,
Только вышел он за дверь.

Люди Иву поминают,
Люди часто повторяют:
Закури-ка моего,
Мой не хуже твоего.

А морозными утрами
Над веселыми дворами
Дым за дымом тянет ввысь.
Снег блестит все злей и ярче,
Печки топятся пожарче
И идет, как надо, жизнь...

1938

СЕМЬЯ КУЗНЕЦА

Машина под флагом стоит у крыльца,
Цветы по бортам полевые.
Сегодня большая семья кузнеца
Места покидает родные.

Не ведавший прежде далеких дорог,
Старик, человек домовитый,
Кузнец уезжает на Дальний Восток
К своим сыновьям знаменитым.

Не в гости. Еще от работы не прочь
Умелые старые руки.
С ним едет старуха и младшая дочь,
Невестки и первенцы-внуки.

Веселая, дружная эта семья
Жила, подрастала при кузнице темной,
Ухваткой и силой в отца сыновья,
А в мать красотой, моложавой и скромной.

Любил их отец. За вечерним столом
Сидели, как равные, вместе,
Вели деловитые речи втроем,
Втроем затевали и песни.

Давно ли то было? А дети росли,
И вот они вправду мужчины.
У самого края советской земли
Ведут боевые машины.

Своими сынами зовет их страна,
Знакомы народу их лица.
И носят они на груди ордена
За подвиг в бою у границы.

Родительской гордости полон старик,
За шуткой скрывает волненье:
Мол, жить мне теперь интерес не велик
От славы своей в отдаленье.

Мол, еду гулять. Ни забот, ни хлопот,
Живи, отдыхай за сынами.
А смерть подойдет — и опять же почет:
Положат под красное знамя.

И будто бы он по природе простак —
О чем еще думать такому?
А правду сказать — не совсем оно так,
И даже как раз по-другому.

Охота ему не отстать от детей,
Водить с ними прежнюю дружбу,
Чтоб было ребятам еще веселей
Нести свою трудную службу.

«Пускай они все-таки, — думает он, —
С позиции слышат недальней
Знакомый им с детства, уверенный звон
Отцовской простой наковальни».

И, глядя в глухую тревожную мглу,
Готовясь к атаке горячей,

Пускай они знают, что батька в тылу
Свою выполняет задачу.

И пусть, как товарища, чуют плечом,
Чему бы в бою ни случиться,
И многое пусть они знают, о чем
Вперед говорить не годится...

Машина под флагом стоит у крыльца,
Цветы по бортам полевые.
Сегодня большая семья кузнеца
Места покидает родные.

У той, у какой-то далекой версты,
Далеко от этого дома,
Наверно, другие цветут и цветы,
И птицы поют по-иному.

Снял шапку старик, обернулся, взглянул
На дом, на колодец, на крышу с трубою.
— Что ж, трогай! — И молодо, гордо тряхнул
Курчавой седой головою.

И жизнь как бы снова начнется вдали.
Но, дедовский край покидая,
Не брал он на память щепотку земли:
Своя она вся и родная.

1938

МАТЬ И ДОЧЬ

Мчится в поле машина,
Пыль клубится за ней...
— Не к тебе ль, Катерина?..
— Видно, к дочке моей...

Мимо льна молодого
Проезжают как раз.
— Кто здесь будет Фролова?
— Две Фроловых у нас.

Катерина Фролова —
Это вот она — я,
А Наталья Фролова
Будет дочка моя.

Вон в платочке бордовом,
Можно кликнуть сейчас.
— Нет, товарищ Фролова,
Мы-то лично до вас...

Усмехнулась и руки
Отряхнула она.
— Ну, бросайте, подруги,
Что ж, я выйду одна?..

И по льну осторожно,
Точно вброд босиком,
На лужок придорожный
Все выходят гуськом.

А в тени от машины
Встали строем одним
Седоусый мужчина
И две женщины с ним.

— Вот, товарищ Фролова,
За высокий ваш лен
От колхоза «Основа»
Вам привет и поклон.

Весь колхоз вам желает
Жить в здоровье сто лет.
Весь колхоз выдвигает
Вас в Верховный Совет.

За уход ваш любовный,
За талант и за труд
Все кругом поголовно
Голоса отдадут...

Отступив, побледнела,
Губы вытерла мать.

На своих поглядела,
На приезжих опять.

Поклонилась: — Ну, что же...
Всем спасибо мое...
Только дочь... помоложе,
Может, лучше ее?..

И тогда виновато
Гость руками развел:
— Если б ехали в сваты,
Так о чем разговор!..

И, как ветром волнуем,
Колыхнулся народ:
Мать поздравить родную
Дочь родная идет.

Мать смуглее и строже,
Дочь светлей и стройней.
Но глазами похожи
И осанкою всей.

Столько сдержанной силы
И у той и у той.
И одною красивы
Строгой кровной красой.

Взгляд и облик тот самый,
И простые черты...
...Мама, что же ты, мама,
Уж не плачешь ли ты?..

1938

ПОЛИНА

Над великой русскою равниной,
Над простором нив, лесов и вод
Летчица, по имени Полина,
Совершила славный перелет.

Были с ней ее подруги смелые,
Женщины под стать — одна в одну.
И от моря Черного до Белого
Путь лежал их через всю страну.

Глубоко внизу прошла под ними
Хлебная украинская степь,
Города, сады и темносиний,
В берегах зеленых, вольный Днепр.

И остался по пути, наверно,
Где-то в стороне один колхоз,
За оградкой низкой — птичья ферма
И постройки белые вразброс...

Там стоит немолчный
Крик куриный,
Там — всего лишь восемь лет назад —
Птичница, по имени Полина,
Созывала на дворе цыплят.

Там она вела им счет свой строгий,
Чтоб ни одного не потерять.
И клевала ей босые ноги
Хлопотливая цыплячья рать.

И в какой-то летний день обычный,
Заглушая писк и гомон птичий,
Пролетел над фермой самолет.
Птичница стояла у ворот.

И смотрела, сколько видеть можно,
Против солнца заслонясь рукой.
И могучей, сладкой и тревожной
Грудь ее наполнилась тоской...

Над великой
Русскою равниной,
Над простором
Нив, лесов и вод
Летчица, по имени Полина,
Совершила славный перелет.

1938

* * *

Мы на свете мало жили,
Показалось нам тогда,
Что на свете мы чужие,
Расстаемся навсегда.

Ты вернулась за вещами,
Ты спешила уходить.
И решила на прощанье
Только печку затопить.

Занялась огнем береста,
И защелкали дрова.
И сказала ты мне просто
Настоящие слова.

Знаем мы теперь с тобою,
Как любовь свою беречь.
Чуть увидим что такое —
Так сейчас же топим печь.

1938

ПРО ТЕЛЕНКА

Прибежал пастух с докладом
К Поле Козаковой:
Не пришла домой со стадом
Бурая корова.

Протрубил до полдня в рог
И нигде найти не мог.
Надо ж этому случиться
Горю и тревоге —
В самый раз, как ей телиться —
На последнем сроке.

Забредет, куда не след,
Пропадет — коровы нет.

Да еще совпало это,
Ради злой напасти,

Что самой хозяйки нету,
Скотницы Настасьи.

А характер у самой —
Не сказать, чтоб золотой.

Никому не будет мало,
Как сама вернется,
Вот и знала, скажет, знала —
Что-нибудь стрясется...

И пойдет, пойдет по всей
Улице хвалиться,
Что и не на кого ей
Даже положиться.

Что беды не видели,
Спали все подряд,
Что в хлеву вредители
У нее сидят.

Им с коровами не любо,
Подыхай коровы.
А с шофером скалить зубы
День и ночь готовы...

Что теперь сказать в ответ?
Правда все. Коровы нет.

Не пришла корова с поля,
Пропадет корова.
Что ж ты будешь делать, Поля,
Поля Козакова?..

Вышла за околицу,
В лес пошла одна.
Ходит Поля по лесу.
Полдень. Тишина.

Ходит Поля ельником,
Топчет мох сухой.

Пахнет муравейником,
Хвойною трухой.

В глушь непроходимую,
Жмурясь, пробралась,
Липкой паутиною
Вся обволоклась...

Лес и вдоль и поперек
Поля исходила.
Как девчонка сбилась с ног,
Села, приуныла.

С чем прийти на скотный двор,
Что сказать Настасье?
Да и тут еще шофер
Виноват отчасти.

Что недаром ходит он —
Это всем известно.
Ну и пусть себе влюблен, —
Ей неинтересно.

Хоть сто лет не будь его,
И на то согласна.
Но попреки каково
Слушать занапрасно.

Спотыкаясь, бродит снова
Девушка усталая.
Ах ты, бурая корова,
Ах ты, дура старая...

Ходит девушка — и вдруг
Где-то за кустами
Будто хрустнул тонкий сук,
Звук тревожный замер...

Притаилась в тишине,
Приподнявши брови.
Слышит: близко, в стороне
Грустный вздох коровий...

Вздох — и снова тишина,
Сонная, лесная...
Покачнулся куст — она!
Бурая, родная.

Повернула чуть рога,
Тихо промычала.
На опавшие бока
Будто показала.

Отступила, и у ног,
На траве зеленой,
Мажет слюнями листок
Рыженький теленок.

Длинноногий добрый бык,
С кличкой собственной: Лесник!

Подхватила, как ребенка,
Понесла — и следом мать.
Слышит — выпала гребенка.
Ладно, некогда искать!

Дотащилась до дороги —
Лесом, лядом напрямик.
Ох, тяжел ты, длинноногий,
Теплый, потный, рыжий бык.

Потемнели в поле тени,
Солнце спряталось в лесу.
Млеют девичьи колени,
Мочи нет.
— Не донесу...

И шатаясь, через силу,
Сзади бурая идет.
Мол, и я его носила,
А теперь уж твой черед.

Тихо Поля Козакова
С ношей движется домой.

Жалко рыжего, коровы,
Жалко ей себя самой...

Будто нет ни ног, ни рук —
Повалиться впору.
Только видит Поля вдруг
Своего шофера.

Он идет с горы к реке
С полотенцем на руке.

Он идет, ее не видя,
У него свои дела.
Закричала: — Виктор, Витя! —
Села, дальше не могла.

Подбегает он в испуге,
Плачет девушка навзрыд:
— Ты гуляешь, руки в брюки,
Я страдаю, — говорит.

Опечален и растерян,
Он бормочет: — Виноват... —
Но ему теперь не верят,
Даже слушать не хотят.

— Ты прощенья не проси.
Вот теленок. Сам неси.

Не сказал шофер ни слова,
Взял теленка и понес.
Следом — Поля Козакова,
Покрасневшая от слез.

С ношей бережно шагая,
На нее глядит шофер.
— Что ж ты нервная такая? —
Затевает разговор.

Голос ласков и участлив,
Но еще молчит она.

И своей довольна властью,
Точно строгая жена.

Пусть молчит, а все же видит —
Славный парень, верный друг.
Не оставит, не обидит
И не выпустит из рук.

Молчаливое согласье.
Что минуло — то не в счет.
И навстречу им Настасья
Выбегает из ворот.

Завела свое сначала:
— Так и знала, так и знала... —
Присмотрелась и — молчок.

Дело к свадьбе — угадала,
Улыбнулась и сказала:
— Так и знала, что бычок...

1938

СВЕРСТНИКИ

Давай-ка, друг, пройдем кружком
По тем дорожкам славным,
Где мы с тобою босиком
Отбегали недавно.
Еще в прогалинах кустов,
Где мы в ночном бывали,
Огнища наши от костров
Позаросли едва ли.
Еще на речке мы найдем
То место возле моста,
Где мы ловили решетом
Плотичек светлохвостых.
Пойдем-ка, друг, пойдем туда,
К плотине обветшалой,
Где, как по лесенке, вода
По колесу бежала.

Пойдем, посмотрим старый сад,
Где сторож был Данила.
Неделя без году назад
Все это вправду было.

И мы у дедовской земли
С тобой расти спешили.
Мы точно поле перешли —
И стали вдруг большие.

Наш день рабочий начался,
И мы с тобой мужчины.
Нам сеять хлеб, рубить леса
И в ход пускать машины.

И резать плугом целину,
И в океанах плавать,
И охранять свою страну
На всех ее заставах.

Народ мы взрослый, занятой.
Как знать, когда случится
Вот так стоять, вдвоем с тобой,
Над этою криницей?

И пусть в последний раз сюда
Зашли мы мимоходом,
Мы не забудем никогда,
Что мы отсюда родом.

И в грозных будущих боях
Мы вспомним, что за нами —
И эти милые края,
И этот куст, и камень...

Давай же, друг, пройдем кружком
По всем дорожкам славным,
Где мы с тобою босиком
Отбегали недавно...

1938

ЧКАЛОВ

Изо всех больших имен геройских,
Что известны нам наперечет,
Как-то по-особому, по-свойски,
Это имя называл народ.

Попросту — мы так его любили,
И для всех он был таким своим,
Будто все мы в личной дружбе были,
Пили, ели и летали с ним...

Богатырским мужеством и нравом
Был он славен — сталинский пилот.
И казалось так, что эта слава
Не года, уже века живет.

Что она из повестей старинных
Поднялась сквозь вековую тьму,
Что она от витязей былинных
По наследству перешла к нему.

Пусть же по наследству и по праву
В память о делах твоих, пилот,
Чкаловское мужество и слава
Чкаловским питомцам перейдет!

1938

ЗА ТЫСЯЧУ ВЕРСТ

За тысячу верст
От родимого дома
Вдруг ветер повеет
Знакомо-знакомо...

За тысячу верст
От родного порога
Проселочной, белой
Запахнет дорогой;

Ольховой, лозовой
Листвой запыленной,
Запаханным паром,
Отавой зеленой;

Картофельным цветом,
Желтеющим льном
И теплым зерном
На току земляном;

И сеном и старою
Крышей сарая...
За тысячу верст
От отцовского края...

За тысячу верст
В стороне приднепровской —
Нежаркое солнце
Поры августовской.

Плывут паутины
Над сонным жнивьем,
Краснеют рябины
Под каждым окном.

Хрипят по утрам
Петушки молодые,
Дожди налегке
Выпадают грибные.

Поют трактористы,
На зябь выезжая,
Готовятся свадьбы
Ко Дню урожая.

Страда отошла,
И земля поостыла.
И веники вяжет
Мой старый Данила.

Он прутик до прутика
Ровно кладет:
Полдня провозиться,
А париться — год!

Привет мой сыновний
Далекому краю.
Поклон мой, Данила,
Тебе посылаю.

И всем старикам
Богатырской породы
Поклон-пожеланье
На долгие годы.

Живите, красуйтесь
И будьте здоровы —
От веников новых
До веников новых.

Поклон чудакам,
Балагурам непраздным,
Любителям песен
Старинных и разных.

Любителям выпить
С охоты — не с горя,
Рассказчикам всяческих
Славных историй...

Поклон землякам —
Мастерам, мастерицам,
Чья слава большая
Дошла до столицы.

Кто храбростью, службой,
Трудом беззаветным
Прославили ныне
Мой край неприметный.

Поклон одногодкам,
С кем бегал когда-то:

Девчонкам, ребятам —
Замужним, женатым.

Поклон мой лесам,
И долинам, и водам,
Местам незабвенным,
Откуда я родом,

Где жизнь начиналась,
Береза цвела,
Где самая первая
Юность прошла...

Родная страна!
Признаю, понимаю:
Есть много других,
Кроме этого края.

И он для меня
На равнине твоей
Не хуже, не лучше,
А только милей.

И шумы лесные,
И говоры птичьи,
И бедной природы
Простое обличье;

И стежки, где в поле
Босой я ходил
С пастушеским ветром
Один на один;

И песни, и сказки,
Что слышал от деда,
И все, что я видел,
Что рано изведал, —

Я в памяти все
Берегу, не теряя,
За тысячу верст
От родимого края.

За тысячу верст
От любимого края
Я все мои думы
Ему поверяю.

Я шлю ему свой
Благодарный привет,
Загорьевский парень,
Советский поэт.

1938

ПОЕЗДКА В ЗАГОРЬЕ

Сразу радугу вскинув,
Сбавив солнечный жар,
Дружный дождь за машиной
Три версты пробежал
И скатился на запад,
Лишь донес до лица
Грустный памятный запах
Молодого сенца.

И повеяло летом,
Давней-давней порой,
Детством, прожитым где-то,
Где-то здесь, за горой.

Я смотрю, вспоминаю
Близ родного угла,
Где тут что: где какая
В поле стежка была,
Где дорожка...

А ныне
Тут на каждой версте
И дороги иные,
И приметы не те.
Что земли перерыто,
Что лесов полегло,
Что границ позабыто,
Что воды утекло!..

Здравствуй, здравствуй, родная
Сторона!
Сколько раз
Пережил я заране
Этот день, этот час...

Не с нужды, как бывало, —
Мир нам не был чужим, —
Не с котомкой по шпалам
В отчий край мы спешим
Издалека.
А все же —
Вдруг меняется речь,
Голос твой, и не можешь
Папиросу зажечь.

Куры кинулись к тыну,
Где-то дверь отперлась.
Ребятишки машину
Оцепляют тотчас.

Двор. Над липой кудлатой
Гомон пчел и шмелей.
— Что ж, присядем, ребята,
Говорите, кто чей?..

Не имел на заметке
И не брал я в расчет,
Что мои однолетки —
Нынче взрослый народ.
И едва ль не впервые
Ощутил я в душе,
Что не мы молодые,
А другие уже.

Сколько белого цвета
С липы смыло дождем.
Лето, полное лето,
Не весна под окном.
Тень от хаты косая
Отмечает полдня.

Слышу, крикнули:
— Саня! —
Вздрогнул, нет — не меня.

И друзей моих дети
Вряд ли знают о том,
Что под именем этим
Бегал я босиком.

Вот и дворик и лето,
Но все кажется мне,
Что Загорье не это,
А в другой стороне...

Я окликнул не сразу
Старика одного.
Вижу, будто бы Лазарь.
— Лазарь!
— Я за него...

Присмотрелся — и верно:
Сед, посыпан золой
Лазарь, песенник первый,
Шут и бабник былой.
Грустен. «Что ж мое дело, —
Годы гнут, как медведь.
Стар. А сколько успело
Стариков помереть...»

Но подходят, встречают
На подворье меня,
Окружают сельчане,
Земляки и родня.
И знакомые лица,
И забытые тут.
— Ну-ка, что там в столице,
Как там наши живут?

Ни большого смущенья,
Ни пустой суеты,
Только вздох в заключенье;

— Вот приехал и ты...
Знают: пусть и покинул
Не на шутку ты нас,
А в родную краину,
Врешь, заедешь хоть раз.
Врешь, забудешь едва ли
И друзей и сельчан...
— Был на фронте, слыхали,
Наших, может, встречал?

Все Загорье готово
Час и два простоять,
Что ни речь, что ни слово, —
То про наших опять.

За недолгие сроки
Здесь прошли-пролегли
Все большие дороги,
Что лежали вдали.

И велик, да не страшен
Белый свет никому.
Всюду наши да наши,
Как в родимом дому.

Наши вверх по науке,
Наши в дело идут.
Наших жителей внуки
Только где не растут!

Подрастут ребятишки,
Срок пришел — разбрелись.
Будут знать понаслышке,
Где отцы родились.

И как возраст настанет
Вот такой же, как мой,
Их, наверно, потянет
Не в Загорье домой.

Да, просторно на свете
От крыльца до Москвы.
Время, время, как ветер,
Шапку рвет с головы...

— Что ж мы, добрые люди, —
Ахнул Лазарь в конце, —
Что ж мы так-таки будем
И сидеть на крыльце?

И к Петровне, соседке,
В хату просит народ.
И уже на загнетке
Сковородка поет.

Чайник звякает крышкой,
Настежь хата сама.
Две литровки подмышкой
Молча вносит Кузьма.

Наш Кузьма неприметный,
Тот, что из году в год,
Хлебороб многодетный,
Здесь на месте живет.

Вот он чашки расставил,
Налил прежде в одну,
Чуть подумал, добавил,
Поднял первую:
                    — Ну!
Пить — так пить без остатку,
Раз приходится пить... —
И пошло по порядку,
Как должно оно быть.

Все тут присказки были
За столом хороши.
И за наших мы пили
Земляков от души.
За народ, за погоду,
За уборку хлебов,

И, как в старые годы,
Лазарь пел про любовь.

Пели женщины вместе,
И Петровна — одна.
И была ее песня —
Старина-старина.

И она ее пела,
Край платка теребя,
Словно чье-то хотела
Горе взять на себя.

Так вот было примерно.
И покинул я стол
С легкой грустью, что первый
Праздник встречи прошел,
Что, пожив у соседей,
Встретив старых друзей,
Я отсюда уеду
Через несколько дней.
На прощанье помашут —
Кто платком, кто рукой,
И поклоны всем нашим
Увезу я с собой.
Скоро ль, нет ли, не знаю,
Вновь увижу свой край.

Здравствуй, здравствуй, родная
Сторона.
И — прощай!..

1939

НА ХУТОРЕ ЗАГОРЬЕ

На хуторе Загорье
Росли мы у отца.
Зеленое подворье
У самого крыльца.
По грядкам — мак махровый,

Подсолнух, лук, морковь.
На полдень сад плодовый:
Пять яблонь — пять сортов.

На хуторе Загорье
В былые времена
Леса, поля и взгорья
Имели имена.

На Белой горке солнце
Вставало поутру,
На Желтой горке — елки
Темнели ввечеру.
А поле, что за баней
Легло левей гумна,
Мы Полем под дубами
Назвали издавна.

Свой клин, своя держава
Лежала у крыльца,
Налево и направо —
До первого копца *.

На том большом просторе,
Все как один с лица,
На хуторе Загорье
Росли мы у отца.
На хуторе корову
Пасли мы впятером,
Сад стерегли плодовый,
Смотрели за двором.
В овине хлеб сушили,
Брели за бороной.
Ходили, как большие,
С руками за спиной.

Мы были хуторяне.
Отец нам не мешал,
Мы хутор свой заране
Делили по душам.

---

* Межевой знак.

В избе и в поле часто
Вели мы жаркий спор,
Кому какой участок,
Кому где ставить двор.

Согласно поговорке,
Старались так решить,
Чтоб не тебе задворки,
А мне одни оборки,
А чтоб на Белой горке
И чтоб на Желтой горке
Всем братьям ровно жить.
Дворов, дворов — деревня,
Все батькины сыны.
На пятерых деревья
В саду разделены.

На пятерых коровка,
И лошадь, и хомут,
На пятерых веревка
И наш ременный кнут.
На пятерых, по силе,
Лопата, плуг, коса,
На пятерых — четыре
Тележных колеса...

О детство! Смех и горе!
Десятою травой
На хуторе Загорье
Порос участок мой.

Ни знака, ни приметы
Бывалой не найдешь,
Ни Белой горки нету,
Ни Желтой горки — рожь,
Высоко, гордо вскинув
Свой колос молодой,
Границы хуторские
Укрыла под собой.

На хутор свой Загорье —
Второй у батьки сын —
На старое подворье
Приехал я один.

А где ж вы, братья, братцы,
Моя родная кровь?
Вам съехаться б, собраться
На старом месте вновь.

Как в песне либо в сказке,
Слететься б вам, друзья,
Слететься б вам, подпаски
Загорьевской закваски, —
Да нет! Как раз нельзя.

На юг от нашей бани,
Куда клонится хлеб,
Наш старший на Кубани
Комбайны водит в степь,

А с кем участки брали
Бок о бок акурат, —
Наш средний на Урале
В заводе мастер брат.

Еще один границу
Над Бугом бережет.
А младшему учиться
На летчика расчет.

Как в песне либо в сказке —
Забот моей родне:
Великие участки
У всех в родной стране.

Тому его станица,
Тому завод, тому
По службе отличиться
Охота самому,

Налево и направо
Лежит во все концы
Свой край, своя держава, —
Служите, молодцы!

По долгу и по праву,
Когда настанет час,
На смерть, на бой, на славу
За Родину-державу
Идите, не страшась!

На хутор свой Загорье —
Второй у батьки сын —
На старое подворье
Пришел, стою один.
Стою во ржи молочной,
И так далек, далек
Глухой, чудной, нарочный
Наш хутор-хуторок.

Сошло, прошло, забыто,
Давно, как пыль дождем,
К земле сырой прибито,
Пластом земли покрыто,
И дымным цветом жито
Цветет на месте том...

1939

ДРУЗЬЯМ

Друзья, с кем я коров стерег,
Костры палил, картошку пек,
С кем я сорочьи гнезда рыл,
Тайком ольховый лист курил, —
Друзья, когда кому-нибудь
Еще случится заглянуть
В Загорье наше, — это я
Все наши обошел края,
По старым стежкам я бродил,
За всех вас гостем я здесь был.

Пойду в поля — хлеба стеной,
Во ржи не виден верховой.
Гречихи, льны, овсы — по грудь,
Трава — косы не протянуть.

Земля в цвету — и все по ней:
В домах — светлей, народ — добрей.
А нынче, в самый сенокос,
На гармониста всюду спрос.

Как вечер — танцы при луне,
Как вечер, братцы, грустно мне —
В своих местах, в родных кустах
Без вас, друзей, гулять в гостях.
Я даже думал в эти дни:
А вдруг как съедутся они
Со всех концов, краев, столиц,
С военных кораблей, с границ!
И сядем мы за стол в кружок,
И за вином пошлем в ларек.
И выпьем мы, как долг велит,
Без лишних споров и обид,
Друг перед дружкою гордясь,
На ордена свои косясь.

Но вы, друзья, кто там, кто там,
У дела, по своим постам.
Вы в одиночку, как и я,
В родные ездите края.
Наш год, наш возраст самый тот,
Что службу главную несет.
И быть на месте в должный час
Покамест некому из нас...

Друзья, в отцовской стороне,
Не знаю что: не спится мне.
Так зори летние близки,
Так вкрадчиво поют сверчки,
Так пахнут липы от росы,
И в сене тикают часы,

А щели залиты луной,
А за бревенчатой стеной,
Во сне, как много лет назад,
Считает листья старый сад.
Глухой, на ощупь, робкий счет —
Все тот, а все-таки не тот...

И всяк из вас, кто вслед за мной
Свой угол посетит родной,
Такую ж, может быть, точь-в-точь
Здесь проведет однажды ночь.
Наверно, так же будет он
Взволнован за день, возбужден,
Лежать, курить, как я сейчас,
О детстве думая, о нас,
О давних днях, о старине,
О наших детях, о войне,
О множестве людских путей,
О славе Родины своей.

1939

НА СТАРОМ ДВОРИЩЕ

Во ржи чудно и необычно —
С полуобрушенной трубой,
Как будто памятник кирпичный,
Стоит она сама собой.

Вокруг солома в беспорядке,
Костра сухая с потолка,
Плетень, поваленный на грядки,
И рытый след грузовика.

Пустынно. Рожь бушует глухо,
Шумит — и никого кругом.
И только с граблями старуха
На бывшем дворище своем.

Бегут дымки ленивой пыли.
С утра старуха на ногах,

Все ищет, — может, что забыли
На старом месте второпях.

И хоть вокруг ни сошки нету,
От печки той одной — нет-нет,
Повеет деревом согретым,
Прокопченным за много лет.

Повеет вдруг жильем обжитым:
Сенями — сени, клетью — клеть.
И что-то вправду здесь забыто,
И жаль, хоть нечего жалеть.

А солнце близится к обеду,
Глядит старуха, ждет людей —
В последний раз сюда приедут,
Живи, живи да молодей!

Там, где отныне двор, где люди,
Где всем углам иная стать,
В других окошках солнце будет
Всходить, в других вполдни стоять.

Там, где и улица и речка,
Где ближе к дому белый свет, —
Дымить уже не будет печка,
Как эта здесь от ветхих лет.

Во ржи — чудно и необычно,
Кидая на подворье тень,
Как будто памятник кирпичный,
Стоит она. Последний день.

Кирка и лом покончат с нею
И плуг проедет прицепной.
И только гуще и темнее
Здесь всходы выбегут весной.

1939

* * *

Рожь, рожь... Дорога полевая
Ведет неведомо куда.
Над полем низко провисая,
Лениво стонут провода.
Рожь, рожь — до свода голубого.
Чуть видишь, где-нибудь вдали,
Ныряет шапка верхового,
Грузовичок плывет в пыли.
Рожь уходилась. Близки сроки.
Отяжелела и на край
Всем полем подалась к дороге,
Нависнула — хоть подпирай.
Знать, колос, туго начиненный,
Четырехгранный, золотой,
Устал держать пуды, вагоны,
Составы хлеба над землей.

1939

ХЛЕБ

На бесхлебье Степка Голубь
С малолетства рос.
И терпел великий голод
До седых волос.

Все большие выждал сроки,
И, еще силен,
Хлеб могучий, хлеб высокий
Свой увидел он.

Поле набок покосило,
Колос тот — что цеп.
Вековая встала сила,
Мировая — хлеб.

Он лежит на юг, на север,
Запад и восток.
Не пахал бы сам, не сеял —
Как бы верить мог!

Хоть налево, хоть направо
Глянешь — степь и степь,
Хлеб и хлеб — всему держава,
Честь и слава — хлеб.

Почему при этом хлебе, —
Всякий посуди, —
Не летать машинам в небе, —
День и ночь гуди.

Почему, на этот новый
Глядя урожай,
Не рожать детей здоровых, —
Каждый год рожай.

Почему от года к году
В стороне любой
Веселей не жить народу, —
Можно. Хлеб такой!

Ровный, солнцем золоченный,
В поле на корню
Пахнет хлебом он печеным,
Гуще день ко дню...

Враспояску, с грудью голой,
Моложав, кремян,
В рожь, как в воду, входит Голубь,
Голубев Степан.

Поперек неторопливой
Полевой волны,
Разводя над стежкой ниву
На две стороны,

Он прошел, — сравнял примету
Ветер верховой,
И пропал Степан, и нету,
Скрылся с головой...

1939

* * *

День пригреет — возле дома
Пахнет позднею травой,
Яровой, сухой соломой
И картофельной ботвой.
И хотя земля устала,
Все еще добра, тепла:
Лен разостланный отава
У краев приподняла.
Но уже темнеют реки,
Тянет кверху дым костра.
Отошли грибы, орехи.
Смотришь, утром со двора
Скот не вышел. В поле пусто.
Белый утренник зернист.
И свежо, морозно, вкусно
Заскрипел капустный лист.
И за криком журавлиным,
Завершая хлебный год,
На ремонт идут машины,
В колеях ломая лед.

1939

ДЕД ДАНИЛА В ЛЕС ИДЕТ

Неизменная примета,
Что самой зиме черед, —
В шубу, в валенки одетый,
Дед Данила в лес идет.

Ходит по лесу тропою,
Ищет понизу на глаз:
Что ни самое кривое,
То ему и в самый раз.

Подыскать дубок с коленцем,
Почуднее что-нибудь,
Ловко вырубить поленце,
Прихватить — и дальше в путь.

Дело будто бы простое,
Но недаром говорят:
Как пойдешь искать прямое —
То кривое все подряд,
А пойдешь искать кривое —
Все прямое акурат.

Нарубил дубья Данила
Добрый на зиму запас,
Чтобы чем заняться было
В долгий вечер, в поздний час.

Не прошел большой науки,
Плотник — все же не столяр,
Но от скуки — на все руки,
Чтоб верстак не зря стоял.

Чуть нужда — к Даниле сразу
Конюх, сторож, кладовщик.
Крюк ли, обруч — нет отказу,
Санки, грабли — рад старик.

Ничего не жаль Даниле —
И запаслив и не скуп.
Только любит, чтоб спросили
У него про клен и дуб.

До того Даниле любо
Вновь подробно изложить,
Что нельзя, мол, жить без дуба,
А без клена можно жить;
Что не может клен под срубом
Так, как дуб, столбом служить.

Что береза — клену впору —
Тот же слой и тот же цвет.
Но не может быть и спору,
Что замены дубу нет.

Дуб — один. На то и слово:
Царь дерев. Про то и речь.

Правда, лист хорош кленовый —
Хлеб сажать хозяйке в печь.

И давно ли это было —
Год назад, не то вчера —
Так не так, а деду мило
Вспомнить эти вечера.

Ходит он неутомимый,
И желательно ему,
Чтоб и в нынешнюю зиму
Разговор вести любимый
За работою в дому.

Крепок дуб, могуча сила,
Но и дубу есть свой век.
«Дубу, — думает Данила, —
А Данила — человек».

Ходит старый, гаснет трубка,
Остановка, что ни шаг.
Ходит, полы полушубка
Подоткнувши под кушак.

Лес притихнул. Редко-редко
Белка поверху стрельнет,
Да под ней качнется ветка,
Лист последний упадет.

И как будто в сон склонило.
День к концу. Пора назад.
Вышел из лесу Данила —
Мухи белые летят.

С рукава снежинку сдунул.
Что-то ноша тяжела.
«Вот зима пришла, — подумал,
Постоял. — За мной пришла».

Час придет — и вот он сляжет.
И помрет. Ну что ж! Устал.

И, наверно, кто-то скажет:
— Дед Данила дуба дал.

Шутка издавна известна.
Шутка — шуткой. А дубье
Нарубил — неси до места.
Дослужи, Данила, честно,
Дальше дело не твое.

1939

СЛОВО О ЗЕМЛЕ

С покосом, со всем урожаем,
Кругом — от села до села —
Родная земля, что чужая,
У нас под ногами была.

Не пан поднимал ее в поле,
Не пан ее рыл и копал,
Не пан ее издавна холил,
Берег и лелеял не пан.

То мы от рожденья до гроба,
От века до нынешних дней,
То мы — мужики-землеробы —
Бессменно трудились на ней.

Родная земля, не чужая,
Кругом — от села до села —
У нас под ногами лежала,
Да в наших руках не была.

На пана ее мы орали,
Ворочали из года в год,
А хлеба с нее христа-ради
Просили у панских ворот.

Неправой и проклятой власти
Настал долгожданный конец:
Мы встретили красные части
И панский зарыли копец.

Пускай мы не ленту стальную,
Что возит с собой межевой, —
Простую веревку тянули,
Народ наделяя землей.

Кто скажет, кто словом осудит?
На честное дело мы шли.
Где видано, добрые люди,
Своей нам чураться земли?

Батрацкие бедные семьи,
Голодный народ горевой,
Все те, что мечтали про землю,
Отныне владейте землей!

Под крепкой, надежной защитой
Поглубже взрыхляйте ее,
Чтоб славное выросло жито,
Чтоб славное было житье!

Западная Белоруссия
1939

* * *

Зашел я в дом, где жил Герой,
А нынче мать его осталась,
Да с ней парнишка — сын второй,
Что стал опорою под старость.

Большому горю скоро год,
А мать попрежнему украдкой —
Нет-нет и снова перечтет
Все те слова бумаги краткой.

Знать, с каждым разом в том письме
Дороже буква ей любая.
Сидит, забывшись, как во сне,
Из рук платок не выпуская.

С пеленок сына никому
Не уступали эти руки,

Кроили курточки ему,
Обнять спешили в день разлуки.

И вот молва гремит о нем,
Все почести ему отдали.
А здесь его, в селе родном,
Еще по отчеству не звали —

Так молод был. Кому бы знать,
Что многих славою богаче
Он станет вдруг. А мать? А мать
И думать не могла иначе.

Что в самый кинется огонь,
Не струсит, знала без проверки...
Стоит в углу его гармонь
И стопка книг на этажерке.

И на меньшого смотрит мать:
Ничем тут, видно, не поможешь,
Ему играть, ему читать
И быть на старшего похожим.

1940

ЛЕНИН И ПЕЧНИК

В Горках знал его любой,
Старики на сходку звали,
Дети — попросту, гурьбой,
Чуть завидят, обступали.

Был он болен. Выходил
На прогулку ежедневно.
С кем ни встретится, любил
Поздороваться душевно.

За версту — как шел пешком —
Мог его узнать бы каждый.
Только случай с печником
Вышел вот какой однажды.

Видит издали печник,
Видит: кто-то незнакомый
По лугу по заливному
Без дороги — напрямик.

А печник и рад отчасти, —
По-хозяйски руку в бок, —
Ведь при царской прежней власти
Пофорсить он разве мог?

Грядка луку в огороде,
Сажень улицы в селе, —
Никаких иных угодий
Не имел он на земле...

— Эй, ты, кто там ходит лугом!
Кто велел топтать покос?! —
Да с плеча на всю округу
И поехал, и понес.

Разошелся.
А прохожий
Улыбнулся, кепку снял.
— Хорошо ругаться можешь, —
Только это и сказал.

Постоял еще немного,
Дескать, что ж, прости отец,
Мол, пойду другой дорогой...
Тут бы делу и конец.

Но печник — душа живая, —
Знай меня, не лыком шит! —
Припугнуть еще желая:
— Как фамилия? — кричит.

Тот вздохнул, пожал плечами,
Лысый, ростом невелик.
— Ленин, — просто отвечает.
— Ленин? — Тут и сел старик.

День за днем проходит лето,
Осень с хлебом на порог,
И никак про случай этот
Позабыть печник не мог.

И по свежей по пороше
Вдруг к избушке печника
На коне в возке хорошем
Два военных седока.

Заметалась беспокойно
У окошка вся семья.
Входят гости:
— Вы такой-то?
Свесил руки:
— Вот он я...

— Собирайтесь! —
Взял он шубу,
Не найдет где рукава.
А жена ему:
— За грубость,
За свои идешь слова...

Сразу в слезы непременно,
К мужней шубе — головой.
— Попрошу, — сказал военный, —
Ваш инструмент взять с собой.

Скрылась хата за пригорком.
Мчатся санки прямиком.
Поворот, усадьба Горки,
Сад, подворье, белый дом.

В доме пусто, нелюдимо,
Ни котенка не видать.
Тянет стужей, пахнет дымом —
Ну овин — ни дать, ни взять.

Только сел печник в гостиной,
Только на пол свой мешок —

Вдруг шаги, и дом пустынный
Ожил весь, и на порог —

Сам, такой же, тот прохожий.
Печника тотчас узнал:
— Хорошо ругаться можешь, —
Поздоровавшись, сказал.

И вдобавок ни словечка,
Словно все, что было, — прочь.
— Вот совсем не греет печка.
И дымит. Нельзя ль помочь?

Крякнул мастер осторожно,
Краской густо залился.
— То-есть как же так нельзя?
То-есть вот как даже можно!..

Сразу шубу с плеч — рывком,
Достает инструмент. — Ну-ка... —
Печь голландскую кругом,
Точно доктор, всю обстукал.

В чем причина, в чем беда,
Догадался — и за дело.
Закипела тут вода,
Глина свежая поспела.

Все нашлось — песок, кирпич,
И спорится труд, как надо.
Тут печник, а там Ильич
За стеною пишет рядом.

И привычная легка
Печнику работа.
Отличиться велика
У него охота.

«Только будь, Ильич, здоров,
Сладим любо-мило,
Чтоб, каких ни сунуть дров,
Грела, не дымила.

Чтоб в тепле писать тебе
Все твои бумаги,
Чтобы ветер пел в трубе
От веселой тяги.

Тяга слабая сейчас —
Дело поправимо,
Дело это — плюнуть раз,
Друг ты наш любимый...»

Так он думает, кладет
Кирпичи по струнке ровно.
Мастерит легко, любовно,
Словно песенку поет...

Печь исправлена. Под вечер
В ней защелкали дрова.
Тут и вышел Ленин к печи
И сказал свои слова.

Он сказал, — тех слов дороже
Не слыхал еще печник:
— Хорошо работать можешь,
Очень хорошо, старик.

И у мастера от пыли
Зачесались вдруг глаза.
Ну, а руки в глине были —
Значит, вытереть нельзя.

В горле где-то все запнулось,
Что хотел сказать в ответ,
А когда слеза смигнулась,
Посмотрел — его уж нет...

За столом сидели вместе,
Пили чай, велася речь
По порядку, честь по чести,
Про дела, про ту же печь.

Успокоившись немного,
Разогревшись за столом,

Приступил старик с тревогой
К разговору об ином.

Мол, за добрым угощеньем
Умолчать я не могу,
Мол, прошу, Ильич, прощенья
За ошибку на лугу.

Сознаю свою ошибку...
Только Ленин перебил.
— Вон ты что, — сказал с улыбкой, —
Я про то давно забыл...

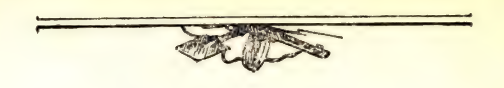
По морозцу мастер вышел,
Оглянулся не спеша:
Дым столбом стоит над крышей, —
То-то тяга хороша.

Счастлив, доверху доволен,
Как идет — не чует сам.
Старым садом, белым полем
На деревню зачесал...

Не спала жена, встречает:
— Где ты, как? — душа горит...
— Да у Ленина за чаем
Засиделся, — говорит...

1938—1940

ФРОНТОВАЯ ХРОНИКА

НАСТУПЛЕНИЕ

Сто двадцать третьей
ордена Ленина дивизии
посвящается

Еще курились на рассвете
Землянок редкие дымки,
Когда полки Сто двадцать третьей
К опушке вынесли штыки.

В лесу, не стукнув, сняли лыжи,
Исходный заняли рубеж.
Был воздух сух, морозом выжат
И необычно детски свеж.

А тишина была такая,
Как будто все, что есть вокруг,
Весь мир от края и до края
Прислушивался...
И вдруг
Земля — вперед! Качнулись сосны.
А иней — точно дым с ветвей.
Огонь рванулся смертоносный
С укрытых наших батерей.

И шепелявый визг металла
Повис над самой головой.
И лес оглох. И ясно стало,
Что — началось, что это — бой.

И небо всех и все пригнуло
К земле, как низкий потолок.
И в блиндажах со стен от гула
Потек песок...

Под канонаду со стоянки
В снегу, как в мельничной пыли,
С разгону вздыбленные танки,
Почти неслышные, прошли.

И вслед за огневым налетом
К высотам, где укрылся враг,
Пошла, пошла, пошла пехота,
Пошла, родимая!
Да как!

Еще орудья не остыли
От краткой яростной пальбы,
Еще стволы деревьев ныли,
Как телеграфные столбы, —

Бойцы уже едва виднелись
На сером вспаханном снегу.
Бежали в рост, у самой цели,
Шинели сбросив на бегу.

Одни из тех, что шли вначале,
На полпути еще легли.
Живые знамя расправляли
В дыму, вдали.

И к тем живым — своим, живые
Бежали, шли, тянули связь,
И даже кухни полевые
В тылу подвинулись дымясь.

Вперед, вперед катилась лавой
Дивизия. Была она
Своей сегодняшнею славой
Еще в тот день озарена.

1939—1940

МАТЬ ГЕРОЯ

Из деревни отдаленной
Пишет в полк старуха мать.
Пишет Лаптева Олена,
Просит правду отписать.

Отписать, ответить вскоре, —
Хоть простым, хоть заказным:
Что так долго сын Григорий
Ей не пишет? Что там с ним?

Как он, ро́дный, где он, кровный?
В ночь до света не заснуть,
Не забыться. Жив, здоров ли
Или вовсе что-нибудь...

Край не близкий, свет — не хата, —
Ничего не слышит мать.
Или почта виновата?
Так ли, нет ли — только б знать...

День за днем идут, проходят,
Все гадает про ответ.
То на сердце легче вроде,
То подступит — мочи нет.

Умываться ль станет кошка,
Нож ли на пол упадет,
Снег ли хрустнет под окошком —
И, не веря, сердце ждет.

Час пришел. Стоял морозец.
Послыхала из сеней —
Скрипнул близко письмоносец
Сумкой кожаной своей.

И в тоске невыразимой
Сжала руки на груди.
Проходи ты, горе, мимо,
На порог не заходи.

Вот письмо. Письмо про сына.
Заняла дыханье боль.
Правды всей сама просила,
Да узнать ее легко ль?

Как прочесть письмо такое?
Только радость с первых слов:

«Сын ваш Лаптев, храбрый воин,
Жив, и весел, и здоров.
Сообщить Вам нынче рады,
Что за редкий подвиг он
Самой высшею наградой
По Указу награжден.
Он стоит, Герой, на страже,
И от нашего лица,
От полка, спасибо наше
Вам за сына-храбреца.
Шлем его привет сыновний,
Он еще напишет сам...»
Под последней строчкой ровной
Подпись книзу: комиссар...

Что прошло — минута, час ли,
Или канул год в дыму?
Не бывало столько счастья
Сразу, вдруг, в одном дому.

И пришло на память старой
Все, что может вспомнить мать...

Хорошо и комиссару
Весть такую посылать...

1940

ГРИГОРИЙ ПУЛЬКИН

Когда кузнец — кузнец хороший,
В искусстве ковочном горазд,
Любой крови любая лошадь
Ему с охотой ногу даст.

Когда рука его набита,
Он лишь прищурится слегка
И посылает гвоздь в копыто
Одним ударом молотка.

И у него в дивизионе, —
Проверь на самый строгий глаз, —
В порядке все — обуты кони
По мерке, точно, в самый раз.

И на крутом подъеме тяжком,
Когда орудье вниз рванет,
Артиллерийская упряжка
Не будет зубы бить об лед.

Мороз. В лесу звенят сосульки,
Подкова рубит лед сухой,
Твоей она, Григорий Пулькин,
Умелой пригнана рукой.

Но сам он это в счет не ставил.
Случился день, когда в бою
И сверх того еще прославил
Кузнец фамилию свою.

Кругом земля стонала стоном,
И осыпь дымная с ветвей
Ложилась белою попоной
На спины потные коней.

Глотали люди снег с устатку,
Любой работал за троих,
Но приходилось по десятку
Врагов на каждого из них.

У ног живых в снегу лежали
Убитые. Редел народ.
Носилок раненые ждали, —
Не доходил до них черед.

В разгаре боя у опушки
Вдруг увидал кузнец в дыму,

Что остается возле пушки
Один наводчик. И к нему —
Помочь. Ну что ж, не гнать обратно:
— Гляди — шнурок. Вперед не лезь.
Как крикну — дергай.
— Есть! Понятно.
— Да сам пригнись.
— Понятно. Есть.

И хоть впервые с пушкой рядом
Стоял кузнец, однако смог
Таскать наводчику снаряды,
По знаку дергать за шнурок.

Казалось так: покуда живы,
Решили разом тот и тот,
Уговорились молчаливо
Стоять вдвоем за весь расчет.
И знали оба, что, быть может,
Они уже окружены,
Что только жизни подороже
Свои отдать они должны.

А вражья цепь все ближе, ближе
Ползла, росла из-за кустов,
Штыки, халаты, каски, лыжи,
Дыханья пар из сотен ртов —
Уже вблизи. Но двое грудью
Атаку встретили.
— Огонь!
Прямой наводкой из орудья
Внезапно дали раз, другой...

Угрюмо вниз глядело дуло.
Кого осколок не сразил,
Того волной воздушной сдуло —
С тех пор он хлеба не просил.

Столбами черными в пожаре
Взлетала мерзлая земля,

Вдвоем атаку отражали
Они, как два богатыря.

И так в бою кузнец старался,
Так управлялся в свой черед,
Что мельком даже улыбался
Наводчик, утирая пот.

Когда ж от наших пулеметов
Пошла в лесу трещать кора
И понесла вперед пехота
Свое родимое «ура!»,
Когда бойцы вздохнули вместе
И стихнул пуль последний свист, —
Он похвалил его по чести,
Толкнул в плечо:
— Артиллерист!..

Тот к пушке подошел устало.
Металл был тепел под рукой,
И пахло, точно в кузне старой,
Огнем, окалиной сухой,
Землей натоптанной. Работа
Была похожая вполне.
На сером ватнике от пота
Пробился иней по спине.

Ломила усталь в пояснице,
Дрожмя дрожали пальцы рук.
И снегу чистого — помыться —
Ни горсти не было вокруг...

Уже у всех кузнец в помине,
Уже с людьми какими в ряд!
Уже родители о сыне,
Наверно, речи говорят.

А он у дела, как обычно,
На службе срочной. И порой
Ему в Героях непривычно,
Но как бы ни было — Герой.

И у него в дивизионе, —
Проверь на самый строгий глаз, —
В порядке все — обуты кони
По мерке, точно, в самый раз.

1940

ШОФЕР АРТЮХ

Поначалу вроде
Песенки простой:
Жил Артюх Володя,
Парень холостой.

Жил, служил шофером,
За рулем был строг,
Впору, к разговору,
Также выпить мог.

Только все и знали:
Есть такой шофер.
Вдруг его призвали
На военный сбор.

Много или мало
Дней прошло — война.
А ему сказала
Женщина одна:

— Хоть и посмеешься,
Может, надо мной,
Верю, что вернешься
С орденом домой.

Отвечал: — Не гордый,
Буду жив, — вернусь,
А сказать про орден...
Я и не гонюсь...

И у переправы
В памятном бою

Не гадал про славу
Парень про свою.

Берег недалекий
Под огнем врага.
Тайпалеен-Йоки —
Быстрая река.

Позади колонна —
Сотни грузовых,
И полупонтоны
Шапками на них.

Впереди запнулись,
Некуда назад,
В очередь под пули
Сбились и стоят.

Все к тому приспело —
Вырвись, путь открой.
Для такого дела
Нужен был герой.

Время дорогое,
Путь в огне, в дыму.
Где ж искать героя? —
Надо самому.

Смотрят белофинны,
Ошеломлены:
Мчит на них машина
С нашей стороны.

То не танк, не грозный
Катит броневик, —
То простой обозный
Серый грузовик.

Мчит без остановки
Впереди машин.
Человек с винтовкой
За рулем — один.

А пока шюцкоры
Были в столбняке,
Наши понтонеры
Бросились к реке.

И кипит работа
Живо под огнем.
И — садись, пехота,
Вмиг перевезем.

Стремя на протоке
Гонит и кружит,
Тайпалеен-Йоки
Позади лежит.

Наши с места в гору
Налегке спешат,
Руку жмет шоферу
Артюху комбат.

Парень отличился —
На три дня домой.
С орденом явился,
С Золотой Звездой,

Вот он возмужалый,
Но как был с лица,
Та, что провожала,
Рада без конца.

Гостя усадила,
Стол ему накрыт.
— Что ж, не страшно было?
— Страшно, — говорит. —

Страшно, только нужно... —
И об этом смолк.
Служба — это служба,
Подвиг — это долг.

1940

БАЛЛАДА О КРАСНОМ ЗНАМЕНИ

Там снег с землей, песок с золой
Перемешались кашей.
То был налет наш огневой,
Работа пушек наших.
Спешил снаряд снаряду вслед,
И было столько бито,
Что без отметки камня нет,
Вершка земли невзрытой.
Казалось, мы карьер вели
В обрушенном откосе,
И был отрыт из-под земли
Бетонный броненосец.
Он был отрыт, помят, подбит,
И мог увидеть всякий
На той броне из толстых плит
Ударов наших знаки.
Его мы доняли огнем,
Но за стеной бетонной
Еще дышал, дежурил в нем
Противник оглушенный.
Он не дремал, глаза разул, —
Чуть поднимись пехота —
Из уцелевших амбразур
Строчили пулеметы.
Укрыт броней, сидел в тепле,
А мы — в снегу сыпучем —
Ничком лежали на земле
У проволоки колючей.
И смельчаки из наших рот,
Бесценные ребята,
С рукой, протянутой вперед,
С винтовкой, в ней зажатой,
В сугробах сделав шаг, другой,
Навек закоченели,
И снег поземкою сухой
Присыпал их шинели.
Уже считалось: никому —
И храбрецу любому —

К откосу черному тому
Не добежать живому.
Но вот привстал еще один,
Другой — и мы за ними.
Был первый Шилов, командир, —
Запомним это имя!
На тот откос он знамя нес,
Он звал нас за собою.
— Ура! За Родину! — неслось
Над белым полем боя.
Когда ж убитым он упал,
Бежавший вслед с другими
Схватил древко боец Лупан, —
Запомним это имя.
— За мной, ребята! — крикнул он
И кинулся на взгорок.
Не добежав, он был сражен,
Но шаг, и тот был дорог.
И третий знамя подхватил,
Как в беге эстафету.
Героем третьим Зу́бец был, —
Запомним имя это.
Его противник не скосил,
Он жив — и ныне с нами.
Он добежал, он водрузил
На взгорке наше знамя.

Еще на этом рубеже
Держался враг упорно,
Но знамя красное уже
Вилось над башней черной.
И подползти, подлезть к нему
С незанятой опушки
Мы не давали никому,
Держали всех на мушке.
Бойцы, отменные стрелки,
Следили неотрывно,
Чтоб протянуть к нему руки
Не мог, не смел противник.
Тут было сказано: — Не тронь! —
И наше слово точно.

А он по знамени — огонь.
А мы огонь — по точкам.

И вновь ему — ни встать, ни сесть,
Ложись, забудь забаву.
Мы охраняли нашу честь
И наших братьев славу.
Мы не щадили ничего
В бою за знамя наше,
Чтоб подвиг павших за него
Был памятней и краше.

И в тыл к врагу неслася весть
Тревожная, большая.
Забыл он пить, забыл он есть, —
Земля под ним чужая.
Не до воды, не до еды,
Как ворвались с гранатой
В его подземные ходы
Советские ребята.
И для раздумья срок был мал,
Помедлишь тут едва ли.
Кто сразу рук не поднимал,
— Отжил! — рапортовали.
Пробился зимний свет в дыру,
Где днем темно и ночью...
И знамя наше поутру
Чуть колыхалось на ветру,
Простреленное в клочья.

1940

ПИСЬМО

Здравствуй, милая мама,
Шлю, родная, привет —
Самый пламенный, самый,
Самый... слов даже нет!

Мама, честное слово,
Ты б хоть раз поняла:

Я жива, я здорова,
Я — какая была.

Впрочем, та ли, другая —
Разберешься сама.
Я как раз отдыхаю,
Добралась до письма.

Тихо, тихо в землянке,
Чуть почувствуешь тут,
Как тяжелые танки
По дороге пройдут.

Столик — ящик на ящик,
Вата, бинт под рукой,
Вот и весь на образчик
Мой приемный покой.

На печурке кирпичной —
Круглосуточный чай.
Все обычно, привычно
И — живи, не скучай.

Знаешь, милая мама...
Нет, послушай сперва,
Не девчонки упрямой,
Это — друга слова.

Я в пути возмужала,
Был не легок он, путь,
Стала крепче, пожалуй,
И постарше чуть-чуть.

Нынче все ничего мне.
А бывало — нет сил.
Первый раненый, помню,
Мне воды подносил.

Я вздохнуть избегаю,
Это можно потом.
Я ведь врач, дорогая,
И военный притом.

А когда перевязка
Затяжная идет —
Тут и ласка, и сказка,
Тут и присказка — в ход.

Тут — что надо, то надо,
И держись до конца.
Но какая награда —
Встретить после бойца.

Вот он вылечил руку,
Возвращается в бой.
Как с товарищем-другом,
Говорит он с тобой.

И тебе той рукою
Руку жмет человек.
И спасибо такое,
Что запомнишь навек.

Тут — секунда, другая —
И в карман, за платком,
Хоть и врач, дорогая,
И военный притом.

Но какие все люди
И какие друзья!
Пусть же памятна будет
Им хоть ласка твоя...

Я останусь. Так нужно,
Так мне лучше самой.
Наша старая дружба
Неразрывна с тобой.

И над стопкой тетрадок,
Как из школы придешь,
Плакать, мама, не надо:
Будет сон нехорош.

Выпей чашечку чаю,
Я уж выпила тут.

И... кончаю, кончаю:
Там больного несут...

До свидания, мама,
Не грусти от письма,
Шлю привет тебе самый,
Самый... знаешь сама!

1940

В ЗЕМЛЯНКЕ

Зима под небом необжитым
Застала тысячи людей.
И от зимы была защита
Земля. Что глубже, то теплей.

Две-три ступеньки для порядка,
Пригнись пониже всякий раз.
Заиндевелою палаткой
Завешен в землю темный лаз.

А там внизу, под тем накатом,
Под потолком из кругляшей,
Там, как вползешь, — родная хата,
Махорки дым и запах щей.

Там рай земной. И в самом деле,
Зима любая не страшна.
И на разостланной шинели
Считает сахар старшина.

И, шевеля в губах окурок,
Сонливо глядя на огонь,
Боец, парнишка белокурый,
Тихонько трогает гармонь.

И все пришедшие погреться
Сидят сговорчивым кружком,
Сидят на корточках, как в детстве,
Как в поле где-нибудь, в ночном.

И то сказать: юнцы ребята.
Двадцатый год — рожденья год.
Но посмотреть на неженатый,
На этот стриженый народ —

Как все у нас расти спешили!
Вот были дети, вот — бойцы.
Идут, воюют, как большие,
Как воевали их отцы.

Идут по тем краям суровым,
Где сто и двести лет назад
Еще с ружьем своим кремневым
Наш русский проходил солдат.

И, говоря о предков славе,
В огне войны, в снегах зимы,
Они, юнцы, подумать вправе
И вслух сказать: «Чем хуже мы?..»

1940

СПИЧКА

Запас огня, залог тепла,
Она одна при мне была.

Одна в просторном коробке, —
Как в горнице сухой.
Одна во всей глухой тайге.
Зажги — и нет другой.

Застыла коробом шинель,
Метет за воротом метель.

Вторую ночь в лесу встречай —
Той ночи нет конца.
Ну, спичка, спичка, выручай,
Не подведи бойца...

И чует жесткая ладонь,
Что уцелел под ней огонь.

И завились, как червячки,
Сучки — сушья пучок.
Трещат, как спелые стручки,
Стреляют в кожу щек.

Дымком повитое тепло
Под рукава ползком зашло.

Разута правая нога.
Что ночь, что холод мне!
Вот как бывает дорога
И спичка на войне.

1940

ТЕБЕ, УКРАИНА

Какие хлеба поднялись от границы,
Как колосом к колосу встали они,
Как пахнут поля этой ржи и пшеницы
На утреннем солнце. Всей грудью вздохни.

Вздохни, оглянись — и увидишь впервые,
Как вольно раскинулась эта земля —
Поля золотые, леса молодые,
Луга заливные и снова поля.

Как мирно стоят эти белые хаты,
Скамьи у ворот — отдыхай, пешеход!
Какой это радостный край и богатый!
Какой урожайный он встретил бы год.

Земля золотая, долины и горы,
Заводы и села, хлеба и луга,
В суровую эту и грозную пору
Ты сердцем любому стократ дорога.

Как будто я сам в Украине родился
И белую пыль эту с детства топтал,
И речи родимой, и песням учился,
И ласку любимой впервые узнал.

Пускай я иной уроженец и житель,
И травы у нас не такие цветут,
В просторе степей, в созревающем жите
И детство и все мое милое — тут.

С твоими сынами и я посвящаю
Тебе, Украина, дыханье и кровь.
Не край мы один от врага защищаем,
А Родину — мать всех родимых краев.

1941

СЕРЖАНТ ВАСИЛИЙ МЫСЕНКОВ

Дерется полк в кольце врагов,
Огня и хлеба нет.
Везет Василий Мысенков
В штаб корпуса пакет.

И помнит он, сказал майор,
Что смерть полка иль жизнь
В пакете том.
— Гони, шофер.
— Гоню, сержант. Держись.

Шофер газует веселей,
Сиди, про все забудь.
Чужой дорогой до своей
Пробиться как-нибудь.

Дорога будто бы пуста,
Но трудно верить ей.
— Добраться б только до моста...
— А там? — А там — видней...

Глухой удар. Толкнуло в бок
Воздушною волной.
— Гони, шофер, гони, дружок,
Дороги нет иной.

Шофер бледнеет. Полный ход.
Иной дороги нет.

— Ты не робей. — А вдруг убьет?
— Нельзя. При мне пакет.

Задача наша впереди,
Нам надо жить с тобой.
Вручим пакет, тогда — гвозди
С позиции любой.

Обстрел все гуще. — Ни черта!
Видали не такой.
Добраться б только до моста,
А там — подать рукой.

Разрывы рядом. Бьет — не врет.
Точь-в-точь как на войне.
Последний взгорок, поворот,
И — мост. Но мост в огне.

Бушует пламя над рекой.
— В кусты, дружище, правь.
Ну что ж, дороги нет другой,
Прощай! Придется вплавь...

— Прощай.
Разулся у куста,
В фуражку свой пакет.
И дым горящего моста
Его завесил след.

Плывет Василий Мысенков,
В дыму не видно берегов.
Вода темна, вода мутна.
Попробуй стать — не слышно дна.
Но как-никак доплыл боец,
Хоть не был он лихой пловец.

И выполз на берег глухой.
Безлюдье, рожь кругом.
Фуражку снял — пакет сухой.
Повеселел: — Живем...

Моя земля. Моя трава.
Мой луг, и лес, и рожь.
Ты здесь найди меня сперва,
Возьми-ка. Хрен возьмешь!

Я обойду тебя вокруг,
Я проползу ужом,
Мне каждый пень и кустик — друг,
Я — свой, а ты — чужой...

Идет Василий Мысенков,
Чуть жив к исходу дня.
Но знает: полк в кольце врагов,
Без хлеба и огня.

Пускай ты голоден, боец,
Но подвиг — это долг.
Пускай измучен ты вконец,
Но ты один, там — полк.

И можно встретить сто смертей
За жизнь, за дело их,
Родных, воюющих людей,
Товарищей твоих.

Да, все иначе на войне,
Чем думать мог любой,
И солью пота на спине
Проступит подвиг твой.

Щетиной жесткой бороды
Пробьется на щеке
И кровью ног босых следы
Отметит на песке...

Под утро в домике штабном
Он жадно воду пил.
И хриплым голосом с трудом
По форме доложил.

И глубоко запавших глаз
Был чист и ясен свет...
Он знал, что выполнил приказ:
Доставил в срок пакет.

1941

КОГДА ТЫ ЛЕТИШЬ

Когда ты летишь
Поутру на работу,
С земли своего
Узнают по полету.

По крыльям знакомым,
По звуку мотора
Тебя узнают
На дороге шоферы.

Тебя провожают
Колхозницы в поле
Напутственным словом:
— Лети, наш соколик.

Лети, наш родимый,
На славу сражайся,
Живой, невредимый
Назад возвращайся...

И, спинкой мелькнув
Меж подсолнухов голой,
Бежит на задворки
Трехлетний Микола.

По грядкам бежит,
Спотыкаясь, мальчонка,
Он машет тебе
Загорелой ручонкой.

Он долго и жадно
Следит за тобой,

Он тоже тебя
Посылает на бой.

А там, за рекой,
За крутым поворотом,
Тебя уже видит
Родная пехота.

И лица усталые
Сразу моложе,
И если б ты слышал,
Услышал бы тоже:

— Наш славный товарищ,
За взгорком враги.
До них подобраться
Ты нам помоги.

Хвати их фугасом
По каскам литым.
Мы лишнего часу
Им жить не дадим.

Спасибо, товарищ,
За помощь в бою,
Спасибо, родной,
За работу твою...

И вот, развернувшись,
Летишь ты обратно.
Машина работает
Ровно и внятно.

И вновь под тобою —
Прибрежные села,
И щурится, глядя
Под солнце, Микола.

Кричит с огорода:
— Ой баба, ой мама,
Бегите, глядите, —
Тот самый, тот самый!..

1941

РАССКАЗ ТАНКИСТА

Был трудный бой. Все нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить.

Лет десяти-двенадцати. Бедовый,
Из тех, что главарями у детей,
Из тех, что в городишках прифронтовых
Встречают нас как дорогих гостей,

Машину обступают на стоянках,
Таскать им воду ведрами — не труд,
Приносят мыло с полотенцем к танку
И сливы недозрелые суют...

Шел бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперед.
А он гвоздит — не выглянуть из башен, —
И чорт его поймет, откуда бьет.

Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился, — столько всяких дыр,
И вдруг к машине подбежал парнишка:
— Товарищ командир, товарищ командир!

Я знаю, где их пушка. Я разведал...
Я подползал, они вон там, в саду...
— Да где же, где?.. — А дайте я поеду
На танке с вами. Прямо приведу.

Что ж, бой не ждет. — Влезай сюда, дружище! —
И вот мы катим к месту вчетвером.
Стоит парнишка — мины, пули свищут,
И только рубашонка пузырем.

Подъехали. — Вот здесь. — И с разворота
Заходим в тыл и полный газ даем.
И эту пушку, заодно с расчетом,
Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозем.

Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
От дома к дому шел большой пожар.
И, помню, я сказал: — Спасибо, хлопец! —
И руку, как товарищу, пожал...

Был трудный бой. Все нынче, как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.

1941

БУДЬ С ВЕСЕЛОЙ ШУТКОЙ ДРУЖЕН

Если дождь веселье топит
Долгой ночью, кратким днем,
Если с вечера в окопе
Зябко даже под огнем;
Если ветер гонит лужи,
Негде ноги просушить, —
Будь с веселой шуткой дружен,
С грустью незачем дружить!

Если ты в бою, дружище,
Выполнять идешь приказ
И тебе горячей пищи
Не доставят в должный час, —
Затяни ремень потуже,
Продолжай врага крушить.
Будь с веселой шуткой дружен,
С грустью незачем дружить!

Если ночь застанет в роще
И придется спать в ночи
Чуть пожестче, чем у тещи
Или дома на печи;
Если холодно к тому же
И костра не разложить, —
Будь с веселой шуткой дружен,
С грустью незачем дружить!

Что бы ни было на свете,
Как бы ни был труден путь,
Боль и холод, дождь и ветер
И иное что-нибудь —
Вроде снега, вроде стужи, —
И тогда нельзя тужить.
Будь с веселой шуткой дружен,
С грустью незачем дружить!

1941

БОЙЦУ ЮЖНОГО ФРОНТА

Когда прочла твоя родная,
Что под Ростовом сломлен враг,
Прочла, быть может, и не зная,
Что ты сражался в тех краях, —
То вновь к работе кропотливой
Она, наверно, взяв клубок,
Вернулась с мыслью горделивой:
«Не там ли нынче мой сынок?»

Когда прочла твоя подруга,
Как сотни тысяч наших жен,
Что на Дону войсками юга
Противник в бегство обращен, —
С волненьем искренним, сердечным,
Встречая день обычный свой,
Она подумала, конечно,
Не там ли ты и что с тобой?

Когда твой мальчик краснощекий
От школьных сверстников узнал,
Что где-то там, в степях далеких,
Разбит фашистский генерал, —
Он, твой любимец незабытый,
Твой сын и будущий боец,
Он так и понял: немцы биты —
«Что ж, это бил их мой отец».

Когда твой друг на фронте где-то,
Как ты, мужающий в борьбе,

Читал в тот день свою газету, —
Он тоже вспомнил о тебе.
Не там ли ты, товарищ давний,
С кем он гулял, с кем чарку пил,
Не там ли ты, в той схватке славной
Под Таганрогом немца бил?

И вся родимая держава,
И весь наш тыл и фронт любой
Несут хвалу и честь по праву
Тебе, товарищ боевой.
Москва и дальний заполярный,
В снега ушедший городок
С одною думой благодарной
Обращены к тебе, браток.

А ты в бою. И бородатый, —
Не до бритья, коль взят разгон, —
Похож на русского солдата
Всех войн великих и времен.
На неостывшем вражьем танке,
Подбитом, может быть, тобой,
Ты примостился, чтоб портянки
Перевернуть — и снова в бой.

Хоть, спору нет, тебе досталось,
Не смыты копоть, кровь и пот,
Но та усталость — не усталость,
Когда победа жить дает.
Ты поработал не задаром:
Настанет срок — народ-герой
Сметет врага с земли родной,
И слава первого удара —
Она навеки за тобой.

Декабрь 1941

* * *

Отцов и прадедов примета, —
Как будто справдилась она:
Таких хлебов, такого лета

Не год, не два ждала война.
Как частый бор, колосовые
Шумели глухо над землей.
Не пешеходы — верховые
Во ржи скрывались с головой.
И были так густы и строги
Хлеба, подавшись грудь на грудь,
Что, по пословице, с дороги
Ужу, казалось, не свернуть.
И хлеба хлеб казался гуще,
И было так, что год хлебов
Был годом клубней, землю рвущих,
И годом трав в лугах и пущах,
И годом ягод и грибов.
Как будто все, что в почве было, —
Ее добро, ее тепло —
С великой щедростью и силой
Ростки наружу выносило,
В листву, в ботву и колос шло.
В свой полный цвет входило лето,
Земля ломилась, всем полна...
Отцов и прадедов примета, —
Как будто справдилась она:

Гром грянул — началась война...

1942

ПЕСЕНКА

Не спеши, невеста,
Замуж за бойца:
Нынче неизвестна
Доля молодца.

То ли он героем
В дом придет родной,
То ли не напишет
Строчки ни одной.

Да и где ты будешь
Ждать его тот срок,

Если немец дома
Грянет на порог?

Не спеши, невеста,
Замуж за бойца.
Это все начало,
Погоди конца.

Пусть по нем не плачет
Бедная жена,
Служба боевая
Без того трудна.

Лучше пусть невеста
Вспомнит про него,
А бойцу не надо
Больше ничего.

1942

ДОМ БОЙЦА

Столько было за спиною
Городов, местечек, сел,
Что в село свое родное
Не заметил, как вошел.

Не один вошел — со взводом,
Не по улице прямой —
Под огнем, по огородам
Добирается домой...

Кто подумал бы когда-то,
Что достанется бойцу
С заряженною гранатой
К своему ползти крыльцу?

А мечтал он, может статься,
Подойти путем другим,
У окошка постучаться
Жданным гостем, дорогим.

На крылечке том с усмешкой
Притаиться, замереть.
Вот жена впотьмах от спешки
Дверь не может отпереть.

Видно, знает, знает, знает,
Кто тут ждет за косяком...
«Что ж ты, милая, родная,
Выбегаешь босиком?..»

И слова, и смех, и слезы —
Все в одно сольется тут.
И к губам, сухим с мороза,
Губы теплые прильнут.

Дети кинутся, обнимут...
Младший здорово подрос...
Нет, не так тебе, родимый,
Заявиться довелось.

Повернулись по-иному
Все надежды, все дела.
На войну ушел из дому,
А война и в дом пришла.

Смерть свистит над головами,
Снег снарядами изрыт.
И жена в холодной яме
Где-нибудь с детьми сидит.

И твоя родная хата,
Где ты жил не первый год,
Под огнем из автоматов
В борозденках держит взвод.

— До какого ж это срока, —
Говорит боец друзьям, —
Поворачиваться боком
Да лежать, да мерзнуть нам?

Это я здесь виноватый,
Хата все-таки моя.
А поэтому, ребята, —
Говорит он, — дайте я...

И к своей избе хозяин,
По-хозяйски строг, суров,
За сугробом подползает
Вдоль плетня и клетки дров.

И лежат, следят ребята:
Вот он снег отгреб рукой,
Вот привстал. В окно — граната,
И гремит разрыв глухой...

И неспешно, деловито
Встал хозяин, вытер пот...
Сизый дым в окне разбитом,
И свободен путь вперед.

Затянул ремень потуже,
Отряхнулся над стеной,
Заглянул в окно снаружи —
И к своим: «Давай за мной...»

А когда селенье взяли,
К командиру поскорей:
— Так и так. Теперь нельзя ли
Повидать жену, детей?..

Лейтенант, его ровесник,
Воду пьет из котелка.
— Что ж, поскольку житель местный... —
И мигнул ему слегка. —

Но гляди, справляйся срочно,
Тут походу не конец. —
И с улыбкой: — Это точно, —
Отвечал ему боец...

1942

БАЛЛАДА О МОСКВЕ

В основу этого сказания о победе под Москвой положена легенда, записанная от крестьян деревни Чернава Курской области.

А может быть, не в деревушке,
Где взад-вперед прошла война, —
В пути, в какой-нибудь теплушке,
Как песня, родилась она.
А может быть, в лесу, в землянке,
У камелька из трех камней,
Развесив за полночь портянки,
Бойцы прислушивались к ней.
А может быть, проделав ныне
Тысячеверстный путь молвы,
Она сюда, в края степные,
Пришла из-под самой Москвы...
А может быть, каким-то чудом
Сквозь фронт, по снежной целине
Пришла, как весточка оттуда,
Где ждут и видят нас во сне.
Не уследить — легка, что ветер,
И не с газетного листа
Пошла и стала жить на свете
Из уст в уста, из уст в уста.
Идет, как эхо, перекатом,
По селам, из жилья в жилье.
От деда, старого солдата,
Я записал на-днях ее...

То был такой великий бой,
Что нет к нему присловья.
Стоял противник под Москвой,
    Горело Подмосковье.
Он — вот он, враг. За ним давно
Калуга, Клин, Бородино
    И Волжское верховье.

А шел он в битву не один,
Валил несметной лавой,
Тут был венгерец, финн, румын

И прочие державы.
Его мороз наш торопил,
Уже в ладоши немец бил
У городской заставы.

Уже вблизи его войска
Гремят броней стальною,
Уже видна ему Москва
С Кремлевскою стеною.
И воют бомбы не впервой
Над славным городом Москвой
И над Москвой-рекою.

Уже слова: «Моя Москва» —
По-русски враг заучивал.
Нет, ты возьми ее сперва,
Потом усы покручивай.
Доныне с гордой головой
Москва над той рекой-Москвой
Стоит, гудит, могучая!

Вот наши — греть его огнем
Со всех своих позиций,
За каждым камнем, каждым пнем,
Покуда дышишь, биться.
И смерть встречать лицом к лицу,
Как долг и честь велят бойцу,
И не сдавать столицы.

Да, то была сама Москва,
Круты ее пороги.
И вражьи танки, как дрова,
Пылали на дороге.
Но немец брал за пядью пядь.
И вот уж дальше отступать
Нельзя. И нет подмоги.

Все ближе, ближе рвется враг,
Все злей, — и наши просят:
— Товарищ Сталин, так и так,
Нельзя ли сил подбросить?
Еще стоим — боец в бойца —

Но без подмоги до конца
Не устоим. Покосит...

И Сталин тотчас шлет ответ
По фронту телеграммой:
— Покамест что подмоги нет, —
И говорит им прямо: —
Москва надеется на вас,
Стоять, ребята, мой приказ,
Хотя б до смерти самой...

— Стоять? Стоять! Про все забудь, —
Сказали наши витязи.
Стоят, встречают грудь на грудь
Немецкие дивизии.
А немец прет, мороз дерет,
Ему б к зиме кончать поход,
Подзапастись провизией.

Ему б дорваться до тепла,
Передохнуть с неделю.
Отмыться в бане добела
Да вошь унять на теле.
Попить, поесть, пограбить всласть,
Свою в Москве поставить власть, —
А что ж! И в самом деле!

А бой идет. Мильоном ног
Натоптан снег кровавый,
И битым немцем вдоль дорог
Завалены канавы.
А сила вражья велика,
Он гонит новые войска, —
Возносит нашу славу.

Но слава эта дорога
И нам. И нашей кровью
Обильно политы снега
И земли Подмосковья.
У стен Москвы по суткам в ряд
Ее защитники лежат
С гранатой в изголовье.

И вот до них доходит весть —
Вождя родное слово:
— Подмога есть, полков не счесть,
И к бою все готовы.
Но не настал их день и час.
— Держать, ребята, — был приказ,
И был приказ суровый.

И было в тысячах сердец:
«Держать ценой любою».
И трижды раненный боец
Не покидает боя.
И под огнем другой ползет,
Чтоб грудью вражий пулемет
Закрыть самим собою.

Гудит под танками земля,
Горят зарницы вспышек...
Но свой приказ в стенах Кремля
Уже победа пишет.
Там Сталин за полночь не спит,
И как перо его скрипит —
Того никто не слышит.

На Спасской башне время бьет,
Столица в снежной пене.
Метель вчерашняя метет,
Но ветер — к перемене.
Метет над городом метель.
Вот Сталин встал, надел шинель
И тихо вышел в сени.

Проходит Сталин вдоль стены
Дорожкою особой,
Где елочки занесены
Стоят рядком в сугробах.
И, снег стряхнув, проходит вниз,
И там три лампочки зажглись —
У Ленинского гроба.

И с непокрытой головой
Он сходит по ступеням...

Метель редеет над Москвой
И город в ровных тенях
Лежит в ночи как бы пустой...
Мороз крепчает молодой,
Крепчает — к перемене.

Звезда кремлевская горит,
И в небе звезды в сборе.
Полмира спит, а фронт гремит
От моря и до моря...
А сколько крови, сколько слез
Один тот немец в мир принес,
А сколько мук и горя...

У Мавзолея часовой
Пост уступает смене.
И с непокрытой головой
Обратно по ступеням
Поднялся Сталин. Над Москвой
Рассвет забрезжил боевой
К великой перемене.

Настал тот день, настал тот час,
Отрадный, небывалый,
Как отдал Сталин свой приказ
Бойцам и генералам.
И на позиции врага
В атаку двинулись войска,
И было их немало...

И видит враг: Москва идет
Всем фронтом в наступление.
«Вперед за Родину! Вперед
За Сталина, за Ленина!»
А сам-то враг давно не тот:
И пушек тех не прежний счет,
И танков умаление.

И услыхал весь мир слова
Великие, простые:
— Врага отбросила Москва,
И спасена Россия! —

А враг ее и всех людей —
Не перед кем, а перед ней
Подался вспять впервые.

Забыл, как звать: «Моя Москва».
Забыл как петь: «Москва моя».
Нет, ты возьми ее сперва,
Москву-то! Вещь упрямая.
С непобедимой головой
Москва над той рекой-Москвой
Стоит, гудит. Та самая!

1942

БАЛЛАДА ОБ ОТРЕЧЕНИИ

Вернулся сын в родимый дом
С полей войны великой.
И запоясана на нем
Шинель каким-то лыком.
Не брита с месяц борода,
Ершится — что чужая.
И в дом пришел он, как беда
Приходит вдруг большая...

Но не хотели мать с отцом
Беде тотчас поверить,
И сына встретили вдвоем
Они у самой двери.
Его доверчиво обнял
Отец, что сам когда-то
Три года с немцем воевал
И добрым был солдатом;
Навстречу гостю мать бежит:
— Сынок, сынок родимый... —
Но сын за стол засесть спешит
И смотрит как-то мимо.
Беда вступила на порог,
И нет родным покоя.
— Как на войне дела, сынок? —
А сын махнул рукою.

А сын сидит с набитым ртом
И сам спешит признаться,
Что ради матери с отцом
Решил в живых остаться.
Родные поняли не вдруг,
Но сердце их заныло.
И край передника из рук
Старуха уронила.

Отец себя не превозмог,
Поникнул головою.
— Ну что ж, выходит так, сынок,
Ты убежал из боя?.. —
И замолчал отец-солдат,
Сидит, согнувши спину,
И грустный свой отводит взгляд
От глаз родного сына.

Тогда глядит с надеждой сын
На материн передник.
— Ведь у тебя я, мать, один —
И первый и последний. —
Но мать, поставив щи на стол,
Лишь дрогнула плечами.
И показалось, день прошел,
А может год, в молчанье.

И праздник встречи навсегда
Как будто канул в омут.
И в дом пришедшая беда
Уже была, как дома.
Не та беда, что без вреда
Для совести и чести,
А та, нещадная, когда
Позор и горе вместе.

Такая боль, такой позор,
Такое злое горе,
Что словно мгла на весь твой двор
И на твое подворье,
На всю родню твою вокруг,

На прадеда и деда,
На внука, если будет внук,
На друга и соседа...

И вот поднялся, тих и строг
В своей большой кручине,
Отец-солдат: — Так вот, сынок,
Не сын ты мне отныне.
Не мог мой сын, — на том стою, —
Не мог забыть присягу,
Покинуть Родину в бою,
Прийти домой бродягой.

Не мог мой сын, как я не мог,
Забыть про честь солдата,
Хоть защищали мы, сынок,
Не то, что вы. Куда там!
И ты теперь оставь мой дом,
Ищи отца другого.
А не уйдешь, так мы уйдем
Из-под родного крова.

Не плачь, жена. Тому так быть.
Был сын — и нету сына,
Легко растить, легко любить,
Трудней из сердца вынуть... —
И что-то молвил он еще
И смолк. И, подняв руку,
Тихонько тронул за плечо
Жену свою, старуху.

Как будто ей хотел сказать:
«Я все, голубка, знаю.
Тебе еще больней: ты — мать,
Но я с тобой, родная.
Пускай наказаны судьбой, —
Не век скрипеть телеге,
Не так нам долго жить с тобой,
Но честь живет вовеки...»

А гость, качнувшись, за порог
Шагнул, нащупал выход.
Вот, думал, крикнут: «Сын, сынок!
Вернись!» Но было тихо.
И, как хмельной, держась за тын,
Прошел он мимо клети.
И вот теперь он был один,
Один на белом свете.
Один, не принятый в семье,
Что отреклась от сына,
Один на всей большой земле,
Что двадцать лет носила.
И от того, как шла тропа,
В задворках пропадая,
Как под ногой его трава
Сгибалась молодая;

И от того, как, свеж и чист,
Сиял весь мир окольный
И трепетал неполный лист —
Весенний, — было больно.
И, посмотрев вокруг, вокруг
Глазами не своими,
Кравцов Иван, — назвал он вслух
Свое как будто имя.

И прислонился головой
К стволу березы белой.
— А что ж ты, что ж ты над собой,
Кравцов Иван, наделал?
Дошел до самого конца,
Худая песня спета.
Ни в дом родимого отца
Тебе дороги нету,

Ни к сердцу матери родной,
Поникшей под ударом.
И кары нет тебе иной,
Помимо смертной кары.
Иди, беги, спеши туда,

Откуда шел без чести,
И не прощенья, а суда
Себе проси на месте.

И на глазах друзей-бойцов,
К тебе презренья полных,
Тот приговор, Иван Кравцов,
Ты выслушай безмолвно.
Как честь, прими тот приговор.
И стой, и будь, как воин,
Хотя б в тот миг, как залп в упор
Покончит счет с тобою.

А может быть, еще тот суд
Свой приговор отложит,
И вновь ружье тебе дадут,
Доверят вновь. Быть может...

1942

БАЛЛАДА О ТОВАРИЩЕ

Вдоль развороченных дорог
И разоренных сел
Мы шли по звездам на восток, —
Товарища я вел.

Он отставал, он кровь терял,
Он пулю нес в груди
И всю дорогу повторял:
— Ты брось меня. Иди...

Наверно, если б ранен был
И шел в степи чужой,
Я точно так бы говорил
И не кривил душой.

А если б он тащил меня,
Товарища-бойца,
Он точно так же, как и я,
Тащил бы до конца...

Мы шли кустами, шли стерней.
В канавке где-нибудь
Ловили воду пятерней,
Чтоб горло обмануть.

О пище что же говорить, —
Не главная беда.
Но как хотелось нам курить!
Курить — вот это да...

Где разживалися огнем,
Мы лист ольховый жгли,
Как в детстве, где-нибудь в ночном,
Когда коней пасли...

Быть может, кто-нибудь иной
Расскажет лучше нас,
Как горько по земле родной
Итти, в ночи таясь.

Как трудно дух бойца беречь,
Чуть что скрываясь в тень.
Чужую, вражью слышать речь
Близ русских деревень.

Как зябко спать в сырой копне
В осенний холод, в дождь,
Спиной к спине — и все ж во сне
Дрожать. Собачья дрожь.

И каждый шорох, каждый хруст
Тревожит твой привал...
Да, я запомнил каждый куст,
Что нам приют давал.

Запомнил каждое крыльцо,
Куда пришлось ступать,
Запомнил женщин всех в лицо,
Как собственную мать.

Они делили с нами хлеб —
Пшеничный ли, ржаной, —

Они нас выводили в степь
Тропинкой потайной.

Им наша боль была больна, —
Своя беда не в счет.
Их было много, но одна...
О ней и речь идет.

— Остался б, — за руку брала
Товарища она, —
Пускай бы рана зажила,
А то в ней смерть видна.

Пойдешь да сляжешь на беду
В пути перед зимой.
Остался б лучше. — Нет, пойду, —
Сказал товарищ мой.

— А то побудь. У нас тут глушь,
В тени мой бабий двор.
Случись что, немцы, — муж и муж,
И весь тут разговор.

И хлеба в нынешнем году
Мне не поесть самой,
И сала хватит. — Нет, пойду, —
Вздохнул товарищ мой.

— Ну что ж, иди... — И стала вдруг
Искать ему белье,
И с сердцем как-то все из рук
Металось у нее.

Гремя, на стол сковороду
Подвинула с золой.
Поели мы. — А все ж пойду, —
Привстал товарищ мой.

Она взглянула на него:
— Прощайте, — говорит, —
Да не подумайте чего... —
Заплакала навзрыд.

На подоконник локотком
Так горько опершись,
Она сидела босиком
На лавке. Хоть вернись.

Переступили мы порог,
Но не забыть уж мне
Ни тех босых сиротских ног,
Ни локтя на окне.

Нет, не казалася дурней
От слез ее краса,
Лишь губы детские полней
Да искристей глаза.

Да горячее кровь лица,
Закрытого рукой.
А как легко сходить с крыльца, —
Пусть скажет кто другой...

Обоих жалко было мне,
Но чем тут пособить?
— Хотела долю на войне
Молодка ухватить.

Хотела в собственной избе
Ее к рукам прибрать,
Обмыть, одеть и при себе
Держать — не потерять,

И чуять рядом по ночам, —
Такую вел я речь.
А мой товарищ? Он молчал,
Не поднимая плеч...

Бывают всякие дела, —
Ну что ж, в конце концов
Ведь нас не женщина ждала, —
Ждал фронт своих бойцов.

Мы пробирались по кустам,
Брели, ползли кой-как.
И снег нас в поле не застал,
И не заметил враг.

И рану тяжкую в груди
Осилил спутник мой.
И все, что было позади,
Занесено зимой.

И вот теперь, по всем местам
Печального пути,
В обратный путь досталось нам
С дивизией итти.

Что ж, сердце, вволю постучи, —
Настал и наш черед.
Повозки, пушки, тягачи
И танки — все вперед!

Вперед — погода хороша,
Какая б ни была!
Вперед — дождалася душа
Того, чего ждала!

Вперед дорога — не назад,
Вперед — веселый труд;
Вперед — и плечи не болят,
И сапоги не трут.

И люди, — каждый молодцом, —
Горят: скорее в бой.
Нет, ты назад пройди бойцом,
Вперед пойдет любой.

Привал — приляг. Кто рядом — всяк
Приятель и родня.
— Эй ты, земляк, тащи табак!
— Тащу. Давай огня!

Свояк, земляк, дружок, браток,
И все добры, дружны.

Но с кем шагал ты на восток,
То друг иной цены...

И хоть оставила война
Следы свои на всем,
И хоть земля оголена,
Искажена огнем, —

Но все ж знакомые места,
Как будто край родной.
— А где-то здесь деревня та? —
Сказал товарищ мой.

Я промолчал, и он умолк,
Прервался разговор.
А я б и сам добавить мог,
Сказать: — А где тот двор...

Где хата наша и крыльцо
С ведерком на скамье?
И мокрое от слез лицо,
Что снилося и мне?..

Дымком несет в рядах колонн
От кухни полевой.
И вот деревня с двух сторон
Дороги боевой.

Неполный ряд домов-калек,
Покинутых с зимы.
И там на ужин и ночлег
Расположились мы.

И два бойца вокруг глядят,
Деревню узнают,
Где много дней тому назад
Нашли они приют.

Где печь для них, как для родных,
Топили в ночь тайком.
Где, уважая отдых их,
Ходили босиком.

Где ждали их потом с мольбой
И мукой день за днем...
И печь с обрушенной трубой
Теперь на месте том.

Да сорванная, в стороне,
Часть крыши. Бедный хлам.
Да черная вода на дне
Оплывших круглых ям.

Стой! Это было здесь жилье,
Людской отрадный дом.
И здесь мы видели ее,
Ту, что осталась в нем.

И проводила, от лица
Не отнимая рук,
Тебя, защитника, бойца.
Стой! Оглянись вокруг...

Пусть в сердце боль тебе, как нож,
По рукоять войдет.
Стой и гляди! И ты пойдешь
Еще быстрей вперед.

Вперед, за каждый дом родной,
За каждый добрый взгляд,
Что повстречался нам с тобой,
Когда мы шли назад.

И за кусок, и за глоток,
Что женщина дала,
И за любовь ее, браток,
Хоть без поры была.

Вперед — за час прощальный тот,
За память встречи той...
— Вперед, и только, брат, вперед, —
Сказал товарищ мой...

Он плакал горестно, солдат,
О девушке своей,

Ни муж, ни брат, ни кум, ни сват
И ни любовник ей.

И я тогда подумал: «Пусть,
Ведь мы свои, друзья.
Ведь потому лишь сам держусь,
Что плакать мне нельзя.

А если б я, — случись так вдруг, —
Не удержался здесь,
То удержался б он, мой друг,
На то и дружба есть...»

И, постояв еще вдвоем,
Два друга, два бойца,
Мы с ним пошли. И мы идем
На Запад. До конца.

1942

ЗЕМЛЯКУ

Нет, ты не думал, — дело молодое, —
Покуда не уехал на войну,
Какое это счастье дорогое —
Иметь свою родную сторону.

Иметь, любить и помнить угол милый,
Где есть деревья, что отец садил,
Где есть, быть может, прадедов могилы,
Хотя б ты к ним ни разу не ходил;

Хотя б и вовсе там бывал не часто,
Зато больней почувствовал потом,
Какое это горькое несчастье —
Вдруг потерять тот самый край и дом,

Где мальчиком ты день встречал когда-то,
Почуяв солнце заспанной щекой,
Где на крыльце одною нянчил брата
И в камушки играл другой рукой.

Где мастерил ему с упорством детским
Вертушки, пушки, мельницы, мечи...

И там теперь сидит солдат немецкий,
И для него огонь горит в печи.

И что ему, бродяге полумира,
В твоем родном, единственном угле?
Он для него — не первая квартира
На пройденной поруганной земле.

Он гость недолгий, нет ему расчета
Щадить что-либо, все — как трын-трава:
По окнам прострочит из пулемета,
Отцовский садик срубит на дрова...

Он опоганит, осквернит, отравит
На долгий срок заветные места.
И даже труп свой мерзкий здесь оставит —
В земле, что для тебя священна и чиста.

Что ж, не тоскуй и не жалей, дружище,
Что отчий край лежит не на пути,
Что на свое родное пепелище
Тебе другой дорогою итти.

Где б ни был ты в огне передних линий:
На Севере иль где-нибудь в Крыму,
В Смоленщине иль здесь, на Украине, —
Идешь ты нынче к дому своему.

Идешь с людьми в строю необозримом, —
У каждого своя родная сторона,
У каждого свой дом, свой сад, свой брат любимый,
А Родина у всех у нас одна...

1942

АРМЕЙСКИЙ САПОЖНИК

В лесу, возле кухни походной,
Как будто забыв о войне,
Армейский сапожник холодный
Сидит за работой на пне.

Сидит без ремня, без пилотки,
Орудует в поте лица.
В коленях — сапог на колодке,
Другой — на ноге у бойца.
И нянчит и лечит сапожник
Сапог, что заляпан такой
Немыслимой грязью дорожной,
Окопной, болотной, лесной, —
Не взять его, кажется, в руки,
А доктору все нипочем,
Катает согласно науке
Да двигает лихо плечом.

Да щурится важно и хмуро,
Как знающий цену себе.
И с лихостью важной окурок
Висит у него на губе.

Все точно, движенья по счету,
Удар — где такой, где сякой.
И смотрит боец за работой
С одною разутой ногой.

Он хочет, чтоб было получше
Сработано, чтоб в акурат.
И скоро сапог он получит,
И топай обратно, солдат.

Кто знает, — казенной подковки,
Подбитой по форме под низ,
Достанет ему до Сычевки,
А может, до старых границ.

И может быть, думою сходной
Он занят, а может — и нет.
И пахнет от кухни походной,
Как в мирное время, обед.

И в сторону гулкой, недальней
Пальбы — перелет, недолет —
Неспешно и как бы похвально

Кивает сапожник:
— Дает?
— Дает, — отзывается здраво
Боец. И не смотрит. Война.
Налево война и направо,
Война поперек всей державы,
Давно не в новинку она.

У Волги, у рек и речушек,
У горных приморских дорог,
У северных хвойных опушек
Теснится колесами пушек,
Мильонами грязных сапог.
Наломано столько железа,
Напорчено столько земли
И столько повалено леса,
Как будто столетья прошли.
А сколько разрушено крова,
Погублено жизни самой!
Иной — и живой и здоровый —
Куда он вернется домой,
Найдет ли окошко родное,
Куда постучаться в ночи?
Все — прахом, все — пеплом-золою.
Сынишка сидит сиротою
С немецкой гармошкой губною
На чьей-то холодной печи.
Поник журавель у колодца,
И некому воду носить.
И что еще встретить придется —
Само не пройдет, не сотрется, —
За все это надо спросить...
Привстали, серьезные оба.
— Кури.
— Ну давай, закурю.
— Великое дело, брат, обувь.
— Молчи, я и то говорю.
Беседа идет, не беседа,
Стоят они, курят вдвоем.
— Шагай, брат, теперь до победы.
Не хватит — еще подобьем.

— Спасибо. — И словно бы другу,
Который его провожал,
Товарищ товарищу руку
Внезапно и крепко пожал.
В час добрый! Что будет — то будет.
Бывало! Не стать привыкать!..
Родные великие люди,
Россия, родимая мать.

1942

НОЯБРЬ

В лесу заметней стала елка,
Он прибран засветло и пуст.
И оголенный, как метелка,
Забитый грязью у проселка,
Обдутый изморозью золкой,
Дрожит, свистит лозовый куст.

1943

СО СЛОВ СТАРУШКИ

Не давали покоя они петуху,
Ловят по двору, бегают, слышу,
И загнали куда-то его под стреху,
И стреляли в беднягу сквозь крышу.

Но, как видно, и он не дурак был, петух,
Помирать-то живому не сладко.
Под стрехой, где сидел, затаил себе дух
И подслушивал — что тут — украдкой.

И как только учуял, что наша взяла,
Встрепенулся, под стать человеку,
И на крышу вскочил — как ударит в крыла:
— Ку-ка-реку! Ура! Кукареку!

1943

НАГРАДА

Два года покоя не зная
И тайной по-бабьи томясь,
Она берегла это знамя,
Советскую прятала власть.

Скрывала его одиноко,
Закутав отрезком холста,
В тревоге от срока до срока
Меняя места.

И в день, как опять задрожала
Земля от пальбы у села,
Тот сверток она из пожара
Спасла.

И полк под спасенное знамя
Весь новый, с иголочки, встал.
И с орденом «Красное Знамя»
Поздравил ее генерал.

Смутилась до крайности баба,
Увидев такие дела.
— Мне телочку дали хотя бы,
И то б я довольна была...

1943

ДВЕ СТРОЧКИ

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.

Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу, —
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незнаменитой,
Забытый, маленький, лежу.

1943

ОТЕЦ И СЫН

Быть может, все несчастье
От почты полевой:
Его считали мертвым,
А он пришел живой.

Живой, покрытый славой,
Порадуйся, семья!
Глядит — кругом чужие.
— А где жена моя?

— Она ждала так долго,
Так велика война.
С твоим бывалым другом
Сошлась твоя жена.

— Так где он? С ним по-свойски
Поговорить бы мне.
Но люди отвечают:
— Погибнул на войне.

Жена второго горя
Не вынесла. Она
Лежит в больнице. Память
Ее темным-темна.

И словно у солдата
Уже не стало сил.
Он шопотом чуть слышно:
— А дочь моя? — спросил.

И люди не посмели,
Солгав, беде помочь:
— Зимой за партой в школе
Убита бомбой дочь.

О, лучше б ты не ездил,
Солдат, с войны домой!
Но он еще собрался
Спросить: — А мальчик мой?

— Твой сын живой, здоровый,
Он ждал тебя один. —
И обнялись, как братья,
Отец и мальчик-сын.

Как братья боевые,
Как горькие друзья.
— Не плачь, — кричит мальчишка, —
Не смей, — тебе нельзя!

А сам припал головкой
К отцовскому плечу.
— Возьми меня с собою,
Я жить с тобой хочу.

— Возьму, возьму, мой мальчик,
Уедешь ты со мной
На фронт, где я воюю,
В наш полк, в наш дом родной.

1943

В ПУТИ

В пути на остановке,
Свалив на землю кладь,
Лежала ниц на бровке,
Как на могилке, мать.

Две белых головенки
Погодков полдень жег.
Меньшой, раскрыв пеленки,
Жевал сухой рожок...

Шагая в одиночку,
Боец на тот привал
Наткнулся.
— Плачешь, дочка? —
Спросил, не то сказал.

Немолодой, усатый,
Лицом похож был он
На мужика-солдата
Всех войн и всех времен.

— Так, так. — Вздохнув с устатку,
Он постоял еще.
Потом поправил скатку,
Натершую плечо.

И так ей показалось,
Когда взглянула мать,
Что всю ее усталость,
Всю боль он мог понять.

И что, жарой дорожной,
Походом изнурен,
Не будь детей, возможно
Прошел бы мимо он.

Но медлил друг безвестный
Пройти, пропасть вдали.
— Неужто, вправду, места
Вы хуже не нашли?

Он лоб ладонью вытер:
— Еще б чуть-чуть пройти...
Помочь? Так я любитель
Помочь, коль по пути.

В дороге, в год суровый,
Начальник не велик,
Он не сулил им крова,
Угла, солдат-мужик.

Но местом незнакомым,
Где высмотрел привал, —
Он не шутя, как домом
Родным располагал.

— Гляди-ка, где получше,
Который куст милей, —
Показывал попутчик
Попутчице своей. —

Тут все тебе, что надо:
И речка, и дрова,
И тишина-прохлада,
И мягкая трава.
И не давай ты воли
Тоске. Переживем.
— Да о себе я, что ли?
— О ком же?
— Да о нем...

— О нем? Тогда напрасно, —
Махнул солдат рукой. —
Напрасно. Не согласна?
Так вот резон какой...

И будто для заминки, —
Постой, всему свой срок, —
Казенные ботинки
Стащил с горячих ног.
Под куст поставил чинно:
Пусть обувь отдохнет.
Вздохнул босой мужчина
И продолжал:
— Так вот...

Война войной, не спорим,
Зато теперь наш брат

Кругом убрался с полем,
Ни в чем не виноват.
Обут, одет, доволен,
Свободен от хлопот,
Воюй и только, воин,
А кухня вслед идет.
Убьют? Нельзя заране
Бояться никогда.
А может, прежде ранят,
И то — смотря куда.

Вот я был ранен лично:
Царапина, пустяк,
И даже неприлично
Сказать, в каких местах. —
Он будто вновь замялся,
Пошевелив спиной.
И старший рассмеялся
Парнишка озорной.

И на него не строго
Попутчик посмотрел:
— Вот погоди немного,
Пойдешь служить, пострел.
И точно, без обману,
Узнаешь в той судьбе:
Ни смерть нельзя, ни рану
Нам выбрать по себе.

И, надкусив травинку,
Задумался, поник
По форме под машинку
Остриженный мужик.
Ремнем, обмундировкой
Снабженный в акурат,
Немолодой, неловко
Пораненный солдат.

Тогда к нему солдатка
Чуть подалась плечом

С лукавою подглядкой:
— Ну вот, а сам о чем?..
Одет, обут, доволен,
Свободен от хлопот,
А сам о чем ты, воин,
Гадаешь наперед?

Встряхнулся виновато:
— Да о себе ли я?
А вот — жена, ребята,
Одно сказать — семья...
— О ней, солдат?
— Ну, ясно,
О чем еще гадать?
— О ней — тогда напрасно.
Не надо, — молвит мать. —
Черна на небе туча,
Страшна беда-война.
Да бабья мочь живуча,
Тягуча, брат, она.
Не в шутку говорится —
На бабах все сейчас.
Осталось научиться
Рожать одним без вас.
Того и не хватало, —
Закончила она.
— Научитесь, пожалуй, —
Вздохнул солдат, — война.

Потом добавил тише,
Куда-то глядя вдаль:
— Все ничего, детишек,
Детишек только жаль...

В огне, в огне полсвета,
Огнем горит закат.
Семья в дороге где-то,
В пути отец-солдат.

1943

* * *

Когда пройдешь путем колонн
В жару, и в дождь, и в снег,
Тогда поймешь,
Как сладок сон,
Как радостен ночлег.

Когда путем войны пройдешь,
Еще поймешь порой,
Как хлеб хорош
И как хорош
Глоток воды сырой.

Когда пройдешь таким путем
Не день, не два, солдат,
Еще поймешь,
Как дорог дом,
Как отчий угол свят.

Когда — науку всех наук —
В бою постигнешь бой,
Еще поймешь,
Как дорог друг,
Как дорог каждый свой.

И про отвагу, долг и честь
Не будешь зря твердить.
Они в тебе,
Какой ты есть,
Каким лишь можешь быть.

Таким, с которым, коль дружить
И дружбы не терять,
Как говорится —
Можно жить
И можно умирать.

1943

БОЛЬШОЕ ЛЕТО

Большое лето фронтовое
Текло по сторонам шоссе
Густой, дремучею травою,
Уставшей думать о косе.

И у шлагбаумов контрольных
Курились мирные дымки,
На грядках силу брал свекольник,
Солдатской слушаясь руки...

Но каждый холмик придорожный
И лес, недвижный в стороне,
Безлюдьем, скрытностью тревожной
Напоминали о войне...

И тишина была до срока.
А грянул срок — и началось!
И по шоссе пошли потоком
На запад тысячи колес.

Пошли — и это означало,
Что впереди, на фронте, вновь
Земля уже дрожмя-дрожала
И пылью присыпала кровь...

В страду вступило третье лето,
И та смертельная страда,
Своим огнем обняв полсвета,
Грозилась вырваться сюда.

Грозилась прянуть вглубь России,
Заполонив ее поля...
И силой встать навстречу силе
Спешили небо и земля.

Кустами, лесом, как попало,
К дороге, ходок и тяжел,
Пошел греметь металл стоялый,
Огнем огонь давить пошел.

Бензина, масел жаркий запах
Повеял густо в глушь полей.
Войска, войска пошли на запад,
На дальний говор батарей...

И тот, кто два горячих лета
У фронтовых видал дорог,
Он новым, нынешним приметам
Душой порадоваться мог.

Не тот был строй калужских, брянских,
Сибирских воинов. Не тот
Грузовиков заокеанских
И русских танков добрый ход.

Не тот в пути порядок чинный,
И даже выправка не та
У часового, что картинно
Войска приветствовал с поста.

И фронта вестница живая,
Вмещая год в короткий час,
Не тот дорога фронтовая
Сегодня в тыл несла рассказ.

Оттуда, с рубежей атаки,
Где солнце застил смертный дым,
Куда порой боец не всякий
До места дополза живым;

Откуда пыль и гарь на каске
Провез парнишка впереди,
Что руку в толстой перевязке
Держал, как ляльку, на груди.

Оттуда лица были строже,
Но день иной и год иной,
И возглас: «Немцы!» — не встревожил
Большой дороги фронтовой.

Они прошли неровной, сборной,
Какой-то встрепанной толпой,
Прошли с поспешностью покорной,
Кто как, шагая вразнобой.

Гуртом сбиваясь к середине,
Они оттуда шли, с войны.
Колени, локти были в глине,
И лица грязные бледны.

И было все обыкновенно
На той дороге фронтовой,
И охранял колонну пленных
Немногочисленный конвой.

А кто-то воду пил из фляги
И отдувался, молодец.
А кто-то ждал, когда бумаги
Проверит девушка-боец.

А там танкист в открытом люке
Стоял, могучее дитя,
И вытирал тряпицей руки,
Зубами белыми блестя.

А некий мальчик босоногий,
С неполным ягод котелком,
Привал устроил на дороге,
Сухим закусывал пайком.

А кто-то, стоя на подножке
Грузовика, что воду брал,
Насчет того, как от бомбежки
Он уцелел, для смеху врал...

И третье лето фронтовое
Текло по сторонам шоссе
Глухою, пыльною травою,
Забывшей думать о косе.

1943

У СЛАВНОЙ МОГИЛЫ

Нам памятна каждая пядь
И каждая наша примета
Земли, где пришлось отступать
В пыли сорок первого лета.

Но эта опушка борка
Особою памятью свята:
Мы здесь командира полка
В бою хоронили когда-то.

Мы здесь для героя отца,
Меняясь по двое, спешили
Готовый окопчик бойца
Устроить поглубже, пошире.

В бою — как в бою. Под огнем
Копали, лопатой саперной
В песке рассекая с трудом
Сосновые желтые корни.

И в желтой могиле на дне
Мы хвои зеленой постлали,
Чтоб спал он, как спят на войне
В лесу на коротком привале.

Прости, оставайся, родной!..
И целых и долгих два года
Под этой смоленской сосной
Своих ожидал ты с восхода.

И ты не посетуй на нас,
Что мы твоей славной могиле
И в этот, и в радостный час
Не много минут посвятили.

Торжествен, но краток и строг
Салют наш и воинский рапорт.
Тогда мы ушли на восток,
Теперь мы уходим на запад.

Над этой могилой скорбя,
Склоняем мы с гордостью знамя:
Тогда оставляли тебя,
А нынче, родимый, ты с нами.

1943

ИВАН ГРОМАК

Не всяк боец, что брал Орел,
Иль Харьков, иль Полтаву,
В тот самый город и вошел
Через его заставу.

Такой иному выйдет путь,
В согласии с приказом,
Что и на город тот взглянуть
Не доведется глазом...

Вот так, верней, почти что так,
В рядах бригады энской
Сражался мой Иван Громак,
Боец, герой Смоленска.

Соленый пот глаза слепил
Солдату молодому,
Что на войне мужчиной был,
Мальчишкой числясь дома.

В бою не шутка — со свежа,
Однако дальше — больше,
От рубежа до рубежа
Воюет бронебойщик...

И вот уже недалеки
За дымкой приднепровской
И берег тот Днепра-реки
И город — страж московский.

Лежит пехота. Немец бьет.
Крест-накрест пишут пули.

Нельзя назад, нельзя вперед.
Что ж, гибнуть? Чорта в стуле!

И словно силится прочесть
В письме слепую строчку,
Глядит Громак и молвит: — Есть!
Заметил вражью точку.

Берет тот кустик на прицел,
Припав к ружью наводчик.
И дело сделано: отпел
Немецкий пулеметчик.

Один отпел, второй поет,
С кустов ссекая ветки.
Громак прицелился — и тот
Подшиблен пулей меткой.

Команда слышится:
— Вперед!
Вперед, скорее, братцы!.. —
Но тут немецкий миномет
Давай со зла плеваться.

Иван Громак смекает: врешь,
Со страху ты сердитый.
Разрыв! Кусков не соберешь —
Ружье бойца разбито.

Громак в пыли, Громак в дыму,
Налет жесток и долог.
Громак не чуял, как ему
Прожег плечо осколок.

Минутам счет, секундам счет,
Налет притихнул рьяный.
А немцы — вот они — в обход
Позиции Ивана.

Ползут, хотят забрать живьем.
Ползут, скажи на милость,

Отвага тоже: впятером
На одного решились.

Вот — на бросок гранаты враг,
Громак его гранатой.
Вот рядом двое. Что ж Громак?
Громак — давай лопатой.

Сошлись, сплелись, пошла возня.
Громак живучий малый.
— Ты думал что? Убил меня?
Смотри, убьешь, пожалуй!

Схватил он немца, затая
И боль свою и муки:
— Что? Думал — раненый? А я
Еще имею руки.

Сдавил его одной рукой,
У немца прыть увяла.
А тут еще — один, другой
На помощь. Куча ма́ла.

Лежачий раненый Громак
Под ними землю пашет.
Конец, Громак? И было б так,
Да подоспели наши...

Такая тут взялась жара,
Что передать не в силах.
И впереди уже «ура»
Слыхал Громак с носилок.

Враг отступил в огне, в дыму
Пожаров деревенских...
Но не пришлося самому
Ивану быть в Смоленске.

И как гласит о том молва,
Он не в большой обиде.
Смоленск — Смоленском. А Москва?
Он и Москвы не видел.

Не приходилось, — потому...
Опять же горя мало:
Москвы не видел, но ему
Москва салютовала.

1943

* * *

Зачем рассказывать о том
Солдату на войне,
Какой был сад, какой был дом
В родимой стороне?
Зачем? Иные говорят,
Что нынче, за войной,
Он позабыл давно, солдат,
Семью и дом родной;
Он ко всему давно привык,
Войною научен,
Он и тому, что он в живых,
Не верит нипочем.
Не знает он, иной боец,
Второй и третий год:
Женатый он или вдовец,
И писем зря не ждет...
Так о солдате говорят.
И сам порой он врет:
Мол, для чего смотреть назад,
Когда идешь вперед?
Зачем рассказывать о том,
Зачем бередить нас,
Какой был сад, какой был дом.
Зачем? Затем как раз,
Что человеку на войне,
Как будто на́зло ей,
Тот дом и сад вдвойне, втройне
Дороже и милей.
И чем бездомней на земле
Солдата тяжкий быт,
Тем крепче память о семье
И доме он хранит.

Забудь отца, забудь он мать,
Жену свою, детей,
Ему тогда и воевать
И умирать трудней.
Живем, не по миру идем,
Есть что хранить, любить.
Есть, где-то есть иль был наш дом,
А нет — так должен быть!

1943

ОГОНЬ

Костер, что где-нибудь в лесу,
Ночуя, путник палит, —
И тот повысушит росу,
Траву вокруг обвялит.

Пожар начнет с одной беды,
Но только в силу вступит —
Он через улицу сады
Соседние погубит.

А этот жар — он землю жег,
Броню стальную плавил,
Он за сто верст касался щек
И брови кучерявил.

Он с ветром несся на восток,
Сжигая мох на крышах,
И сизой пылью вдоль дорог
Лежал на травах рыжих.

И от столба и до столба,
Страду опережая,
Он на корню губил хлеба
Большого урожая...

И кто в тот год с войсками шел,
Тому забыть едва ли

Тоску и муку наших сел,
Что по пути лежали.

И кто из пламени бежал
В те месяцы лихие,
Тот думать мог, что этот жар
Смертелен для России.

И с болью думать мог в пути,
Тех, что прошли, сменяя:
«Земля отцовская, прости,
Страдалица родная...»

И не одна уже судьба
Была войны короче.
И шла великая борьба
Уже как день рабочий.

И долг борьбы — за словом — власть
Внушала карой строгой.
И воин, потерявший часть,
Искал ее с тревогой...

И ты была в огне жива,
В войне права, Россия.
И силу вдруг нашла Москва
Ответить страшной силе.

Москва, Москва, твой горький год,
Твой первый гордый рапорт,
С тех пор и ныне нас ведет
Твой клич: — Вперед на запад!

Пусть с новым летом вновь тот жар
Дохнул, неимоверный,
И новый страшен был удар, —
Он был уже не первый.

Ты, Волга, русская река,
Легла врагу преградой.
Восходит заревом в века
Победа Сталинграда.

Пусть с новым летом новый жар
Дохнул — его с восхода
С привычной твердостью встречал
Солдатский взгляд народа.

Он мощь свою в борьбе обрел,
Жестокой и кровавой,
Солдат-народ. И вот Орел —
Начало новой славы.

Иная шествует пора,
Рванулась наша сила
И не споткнулась у Днепра,
На берег тот вступила.

И кто теперь с войсками шел,
Тому забыть едва ли
И скорбь и радость наших сел,
Что по пути лежали.

Да, много горя, много слез —
Еще их срок не минул.
Не каждой матери пришлось
Обнять родного сына.

Но праздник свят и величав.
В огне полки сменяя,
Огонь врага огнем поправ,
Идет страна родная.

Ее святой, великий труд,
Ее немые муки
Прославят и превознесут
Благоговейно внуки.

И скажут, честь воздав сполна,
Дивясь ушедшей были:
Какие были времена!
Какие люди были!

1943

У ДНЕПРА

Я свежо доныне помню
Встречу первую с Днепром,
Детской жизни день огромный —
Переправу и паром.

За неведомой, студеной
Полосой днепровских вод
Стороною отдаленной
Нам казался берег тот.

И казалось, что прощалась
Навек с матерью родной,
Если замуж выходила
Девка на берег иной...

И не чудо ль был тот случай:
Старый Днепр средь бела дня
Оказался вдруг под кручей
Впереди на полконя.

И блеснув на солнце боком,
Развернулся он внизу.
Страсть, как жутко и высоко
Стало хлопцу на возу!

Вот отец неторопливо
Заложил в колеса кол,
И, обняв коня, с обрыва
Вниз, к воде тихонько свел.

Вот песок с водою вровень
Зашумел под колесом,
И под говор мокрых бревен
Воз взобрался на паром.

И паром, подавшись косо,
Отпихнулся от земли,
И недвижные колеса,
Воз и я — пошли, пошли...

И едва ли сердце знало,
Что оно уже тогда
Лучший срок из жизни малой
Оставляло навсегда.

1944

НОЧЛЕГ

Разулся, ноги просушил,
Согрелся на ночлеге,
И человеку дом тот мил,
Неведомый вовеки.

Дом у Днепра иль за Днепром,
Своим натопленный двором, —
Ни мой, ни твой, ничейный,
Пропахший обувью сырой,
Солдатским потом да махрой,
Да смазкою ружейной.

И, покидая угол тот,
Солдат, жилец бездомный,
О нем, бывает, и вздохнет,
И жизнь пройдет, а вспомнит!

1944

НА ПОХОДЕ

— Хорошо иметь в догадке
Ту примету на Руси,
Что в дому, где бабы гладки,
Там напиться не проси.

Там воды не будет свежей.
— Почему?
— А потому:
Норовят ходить пореже,
Держат теплую в дому.

— Что же, пейте на здоровье,
Если нравится вода.
Жаль, по вашему присловью,
Я, должно быть, так худа.

— Нет, не так, еще в порядке,
И сказать со стороны:
Ни к чему добреть солдатке,
Если мужа ждет с войны.

1944

* * *

Война — жесточе нету слова.
Война — печальней нету слова.
Война — святее нету слова
В тоске и славе этих лет.
И на устах у нас иного
Еще не может быть и нет...

1944

МИНСКОЕ ШОССЕ

Все, как тогда, в то лето злое:
И жесткий шорох пыльных трав,
И ветер, дышащий золою,
И грохот бомб у переправ,
И блеклый хворост маскировки,
И жаркий, жадный ход машин,
И пеший, раненный на бровке, —
И он, наверно, не один...

И вздох орудий недалекий,
И гул шоссейного моста,
И тот же стон большой дороги,
И те же самые места.
Низины, добрые сосенки,
Где, отмечая срок войны,
Трехлетней давности воронки
Меж новых, нынешних видны.

И жженой жести тот же запах,
И пепелищ угарный дым.
Но только — мы идем на запад.
Мы наступаем. Мы громим.

Мы бьем его что день, то пуще,
Что час, то злей и веселей,
В хвосты колонн его бегущих
Врываясь вдруг броней своей.

Ему ни отдыху, ни сроку,
Беги, куда бежать — гляди:
На пятки жмем, всыпаем сбоку,
И — стой! — встречаем впереди.

Идет, вершится суд суровый.
Священна месть, и казнь права.
И дважды, трижды в день громово
Войскам салюты шлет Москва.
И отзвук славы заслуженной
Гудит на тыщи верст вокруг.
И только плачут наши жены
От счастья так же, как от мук.

И только будто зов несмелый
Таят печальные поля,
И только будто постарела,
Как в горе мать, сама земля,
И рост, и доброе цветенье
Всего, что водится на ней,
Как будто строже и смиренней
И сердцу русскому больней.
Вот дождик вкрадчиво прокрапал.
Как тонок грустный дух сенца!..

Войска идут вперед на запад.
Вперед на запад. До конца...

1944

ЗДЕСЬ НЕМЦЫ БЫЛИ

Ушли в хлеба траншеи, ходы
И ржавых проволок ряды.
И отстоялись в реках воды,
И завязь выдали сады.
И на земле — житье людское,
И дым жилой по гребням хат,
Что бабьей рублены рукою...
Здесь немцы были год назад.

Дымится крошево щебенки,
Торчит стена с пустым окном.
И от воронки до воронки —
Трава, сожженная живьем.
Железной гари едкий запах,
Горелых трупов древний чад.
В пыли, багровых дымах запад...
Здесь немцы были день назад.

Столбом стоит разрывов осыпь,
На запад улица в огне.
И танки за город уносят
«Ура» пехоты на броне.
Листва на ветках не обвяла,
Что мимолетом ссек снаряд.
Еще для жизни сроку мало:
Здесь немцы были час назад.

Пройдется плуг по их могилам,
Накроет память их пластом.
И будет мир отрадным тылом
Войны, потушенной огнем.

И, указав на земли эти
Внучатам нынешних ребят,
Учитель в школе скажет: — Дети,
Здесь немцы были век назад.

1944

ГРАНИЦА

Граница моей державы,
Означена ты навек
Не этой колючкой ржавой
Вдоль просек лесных и рек;
Не этим мостом, что ровно
Надвое разделен,
Не той, не другой условной
Чертой, что для нас — закон, —

А горечью душной пыли
Больших и малых дорог
Со дня, как мы отступили
Из этих мест на восток;
А страшной грозой кровавой,
Кропившей землю и снег,
Граница моей державы,
Означена ты навек.

Означена ты боями
На смерть, не на живот,
Всем тем, что лежит за нами
Отсюда до волжских вод.
Всей болью и всею славой,
Что знает наш человек,
Граница моей державы,
Означена ты навек.

Державы моей граница
В глубоком тылу, вдали
За нами Москва — столица
Свободной нашей земли.
За нами, ее сынами,
Родимых столько могил!
Бессмертный подвиг за нами,
Что нам лишь под силу был.

Святое, грозное пламя
Отмщенья, бушуй в груди!

Родная земля — за нами,
Земля врага — впереди.
За горе, за все страданья,
Что видел наш мирный дом,
Плати по счетам, Германия,
Молись! По тебе идем!

1944

ВОЗМЕЗДИЕ

I

Мы сотни верст и тыщи верст земли,
Родной земли, завещанной отцами,
Топча ее, в страде войны прошли
С оглохшими от горечи сердцами.

Из боя в бой мы шли, из боя в бой,
И, отступая, в страшный час разлуки,
Мы не могли, солдаты, взять с собой
Всех тех, что к нам протягивали руки.

Мы покидали милые поля,
Где провожал нас каждый колос хлеба
И каждый кустик сизый ковыля.
Да, то была родимая земля,
Хотя над ней чужое было небо,

Хотя над ней медовый вянул цвет, —
Так смертной гарью от дорог разило,
Хотя по ней прокладывала след
Чужих колес и гусениц резина.

Мы шли от рубежа до рубежа
Родной земли, прощаясь молча с нею,
Та боль тогда еще была свежа,
Но с каждым днем, как рана от ножа,
Она горела глубже и сильнее.

И все места, где немец проходил,
Куда вступал бедой неотвратимой,

Рядами вражьих и своих могил
Мы отмечали на земле родимой.

И, вглубь страны все дальше отходя,
У Верхней Волги и у речки Нары
Мы неизменно, именем вождя,
Врагу сулили день суровой кары.

От стен Москвы в морозной жесткой мгле,
Живые мертвых на ходу сменяя,
Его мы гоном гнали по земле,
Но то земля была своя, родная...

У Сталинграда вещей битвы жар
Простерся в вечность заревом кровавым.
И, чуя гибель, враг от нас бежал,
Гонимый вспять оружьем нашим правым.

То был залог, порука из порук,
Что мы его угомоним навеки,
Но Дон, Донец, но старый Днепр и Буг —
Еще родные наши были реки.

В степи, в горах мы смерть ему несли
И в море опрокидывали с суши.
Но скорбь войной потоптанной земли,
Родной земли томила наши души.

Нам, только нам горька она была,
Ее сынам, печаль земли родимой,
Земли, что столько горя приняла,
Чьи муки, может, невознаградимы...

Вперед, вперед бессонно шли войска,
Ее войска, — вперед, презрев усталость.
И не одна нерусская река
Уже за нами позади осталась.

И гром гремел у старых стен Кремля
Во имя славы нашей запредельной.
Но то была не та еще земля,
Не та, с которой счет у нас отдельный.

В тяжелый воз нуждою впряжены,
Его везли мы в гору, не плошая.
Четвертый год! Четвертый год войны...
И вот земля — та самая, чужая...

Вот крыша дома в виде корабля,
Вот садика притихшие верхушки,
Осенние смиренные поля.
Но то она — немецкая земля,
Чьи под Москвой месили землю пушки.

И ветер дышит жаркою золой, —
То час настал для исполненья гнева.
И низко виснет над чужой землей
Ревущее грозою наше небо.

Четвертый год! Четвертый год войны
Нам локти мажет желтой прусской глиной.
И тысячи стволов наведены
Указками дороги до Берлина.

И в этот грозный предреченный час,
У этих сел, фольварков и предместий,
О мести не расспрашивайте нас,
Спросите так: верны ль мы нашей чести?

Ее завет и краток и суров,
И с тем у нас никто не будет в споре:
Да, смерть — за смерть! Да, кровь — за кровь!
За горе — горе!..

II

Хрустит чужое под ногой
Стекло и черепица.
Вдали за нами край родной,
Земли родной граница.
Да, мы иных, чем ты, кровей,
Иных знамен солдаты,
И мы сегодня по твоей
Земле идем с расплатой.

Как занялся огнем твой дом,
Ты увидал впервые,
А нам тот запах так знаком
И дым тот очи выел.
Прошло, сменилось три травы
Вдоль той дороги долгой:
От Верхней Волги, от Москвы,
Да что! — от Нижней Волги.
И память — боль, — на том стоим, —
Она не убавлялась,
Она от мертвых к нам, живым,
В пути передавалась.
И тот, кто нынче приведен
В твои края войною,
Двойною ношей нагружен,
А может быть, тройною.
И мы не с тем сюда пришли,
Чтоб здесь селиться хатой.
Не надо нам твоей земли,
Твоей страны проклятой.
Нас привела сюда нужда,
Неволя — не охота.
Нам только надо навсегда
Свести с тобою счеты.
И мы тревожим чуждый кров
Священной мести ради.
И суд наш праведный суров,
И места нет пощаде.
И не у нас ее проси,
Мы будем мертвых глуше.
Проси у тех, чьи на Руси
Сгубил безвинно души.
Проси у тех, кого ты сжег,
Зарыл в земле живыми —
Не шевельнется ли песок,
Притоптанный над ними?
Проси у тех, кому велел
Самим копать могилу,
Проси у тех, кого раздел
В предсмертный час постылый,
Проси у девочки у той,

Что, в дула ружей глядя,
Спросила с детской простотой:
— Чулочки тоже, дядя? —
У той, худое тельце чье
У края рва поставил.
Проси пощады у нее,
А мы щадить не вправе.
У нас оглохшие сердца
К твоим мольбам бесстыдным,
Мы справим суд наш до конца,
А после будет видно.

Четвертый год солдат в борьбе
И сколько дней в чужбине!

Земля родная, о тебе
И сны и думы ныне!

1944

ОБ ЭТИХ ДНЯХ

Седой солдат расскажет внукам
Про эту быль своих времен,
Как он, герой, да маршал Жуков
Из Польши немцев гнали вон.

Как славил их салют московский,
России добрых сыновей.
Как двинул справа Рокоссовский,
Как тотчас Конев дал левей...

И посошком начертит старый,
Обозначая фронт и тыл,
Тот план могучего удара,
Что Сталин некогда чертил.

И разъяснит, как по уставу,
Куда какой врезался клин,
Когда взята была Варшава
И встал на очередь Берлин.

1944

БЕРЛИН

Не в самый полдень торжества
Приходят лучшие слова...

И сердцу радостно и страшно
Себя доверить той строке,
В которой лозунг наш вчерашний
Сегодня — ноша на штыке.

Отчизна, мать моя, сурово
Не осуди, я слов ищу,
И я лишь первые два слова
Об этом празднике пишу.

Я их сложил, как мог, в минуты
Волненья, что лишают слов,
Когда гремел салют салютов
Из всех, какие есть, стволов.

С твоими равными сынами
Я плакал теми же слезами,
Слезами радости, твой сын.

Берлин, о Родина, за нами,
Берлин, товарищи, Берлин!

1945

О СКВОРЦЕ

На крыльце сидит боец,
На скворца дивится:
— Что хотите, а скворец
Правильная птица.

День-деньской, как тут стоим,
В садике горелом,
Занимается своим
По хозяйству делом.

Починяет домик свой,
Бывший без пригляда.
Мол, война себе войной,
А плодиться надо!

1945

* * *

Перед войной, как будто в знак беды,
Чтоб легче не была, явившись в новости,
Морозами неслыханной суровости
Пожгло и уничтожило сады.

И тяжко было сердцу удрученному
Средь буйной видеть зелени иной
Торчащие по-зимнему, по-черному
Деревья, что не ожили весной.

Под их корой, как у бревна отхлупшею,
Виднелся мертвенный коричневый нагар.
И повсеместно избранные, лучшие
Постиг деревья гибельный удар...

Прошли года. Деревья умерщвленные
С нежданной силой ожили опять,
Живые ветки выдали, зеленые...

Прошла война. А ты все плачешь, мать.

1945

В ЧАС МИРА

Все в мире сущие народы,
Благословите светлый час!
Отгрохотали эти годы,
Что на земле застигли нас.

Еще теплы стволы орудий
И кровь не всю впитал песок,
Но мир настал. Вздохните, люди,
Переступив войны порог!

Да, верить можно, верить нужно,
Что правда есть, — на том стоим;
И что добро не безоружно:
Зло на коленях перед ним;

Что будет мир желанный в силе
И нас с детьми переживет
Недаром Сталин и Россия —
Его надежда и оплот.

3 августа 1945 г.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ СТИХИ

ОТЧИЗНЕ

Одной тебе под стать твои дела.
Вовек бессмертен подвиг твой исходный,
Когда себя сама ты создала
И назвала Советской и свободной.

И, защитив свободу от врагов,
Ты власть свою и волю утвердила.
И подвиг на себя взяла другой,
Что также был одной тебе под силу.

И подвиг тот — Великий перелом,
Перепахавший межи вековые, —
История сравнила с Октябрем,
Как две свои эпохи мировые.

И подвиг третий с ними наравне
Встает, свершенный в нынешние сроки, —
Твоя победа в праведной войне
На западе твоем и на востоке.

И всей земле являет нынче он
Тех первых двух твоих свершений славу,
Со славой древних дедовских времен
В себе соединив ее по праву.

Весь труд годов твоих необозрим,
Он — как простор земли твоей родимой...

Не называя, в сердце повторим
Два имени, что с именем твоим
И подвигом твоим неразделимы.

1945

КРЕМЛЬ ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Кремль зимней ночью над Москвой —
Рекой и городом Москвою,
С крутой Ивановой главой
И тенью стен сторожевою.

Кремль зимней ночью при луне,
Ты чуден древностью высокой
И славен с нею наравне
Недавней памятью жестокой.

Недавней памятью ночей,
Когда у западной заставы
Курились дымы блиндажей
И пушки ухали устало;

Когда здесь были фронт и тыл
И в дачных рощах Подмосковья
Декабрьский снег замешан был
Землей, золой и свежей кровью.

Кремль зимней ночью, на твоих
Стенах, бойницах, башнях, главах —
И свет преданий вековых
И свет недавней трудной славы.

На каждом камне с той зимы —
Как будто знак неизгладимый
Всего того, чем жили мы
В тревожный час земли родимой.

Незримым заревом горят
На каждом выступе старинном —

И Сталинград, и Ленинград,
И знамя наше над Берлином.

До дней далеких донеси
То отраженье, гордый камень,
И подвиг нынешней Руси
Да будет будущему в память!

Да будет славой вековой
Он озарен, как ты луною,
Кремль зимней ночью над Москвой —
Рекой и городом Москвою!

1946

О РОДИНЕ

Родиться бы мне по заказу
У теплого моря в Крыму,
А нет — побережьем Кавказа
Ходить, как в родимом дому.

И славить бы море и сушу
В привычном соседстве простом,
И видеть и слышать их душу
Врожденным сыновним чутьем...

Родиться бы, что ли, на Волге,
Своими считать Жигули,
Родившись в рыбачьем поселке,
Что с палубы видишь вдали.

И петь, как пристало, об этой
Знакомой с рожденья реке,
По отчего дома завету
На собственном том языке.

Родиться бы в сердце Урала,
Чья слава доныне скрытна,
Чтоб в песне моей прозвучала
С нежданною силой она.

В Сибири, на Дальнем Востоке,
В краю молодых городов,
На некоей там новостройке, —
Везде я с охотой готов
Родиться.

Одно не годится:
Что где ни случилось бы мне,
Тогда бы не смог я родиться
В родимой моей стороне.

В недальней, отцами обжитой
И дедами с давних времен,
Совсем не такой знаменитой,
В одной из негромких сторон.

Где нет ни жары парниковой,
Ни знатных зимой холодов,
Ни моря вблизи никакого,
Ни горных, конечно, хребтов.

Ни рек полноты величавой:
А реки такие подряд,
Что мельницу на два постава,
Из сил выбиваясь, вертят.

Ничем сторона не богата,
А мне уже тем хороша,
Что там наудачу когда-то
Моя народилась душа.

Что в дальней дали зарубежной,
О многом забыв на войне,
С тоской и тревогою нежной
Я думал о той стороне,

Где счастью великой, единой,
Священной, как правды закон,
Где таинству речи родимой
На собственный лад приобщен.

И с нею — из той незавидной
По многим статьям стороны,

Мне всю мою Родину видно,
Как город с Кремлевской стены.

Леса ее, горы, столицы,
На рейде ее корабли...
И всюду готов я родиться
Под знаменем этой земли.

А только и прежде и ныне
Милей мне моя сторона —
По той по одной лишь причине,
Что жизнь достается одна.

1946

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна, ни покрышки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет,
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит, и не знаю:
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за Родину пали,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.

Вам — все это, живые.
Нам — отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за Родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, —
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это грозное слово
Нам навеки дано, —
И за нами оно —
Это грозное право.

Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.

Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за нашей спины
Пламя кузниц Урала.

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой! —
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие,
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг,

О товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,

Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый.

Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали, —
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,

Чтоб за дело святое,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.

Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
Не на нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жить завещаю, —
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой Отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

1945—1946

МОСКВА

Зябкой ночью солдатской,
В сорок первом году,
Ехал я из-под Гжатска
На попутном борту.

Грохот фронта бессонный
Шел как будто бы вслед.
Редко встречной колонны
Скрытный вспыхивал свет.

Тьма предместий вокзальных,
И — Москва. И над ней —
Горделивый, печальный
Блеск зенитных огней.

И просились простые
К ней из сердца слова:
— Мать родная, Россия,
Москва, Москва...

В эти горькие ночи
Ты поистине — мать,

39—1

Та, что детям не хочет
Всей беды показать.

Та, что жертвой безгласной
Не смирится с судьбой,
Та, что волею властной
Поведет за собой.

И вовек не склонится
Твоя голова,
Мать родная, столица,
Москва! Москва!..

Память трудной годины,
Память боли во мне.
Тряский кузов машины.
Ночь. Столица в огне.

И, как клятвы, святые
В тесном горле слова:
— Мать родная, Россия!
Москва! Москва!..

...Ехал я под Берлином
В сорок пятом году.
Фронт катился на запад,
Спал и ел на ходу.

В шесть рядов магистралью —
Не вмещает, узка! —
Громыхаючи сталью,
Шли на запад войска.

Шла несметная сила,
Разрастаясь в пути,
И мосты наводила
По себе впереди.

Шла, исполнена гнева,
В тот, в решающий бой,
И гудящее небо,
Точно щит, над собой

Высоко проносила...
— Погляди, какова
Мать родная, Россия,
Москва! Москва!

Память горя сурова,
Память славы жива,
Все вместит это слово:
Москва! Москва!

Это имя столицы,
Как завет, повторим.
Расступились границы,
Рубежи перед ним,

И прошло оно светом,
И поверглися ниц
Перед силою этой
Столько громких столиц.

Стой, красуйся в зарницах
И огнях торжества,
Стой вовеки, столица,
Светоч мира, Москва!

1947

МОЛОДОСТЬ РОДИНЫ

Вчера еще были и мы молодежь,
Да время торопит, не балуя.
Едва на четвертый десяток свернешь —
И сказано: годы немалые.

Но время для нас, для страны — времена,
Века из веков озаренные.
В четвертый десяток вступает страна,
Октябрьской бурей рожденная.

И мужества возраст ей впору как раз, —
Страницы тех лет перелистаны.

И старше она уже многих из нас,
Но всех нас моложе поистине.

Моложе. И будет моложе вовек
В своем недряхлеющем мужестве.
Так молод бывает всегда человек,
Который с грядущим в содружестве.

И молодость Родины — дело и мысль,
Что Лениным нам заповеданы.
То шум городов, что при нас поднялись
На землях, до нас не разведанных.

То слава победная наших полков —
Нетленная Родины молодость.
То зелень густая столетних дубов,
Пробившихся нынче из желудя.

То тяжкий бетон величавых плотин
На реках, надежно обузданных.
И молодость Родины — ты, гражданин,
Работник, не знающий устали.

Солдат, что способен итти до конца,
Отвага твоя непреклонная.
И молодость Родины — мудрость отца,
Вождя, сединой убеленного.

О Родина, гордость и радость моя,
Бескрайны края твои мирные,
Но слава, но правая правда твоя —
Сегодня намного обширнее.

И встретить готовы любую напасть
Твой доблестный опыт и выучка.
Как славная в битвах гвардейская часть,
Ты шествуешь миру на выручку.

1948

У НАС В СОЮЗЕ

У нас в Союзе каждый и любой
Не просто величается: такой-то.
При имени, как титул родовой,
Завод, колхоз, дорога, новостройка...

Без них назваться — честь невелика.
Что значит имя одного солдата
Без имени и звания полка,
Где служит он или служил когда-то?

Но так же полк, в обычае отцов,
И подвиг свой и доблестное имя
Украсит именами храбрецов
И навсегда их назовет своими...

Никто у нас в Союзе не один,
Не просто сам, но с чем-то бóльшим вместе,
С чем вместе он — советский гражданин,
А выше нету радости и чести.

Он — всюду он, особые черты,
Особые приметы неизменны:
Достоинства и мудрой простоты,
Спокойствия и силы вдохновенной.

Он — всюду он, пройди весь белый свет —
Не встретишь лиц такого благородства.
В нем Родина являет свой портрет,
Как в сыне мать проверенное сходство.

Он — всюду он, в краю родных полей
И в самой дальней дали зарубежной,
Он думает о Родине своей
Возвышенно, и преданно, и нежно.
Жизнь за нее отдаст, не дрогнув, он,
За жизнь его она стеною встанет.

Вот в кратком слове высший наш закон,
Что начертал своей рукою Сталин.

1948

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.

В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.

До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно.
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.

Мы с ними шли дорогою войны
В едином братстве воинском до срока,
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.

И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.

И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.

Вот так, судьбой своею смущены,
Прощались мы на празднике с друзьями
И с теми, что в последний день войны
Еще в строю стояли вместе с нами;

И с теми, что ее великий путь
Пройти смогли едва наполовину;
И с теми, чьи могилы где-нибудь
Еще у Волги обтекали глиной;

И с теми, что под самою Москвой
В снегах глубоких заняли постели,
В ее предместьях на передовой
Зимою сорок первого;
и с теми,

Что, умирая, даже не могли
Рассчитывать на святость их покоя
Последнего, под холмиком земли,
Насыпанным нечуждою рукою.

Со всеми — пусть не равен их удел, —
Кто перед смертью вышел в генералы,
А кто в сержанты выйти не успел —
Такой был срок ему отпущен малый:

Со всеми, отошедшими от нас,
Причастными одной великой сени
Знамен, склоненных, как велит приказ, —
Со всеми, до единого со всеми.

Простились мы.
И смолкнул гул пальбы,
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.

Но вновь и вновь появится листва,
И наши дети вырастут и внуки,
А гром пальбы в любые торжества
Напомнит нам о той большой разлуке.

И не затем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не затем, нет, не затем одним,
Что ветры войн шумят не утихая.

И нам уроки мужества даны
В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были, —

Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли
И слухом их не слышать мир отчасти?

И, жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов у смертного порога,
В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упрека!

Что ж, мы трава? Что ж, и они трава?
Нет. Не избыть нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.

К вам, павшие в той битве мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, наравне с живыми, голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.

Вам не услышать их и не прочесть.
Строка в строку они лежат немыми.
Но вы — мои, вы были с нами здесь,
Вы слышали меня и знали имя.

В безгласный край, в глухой покой земли,
Откуда нет пришедших из разведки,
Вы часть меня с собою унесли
С листка армейской маленькой газетки.

Я ваш, друзья, — и я у вас в долгу,
Как у живых, — я так же вам обязан.
И если я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след, который мне заказан,

Скажу слова, что нету веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых, —
Я ваш укор услышу бессловесный.

Суда живых — не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.

1948

ПАМЯТИ ЛЕНИНА

I

В глухую безвестную волость,
Где лес от села до села,
При мне эта страшная новость
По санному следу пришла.

Она перед тем на рассвете
Весь шар облетела земной
И все провода на планете
Успела заполнить собой.

А тут и не дальние дали,
Да глушь — заповедный удел.
Мы даже гудков не слыхали,
Лишь ветер по трубам гудел.

Но в тяжком негаданном горе
Была в это утро равна
Столицам деревня Загорье,
Лесная моя сторона.

Стояла над скопищем сонным
Снегами заваленных крыш,
Над миром, бедой потрясенным,
Морозная жесткая тишь.

И полоз, рыдающий в поле,
И утренний скрип журавля —
Отчетливы были до боли,
Отсюда слышны до Кремля.

Зачем это снова и снова
Звучит их нещадная песнь,
Когда уже сказано слово,
Когда уже слышана весть.

И каждому было с той вестью
Не в силах сидеть одному,
Большие и малые, вместе
Собрались мы в школьном дому.

А в школе до этого часа,
Как начал сходиться народ,
Ребятам из старшего класса,
Нам было довольно хлопот.

Мы в ельник ходили гурьбою,
Что был на задах невдали.
Ломали морозную хвою,
Охапками в школу несли.

Недетской заботою — дети —
Мы были в то утро полны.
И ветки еловые эти
Не к празднику были нужны.

Не праздника ради мы сами
Спустили над школьной стеной
Знакомое красное знамя,
Подшив его черной каймой.

Помыла полы сторожиха,
И люди в назначенный срок
С надворья морозного тихо
Вступили на школьный порог.

И незачем было к порядку
Просить, как на сходке в селе,
Когда наш учитель тетрадку
Свою разложил на столе.

Никто не садился. Стояли.
И были, казалось, полны
Не только глубокой печали,
Но чувства какой-то вины.

Стояли в заплатанной грубо
Овчине, обвиснувшей с плеч.
Беззвучные двигались губы
У многих, что слушали речь.

А слушали с думой суровой
И строгостью горькой лица,
Чтоб всю, до единого слова,
Вместить бережливо в сердца.

Ту скорбную истовость схода
С годами я помню живей.
Великая сила народа
И вера мне видится в ней.

Не в ту ли годину прощанья
В своей ощутил он груди
Готовность на все испытанья,
Что ждали его впереди?

Не в горе ль своем молчаливом,
Поникнув тогда головой,
Уже он был полон порывом
На подвиг неслыханный свой?

Порывом на жертвы, на муку,
Что вряд ли под силу иным,
На трудную с прошлым разлуку,
На встречу с грядущим своим.

Порывом, исполненным страсти,
На чудо свершающий труд,
И волей к нелегкому счастью,
И славе, что с бою берут.

Не тем ли огнем устремленным
Горели сердца у людей
И в траурном зале Колонном
И в школе далекой моей.

Да, в час, как навек провожали
Учителя, друга, отца,
В своей обрели мы печали
Решимость итти до конца.

Решимость нести его знамя,
Итти его верным путем.
И сталинской клятвы словами
Поведали миру о том.

II

Есть горе души одинокой,
Есть горе друзей и родни.
Живет оно в сердце до срока,
Хотя бы и долгие дни.

Но горе народа бессрочно,
И так велика его власть,
Что внукам оно правомочно
И правнукам на душу пасть.

И нет ему вовсе предела.
Не четверть ли века ушла —
А разве та боль отболела
И менее нам тяжела?

Мы только в заботах о деле,
Завещанном нашей судьбе,
Печали предаться не смели
И боль подавляли в себе.

И если б мы были иными,
Согбенными горем своим,
Мы памяти б той изменили,
Которую свято храним.

А спросим друг друга, брат брата,
Товарищ товарища. — Нет!
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

И может, что ближе мы к цели,
Указанной нам Ильичем,
Не меньше, чем прежде, скорбели,
А больше мы будем о нем.

В трудах и боях возмужала
Советская наша земля,
Его мировая держава,
Свободных народов семья.

Ее благородным победам
История дань воздает.
И ею проложенным следом
Уже пол-Европы идет.

Ей гимны слагают поэты
Всех сущих народов иных...
Ему бы увидеть все это,
Что видел он в думах своих.

Что видел он, нам завещая
Вести до победы борьбу
И Сталину смело вверяя
Народную нашу судьбу.

Ему бы, ему бы, родному,
Подняться из гроба сейчас.
И горечь той мысли знакома,
Присуща любому из нас.

Не смеркнула скорбная дата,
Горит ее памятный свет.

Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

Бессрочна она и безмерна,
И мы ее в вечность несем.
Как Ленина дело бессмертно,
Так память бессмертна о нем.

III

Не тысяча лет миновала
С той памятной миру зимы,
Когда — от велика до мала —
Остались без Ленина мы,

Когда с ним столица прощалась
И каждое наше село.
Не тысяча лет насчиталась,
Но, может быть, больше прошло...

...Я помню, в суровом молчанье,
С застывшею горечью лиц
Из школьного зданья сельчане
В тот вечер домой разошлись.

И вот уже дверь сторожиха
Тихонько впотьмах заперла.
И стало пустынно и тихо
В том классе, где сходка была.

Где я по погоде жестокой
Остался один на ночлег,
Тринадцатилетний, далекий
Теперь от меня человек.

В ушанке, в суконной поддевке,
Расчетливо сшитой на рост.
Но память об этой ночевке
Я через все годы пронес...

Синели в окошке сугробы
Под лунным морозным лучом.
И вот я как будто у гроба
Остался один с Ильичем.

И страшным ничто не казалось
Мне в эти часы одному,
Но острая, горькая жалость
Меня охватила к нему.

Пусть в давнюю эту годину
Я был еще попросту мал.
Я книжки его ни единой
Еще и в руках не держал.

Я видел его на портрете,
Я слышал от старших о нем
Не больше, чем сверстники-дети
В краю захолустном моем.

Но помню: от горя слабея,
Я с чувством единственным лег,
Что я его больше жалею,
Чем кто бы то ни было мог.

И что при нужде неминучей,
Как смерть ни страшна самому,
Уж лучше бы мне эта участь,
Но только б она не ему.

И если такою заменой
Уже не вернуть ничего,
Тогда я хочу непременно
Погибнуть за дело его.

Я буду служить ему честно,
Я всю ему жизнь посвящу,
Хотя и не будет известно
О том никогда Ильичу.

С горячей и чистой любовью
Я клятву свою произнес.
И сумка моя в изголовье
Намокла от радостных слез.

И, к ней приникая устало,
Я так и уснул до утра.
Проснулся — уже рассветало,
Дрова принесли со двора.

А там свирепела погода,
Со стоном по улице шел
Январь незабвенного года...
В тот год я вступил в комсомол.

1949

СВЕТ — ВСЕМУ СВЕТУ

Звонкой и жесткой
Осенью ранней
Видел я это
В лесном Предуралье.

Через отлогий
Увал каменистый
Просека вдаль
Унеслася, как выстрел.

И на далеком
Ее протяженье —
Дымы, дымки,
Копошенье, движенье.

Музыка, гомон,
Урчанье моторов.
Табор — не табор,
Город — не город.

Горное эхо —
С гомоном слитно.

— Дай подойдем,
Поглядеть любопытно.

У котлованов —
Люди, повозки.
Черные, красные
С цифрами доски.

Радиорупор,
Сигнальные флаги.
Шумный рабочий
И праздничный лагерь.

Трактор и тачка,
Лом и лопата.
Бабий платок
И пилотка солдата.

Комбинезон
И треух деревенский.
Всяческий люд,
Но особенно женский.

Девушки в ватниках,
В обуви грубой.
Щеки пылают,
Обветрены губы.

С ними в ряду
За работой суровой —
Мужние жены,
Солдатские вдовы.

Мерзлая глина
Звенит под киркою.
Дело не легкое,
Дело мужское.

Но погляди —
Управляются быстро,
Искрами брызжется
Грунт каменистый.

Но погляди
На девчонок — не чудо ль!
Что за веселая,
Дружная удаль.

Вот на минутку
Спины расправят.
Прядки волос
Под косынку заправят,

Лица утрут —
И опять за лопаты.
— Хватит курить,
Мужики и ребята!

Головы в яме —
Вровень с краями.
Столб, как орудие,
Движется к яме.

Глина нарытая —
Груда на груде.
— Здравствуйте!
— Здравствуйте,
Добрые люди.

Глазом окинь:
— Да откуда их столько?
— А из деревни, —
Народная стройка.

— Лихо копаете.
— Так и копаем.
Так и копаем,
Свет добываем.

Свет добываем,
Выводим на трассу.
Что-то мы вас
Не видали ни разу.

— Может, артисты?
Спойте!
Спляшите!
Ах, журналисты,
Ну так пишите!

Вот и пишите,
Как мы копаем,
Лес прорубаем,
Свет добываем.

Все чтобы точно.
А мы почитаем,
Как мы копаем,
Свет добываем.

И повторенное
Тысячеустно
Слово гремит
По горам захолустным.

Слово звучит
Над разбуженным краем:
— Свет добываем!
— Свет добываем!

Селам и школам
И сельсовету.
И всему свету!
И всему свету!

1949

* * *

Как только снег начнут буравить
Ручьи апреля вдоль дорог,
Опять весна тебе представит
Всех весен прожитых урок.

В набитой густо ржавой пене
Нельзя и нынче не узнать

Всех вод сбежавших нетерпенье,
Не возвращающихся вспять.

В цветенье голых верб, орешин
И ольх над полой ширью рек
Вновь постигаешь, как поспешен
Крутой поры кипучий бег.

Как чуток ветки сон сторожкий.
Лучом пригретые едва,
Отдать дымок спешат сережки,
Пока спеленута листва.

Как быстры смены, кратки сроки:
Еще в овражке снег приник,
А по сухой уже дороге
В пыли несется грузовик.

И позади зимы остатки.
Машина с воем воздух рвет.
На ней березки для посадки,
И почки тронутся вот-вот...

1949

9 МАЯ

Салют и слава годовщине
Навеки памятного дня.
Салют победе, что в Берлине
Огнем попрала мощь огня.

Салют ее большим и малым
Творцам, что шли путем одним,
Ее бойцам и генералам,
Героям, павшим и живым —
Салют!

И пусть его услышат
Те, что не рады торжеству,
Что кровью мира пакты пишут,

Войну поют, войною дышат,
Войною бредят наяву.
Два слова к ним по существу.

Я волен речь вести свободно,
Как тот солдат, с кем был в бою,
С кем пыль глотал в страде походной
И чьим поэтом состою.

Ему, творцу бессмертной были,
Что не уйдет во мглу времен,
Вы славу издали трубили,
Когда гроза брала разгон.

Когда вам ужас веял в души,
А он, солдат, свой начал путь
На море, в воздухе, на суше,
Врага встречая грудь на грудь,

Вы полагали, он не ведал,
Покуда шла еще война,
Кому, зачем была победа
И по какой цене нужна?

Но вряд ли вы считали сами,
Рядясь под цвет его друзей,
Что вас считает он друзьями
В душе бесхитростной своей.

Еще тогда, играя в прятки
И грея руки близ войны,
Вы не ошиблись в той догадке,
Что он — солдат своей страны.

Своей — в стремленьях неизменной,
В делах — большой, в речах — прямой,
Своей одной, своей священной
Отчизны — матери родной.

Он знал, зачем в войне годами
Топтал пески, болота, снег.
Не так он прост, вы угадали,
Простой советский человек.

И не вложить вам миру в уши
Враньем речей, газет, витрин,
Что с моря, воздуха и суши
Грозит вам тот, кто брал Берлин.

Чья доблесть памятна народам
И кто, с войны придя домой,
К своим полям, к своим заводам,
Объят заботою иной.

Кто городов и сел руины
Вновь оживил в родном краю
И, как на штурм ходил Берлина,
На штурм стихий идет в строю.

В сухих степях сады сажает,
В пустыни водам путь дает.
Свой подвиг нынешний свершает
И на сто лет глядит вперед.

И с неизменною отвагой
В труде, обязанном уму,
Творит свой день себе во благо
И человечеству всему.

Себе хозяйскою рукою
Он начертал свой план, свой путь.
И тем лишает вас покоя,
Что не боится вас ничуть.

Он столько вынес и изведал,
Таких больших исполнен сил,
Что страх душе его неведом,
Откуда, кто бы ни грозил.

Вам стоит помнить:
День Победы
Он в честь нее провозгласил.

1949

СЛОВО СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ К ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Прочитано на торжественном заседании по случаю семидесятилетия товарища И. В. Сталина в Большом театре Союза ССР 21 декабря 1949 года*.

Есть в мире сила неподкупных слов,
Но чувства есть, которым в слове тесно.
Есть на земле народная любовь —
Такая, что не выразить словесно.

Великий вождь, любимый наш отец,
Нет, не слова обращены к Вам эти,
А та любовь простых людских сердец,
Которой не сравнить ни с чем на свете,

Любовь людей, чьим доблестным делам
Дивится мир, как небывалой были,
Любовь людей, что Ленину и Вам
Свою судьбу, судьбу страны вручили.

Как день светла, как молодость сильна
В своем великом и живом порыве,
Она вождю и другу отдана,
С кем стали мы на свете всех счастливей,

Кто путь достойный указал стране,
Кто сделал жизнь возвышенней и краше,
И славы нет такой, чтоб увенчать вполне
Великий труд и подвиг жизни Вашей.

И ото всех народов и племен,
Что в этот праздник здесь предстать могли бы,

---

* Стихи написаны в соавторстве с М. Исаковским, А. Сурковым и Н. Грибачевым.

Сыновний благодарный Вам поклон,
Великое сыновнее спасибо.

Спасибо Вам, что Вы нас привели
Из тьмы глухой туда, где свет и счастье,
Что в трудный час родной земли
Спасли ее от гибельной напасти.

Что и теперь, когда опять война
Готовится во вражьем злобном стане,
На мир надежда в мире есть одна:
Ей имя — Сталин, — Вы, товарищ Сталин.

И мы пришли, чтоб Вам сказать о том,
Как бесконечно дороги Вы людям,
Как с каждым годом мы и с каждым днем
Вас преданней и бережнее любим.

Примите ж всенародный наш привет,
Согретый беззаветною любовью,
И пожеланье наше многих лет
И радости и доброго здоровья.

Пусть вёсны долгой, долгой чередой
Листву листве, цветы цветам на смену
Несут над Вашей славной сединой,
Над жизнью, в мире самой драгоценной!

За все, за все примите наш поклон,
Как сердца долг, как знак любви народной:
От всех республик Родины свободной,
От всех свободных наций и племен —
От всех, от всех сыновний Вам поклон!

МОСТ

В рассветный час во мгле сухой,
Одетый инеем Сибири,
Мост пробудился над рекой,
Одной из самых славных в мире.

И бережно приняв экспресс,
С великой справившийся далью,
Под ним он грянул, как оркестр,
Своей озвученною сталью.

Гремела, пела эта сталь
Согласно и многоголосо.
И шла, как под резец деталь,
Громадой цельной под колеса.

И, над рекою вознесен,
Состав столичный медлил будто,
И из вагона тек в вагон
Озноб торжественной минуты...

А звон, а грохот возрастал.
Казалось, в этот мост певучий
Вмещал свой голос весь Урал,
Нет, весь металл страны могучей:

И гром иных ее мостов,
И горделивый скрежет кранов,
И пенье в поле проводов,
И тяжкий гул прокатных станов.

И стук движка в глухом краю,
Где стала жизнь людей светлее,
И танков рокот, что в строю
Проходят мимо Мавзолея.

Со всех концов родной земли
Все голоса, что есть в металле,
Сюда, казалось, дотекли
По чутким рельсам магистрали,

Чтоб прозвучать им над рекой,
Загроможденной ледоставом,
Над берегами, над тайгой
В победном ритме величавом...

Великих лет бессмертный труд,
Твои высокие свершенья

Как будто песнь в себе несут
От нас в иные поколенья.

Как будто в завтра нашу весть
Несут — и с ней сегодня краше —
О том, что мы в грядущем есть —
Мосты, дворцы и песни наши!

...Еще один, другой пролет.
Река теснится в берег льдами.
И поезд по земле идет,
Но и земля поет под нами.

1950

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Все, все у сердца на счету,
Все стало памятною метой.
Стояло юное, в цвету,
Едва с весной расставшись, лето.

Стояла утренняя тишь,
Был смешан с медом воздух сочный,
Стекала капельками с крыш
Роса по трубам водосточным.

И рог пастуший в этот час
И первый ранний запах сена —
Все, все на памяти у нас,
Все до подробностей бесценно.

Как долго непросохший сад
Держал прохладный сумрак тени,
Как затевался хор скворчат —
Весны вчерашней поколенья,

Как где-то радио в дому
В июньский этот день вступало
Еще не с тем, о чем ему
Вещать России предстояло;

Как у столиц и деревень
Текло в труде начало суток,
Как мы теряли этот день
И мир — минуту за минутой;

Как мы вступали за черту,
Где труд иной нам был назначен, —
Все, все у мира на счету,
И счет доныне не оплачен.

Мы так простились с мирным днем,
И нам в огне страды убойной
От горькой памяти о нем
Четыре года было больно.

Нам так же больно и теперь,
Когда опять наш день в расцвете,
Всей болью горестных потерь,
Что не вернуть ничем на свете.

У нас в сердцах она жива,
И довоенной нашей были
Мы даже в пору торжества
Не разлюбили, не забыли...

Не отступили ни на пядь
От нашей заповеди мира:
Не даст солгать вдова иль мать,
Чьи души горе надломило.

Наш гордый подвиг в дни войны,
Живых и павших братьев слава,
И все, в чем мы воплощены, —
На мир святое наше право.

Могучей сталинской семье,
Нам враг — кто б ни был он — не страшен.
Гвардейцы мира на земле,
У мира мы стоим на страже.

Во имя счастья всех людей
Полны мы воли непреклонной —
В годах, в веках сберечь наш день,
Наш мирный день, июнь зеленый.

1950

О СТАЛИНЕ

I

Когда свое он произносит слово,
Нам всякий раз сдается, что оно
И нашей мыслью было рождено
И вот уж было вылиться готово.

Нам в ту минуту как бы невдомек,
В невиннейшем из наших заблуждений,
Что только он, при нас живущий гений,
Открыть и молвить это слово мог.

Но заблужденье ль это в самом деле?
Ведь слово нашей правды без прикрас
Мы высказать поистине хотели,
Мы вместе с ним. А он — один из нас.

И в том твое доподлинное счастье,
Что, может, рядовой из рядовых,
Ты сталинскому гению причастен
И ты в веках — живой среди живых.

II

Таких, как я, на свете большинство,
Что не встречались с ним в кремлевском зале,
В глаза вблизи не видели его
И голоса в натуре не слыхали.

Но всем, наверно, так же как и мне,
Он близок равной близостью душевной,
Как будто он с тобой наедине
Беседует о жизни ежедневно,
О будущем, о мире и войне...

И все тебе, как у родного, в нем
До мелочи привычно и знакомо.
И та беседа длится день за днем —
Он у тебя, ты у него как дома.
Что б ни было, а вы всегда вдвоем.

И так любой иной из большинства
Себя в высоком видит том Совете.
У нас у всех на то равны права, —
Он и живет для нас на этом свете.

III

Черты портрета дорогого
Родные каждому из нас:
Лицо солдата пожилого
С улыбкой доброй строгих глаз.
Из тех солдат, что приходили
В огонь войны из запасных,
Что сыновей в бои водили
И в горький час теряли их.
И долгой службы отпечаток —
Морщинок памятная речь
Под стать усталости покатых,
Отцовских этих, милых плеч.
Но те, смягченные печалью,
Глаза всегда освещены
И ближним днем и дальней далью,
Что лучше всех ему видны.

IV

Глаза, опущенные к трубке,
Знакомой людям всей земли.
И эти занятые руки,
Что спичку с трубкою свели.

Они крепки и сухощавы,
И строгой жилки вьется нить.
В нелегкий век судьбу державы
И мира им пришлось вершить.

Усов повиснувшею тенью
Лицо внизу притемнено.
Какое слово на мгновенье
Под ней от нас утаено?

Совет? Наказ? Упрек тяжелый?
Неодобренья строгий тон?
Иль с шуткой мудрой и веселой
Сейчас глаза поднимет он?

1950—1952

ИХ ПАМЯТИ

I

Живым — живое в этой жизни краткой,
Но каждый в вечность уходящий час,
Но каждый камень нашей мирной кладки,
Но каждый колос, что растет для нас
И зреет на полях необозримых,
Но каждый отзвук радиоволны —
Все память о товарищах родимых,
Когда-то не вернувшихся с войны.
Расставшись, мы не стали им чужими
Среди забот и новых дел своих.
Но если б мы одной лишь скорбью жили,
Мы были б нынче недостойны их.

II

Он пал за мир — так сказано о нем,
Так мы тебя о сыне извещали.
Мы жизнью нашей, нашим светлым днем
Твоей святой обязаны печали.

И мы всегда в долгу перед тобой, —
Коль не страдаем памятью короткой, —
Перед тобой, перед его вдовой
И перед каждой долею сиротской.

И мы тебя с волненьем узнаем
На торжествах и в мирном ходе буден.
Вот мать того, кто пал в бою с врагом
За жизнь, за нас. Снимите шапки, люди!

III

Проходит срок и боли и кручине,
И ты уже за жизнью трудовой,
За вдовьей думой о семье, о сыне
Не ждешь вестей от почты полевой.

Но так же, как и в горькую годину,
Мы славим подвиг павшего в бою.
А подвиг тот — он твой наполовину,
Ты половину вынесла свою.

Ты рядом шла, сражалась вместе с нами,
А ныне с нами ты в строю, вдова.
Священная годов минувших память
Да будет в новом подвиге жива!

1949—1951

СЫНУ ПОГИБШЕГО ВОИНА

Солдатский сын, что вырос без отца
И раньше срока возмужал заметно,
Ты памятью героя и отца
Не отлучен от радостей заветных.

Запрета он тебе не положил
Своим посмертным образом суровым
На то, чем сам живой с отрадой жил,
Что всех живых зовет влекущим зовом...

Но если ты, случится как-нибудь,
По глупости, по молодости ранней
Решишь податься на постыдный путь,
Забыв о чести, долге и призванье:

Товарища в беде не поддержать,
Во чье-то горе обратить забаву,
В труде схитрить, солгать, обидеть мать,
С недобрым другом поравняться славой, —

То прежде ты — завет тебе один —
Ты только вспомни, мальчик, чей ты сын.

1949—1951

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

На новых землях, в стороне, открытой
Для счастья людям, долго жизнь трудна.
И кажется она им необжитой.
И помнится иная сторона.

И нужен срок, чтоб здесь окорениться,
Чтоб жизнь иною памятью облечь,
И новым детям нужно здесь родиться,
И должно дедам в эту землю лечь...

Мы на себя по доброй воле взяли
Тот самый трудный новоселья срок,
Что все вмещает беды и печали
И радости нехоженых дорог.

Земле своей мы посвятили годы
Труда, терпенья, и давным-давно
Ее сады, поля, дворцы, заводы
И все, что нами здесь возведено,

И все, чему мы отдавали силы,
Чтоб устоять и победить на ней,
И наших братьев и отцов могилы —
Ее бойцов, ее богатырей —

Навек сроднили нас с землею нашей.
И мы ей служим, чтоб и после нас
Ей все цвести зазывнее и краше,
Чтоб свет ее для мира не погас,

Чтоб, добытый в борьбе, в труде суровом,
Тот свет светил вперед на много лет
И чтоб за нами поселенцам новым
Не все сначала повторять вослед.

1951

ЖЕСТОКАЯ ПАМЯТЬ

Повеет в лицо, как бывало,
Соснового леса жарой,
Травою, в прокосах обвялой,
Землей из-под луга сырой.

А снизу, от сонной речушки,
Из зарослей — вдруг в тишине —
Послышится голос кукушки,
Грустящей уже о весне.

Июньское свежее лето,
Любимая с детства пора.
Как будто я встал до рассвета,
Скотину погнал со двора.

Я все это явственно помню:
Росы ключевой холодок,
И утро, и ранние полдни —
Пастушеской радости срок,

И солнце, пекущее спину,
Клонящее в сон до беды,
И оводов звон, что скотину
Вгоняют, как в воду, в кусты,

И вкус горьковато-медовый, —
Забава ребячьей поры, —
С облупленной палки лозовой
Душистой, прохладной мездры.

И все это юное лето,
Как след на росистом лугу,
Я вижу. Но памятью этой
Одною вздохнуть не могу.

Мне память иная подробно
Свои предъявляет права.
Опять маскировкой окопной
Обвялая пахнет трава.

И запах томительно тонок,
Как в детстве далеком моем,
Но с дымом горячих воронок
Он был перемешан потом,

С угарною пылью похода
И солью солдатской спины.
Июль сорок первого года,
Кипящее лето войны!

От самой черты пограничной —
Сражений грохочущий вал.
Там детство и юность вторично
Я в жизни моей потерял.

Утратил я память июня,
Заветную память мою.
А сверстник и детство, и юность,
И все остальное — в бою.

Тружусь, и живу, и старею,
И жизнь до конца дорога,
Но с радостью прежней не смею
Смотреть на поля и луга,

Росу обивать молодую
На стежке, заметной едва.
Куда ни взгляну, ни пойду я —
Жестокая память жива.

И памятью той, вероятно,
Душа моя будет больна,
Покамест бедой невозвратной
Не станет для мира война.

1951

ЗА ОЗЕРОМ

За озером долго играла гармонь,
Как будто бы жалуясь кротко
На то, что еще неохота домой,
Что рано уснула слободка.

Там юность грустила, собою полна,
Своей непочатою силой,
Зеленая юность, чье детство война
Огнем на корню опалила, —

Та юность, которой, казалось, не быть,
А вот она к сроку настала,
Чтоб жить и желать, и дерзать, и любить,
И все — начиная сначала.

Та самая юность грустила. И — пусть,
Завидная, в сущности, доля,
Когда эта сладкая, краткая грусть
За сердце берет молодое.

Завидная доля — на том берегу,
С улыбкой ко всем благодарной,
Устав танцевать на дощатом кругу,
Сидеть на скамейках попарно,

Попарно бродить в предрассветном дыму
За озером в парке старинном.
А грустно, по правде, лишь мне одному
И то — по особым причинам.

1951

* * *

Весенний, утренний, тоненький
Ледок натянуло сеткой,
Но каплет с каждой соломинки,
С каждой ветки.

Поет по-зимнему улица,
Но свету — что летним днем.
И, как говорится, курица
Уже напилась под окном.

И звонкую, хрупкую,
Набравшись силы в ночи,
Чуть солнце — уже скорлупку
Проклюнули ручьи.

Весна сугробы подвинула,
Плотнее к земле примяв.
И зелень коры осиновой —
Предвестье зелени трав.

Апрельским ветром подунуло,
Запахли водой снега.
И дело свое задумала
Река, упершись в берега.

Ей грезится даль раздольная,
Ее минута близка...
Грохочет крылечко школьное,
Едва дождавшись звонка.

Давай начинай, разламывай
Натоптанный лед рябой...

А что, если снова заново,
С начала самого
Начать нам жить с тобой?..

1951

ПРИЗНАНИЕ

Я не пишу давно ни строчки
Про малый срок весны любой;
Про тот листок из зимней почки,
Что вдруг живет, полуслепой;

Про дым и пух цветенья краткий,
Про тот всегда нежданный день,
Когда отметишь без оглядки,
Что отошла уже сирень;

Не говорю в стихах ни слова
Про беглый век земных красот,
Про запах сена молодого,
Что дождик мимо пронесет,

Пройдясь по скошенному лугу;
Про пенье петушков-цыплят,
Про журавлей, что скоро к югу
Над нашим летом пролетят;

Про цвет рябиновый заката,
Про то, что мир мне все больней,
Прекрасный и невиноватый
В утрате собственной моей;

Что доля мне теперь иная,
Иной, чем в юности, удел, —
Не говорю, не сочиняю.
Должно быть — что ж? — помолодел!

Недаром чьими-то устами
Уж было сказано давно
О том, что молодость с годами
Приходит. То-то и оно.

1951

О ПРОПИСКЕ

По всему Советскому Союзу,
Только б та задача по плечу,
Я мою уживчивую Музу
Прописать на жительство хочу.

Чтобы мне не ведать той печали,
Как ответят у любых ворот:

— Нет, не проживает. Не слыхали.
Номер дома, может быть, не тот.

Чтоб везде по селам и столицам
Отвечали на вопрос о ней:
— Как же, есть. Давнишняя жилица. —
И улыбки были б у людей.

Чтоб глаза у стариков яснели,
Чтобы к слову вставил не один:
— Мы еще на фронте были с нею,
Вместе помним Вязьму и Берлин.

Чтоб детишки из любого дома,
Если к ним случайно обращусь,
Говорили б:
— Как же, мы знакомы
И немножко знаем наизусть.

Чтобы не с почтеньем, а с любовью
Отзывалось каждое жилье:
— Здесь она. На доброе здоровье
Здесь живет. А как же без нее?

Вот тогда, как отзыв тот желанный
Прозвучит о ней, моей родной,
Я и сам пропиской постоянной
Обеспечен буду под луной.

1951

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Что-то я начал болеть о порядке
В пыльном, лежалом хозяйстве стола:
Лишнее рву, а иное в тетрадки
Переношу, подшиваю в «дела».

Что ж, или все уж подходит к итогу
И затруднять я друзей не хочу?
Или опять я собрался в дорогу,
Выбрал маршрут, но покамест молчу?

Или гадаю, вступив на развилок:
Где меня ждет озаренье и свет
Радости той, что, быть может, я в силах
Вам принести, а быть может, и нет?..

Все я приму поученья, внушенья,
Все наставленья в дорогу возьму.
Только за мной остается решенье,
Что не принять за меня никому.

Я его принял с волненьем безвестным
И на себя, что ни будет, беру.
Дайте расчистить рабочее место
С толком, с любовью — и сразу к перу.

Но за работой, упорной, бессрочной,
Я моей главной нужды не таю:
Будьте со мною хотя бы заочно.
Верьте со мною в удачу мою.

1951

О ЮНОСТИ

Мы знаем грядущему цену
И знаем, что юность права
Не как молодая трава,
Что старой приходит на смену,
Чтоб также отжить до зимы.

Нет, юность с другою задачей
В наш след заступает горячий,
В то дело, что начали мы,
К заветной направившись цели.

Дано ей на том же пути
За нами, но дальше итти,
Исполнить, что мы не успели,
И вспомнить, возможно, о нас
С вершины иных пятилеток —
О наших героях, поэтах,
Министрах — с улыбкой подчас.

Но пусть она, юность родная,
Поднявшись стремительно ввысь,
Не вздумает там занестись,
Отметки отцам выставляя.

Нет, пусть она в душу возьмет,
Что в славе ее безграничной
Мы все же повинны частично
И знали о ней наперед.

И знали о ней и мечтали,
Когда еще были юнцы,
А ранее — наши отцы
Смотрели в те самые дали.

И, подвиг свершая один
За времени навесью дымной,
Без нас они брали свой Зимний,
А мы еще с ними — Берлин.

Ей, юности, тоже известно,
Что мы без нее для Земли
Урало-Кузбасс возвели,
А Волгу впрягаем совместно.

И пусть еще юность учтет,
Что следом за нею иная,
Грядущая юность идет,
Ее на работе сменяя,
Неся назначенье свое.

А нам — так и той не завидно,
А нам и ее уже видно —
И мы не старее ее.

1951

О ВЕСТЯХ ИЗ НОРВЕГИИ

В этой северной горной стране,
По дороге от аэродрома,
Было многое попросту мне
С первой встречи до боли знакомо...

Я бы раньше представить не мог,
Что увижу, попав на чужбину,
Этот мокрый еловый лесок
И подлесок — ветлу и рябину,

И зеленую щетку травы,
Той младенчески свежей, трехдневной,
Что увидишь весной у Москвы
И любой среднерусской деревни.

Точно я уже некогда был
В этом сроду невиданном крае,
Точно я его знал и забыл.
И, увидев теперь, вспоминаю.

И в новинку у этой земли
Моему представлялися взору
Только горы, что в море зашли,
Или море, что врезалось в горы.

Но и горы и эта вода,
Что синела по диким теснинам,
Не казались мне чужды тогда,
Может быть, по особым причинам...

Мать-Отчизна, до края души
Полон чувством, щемящим и гордым,
В чужедальной скалистой глуши,
Над безвестным каким-то фиордом,

На могилах твоих сыновей,
Притаив подступившие слезы,
Я увидел венки из ветвей
Чуть раскрывшей листочки березы.

Мне сказали, что принято так.
Что такие венки приносили
Как особый, как избранный знак
Благодарного чувства к России...

Видел я: приходили туда
В жестких куртках и обуви грубой

Молчаливые люди труда —
Моряки, рыбаки, лесорубы.

Приходили их жены толпой,
Старики и с учителем дети.
А с великой любовью какой
Были убраны холмики эти!

Был подобран, уложен в ряду
Возле кладбища добытый камень,
Чтобы вывести нашу звезду,
Серп и молот своими руками.

Это делал признательный друг,
Оставаясь для нас безымянным.
Это подписью было тех рук
Под Воззваньем о мире желанном.

И легко ли, о Родина-мать,
Если сердце доступно для боли,
Те могилы теперь вспоминать,
Те цветы и венки!

И легко ли
Матерям, потерявшим детей,
Похороненных там, на чужбине,
Слышать дикую правду вестей,
Что оттуда доносятся ныне!..

Прах погибших героев киркой
Потревожен и вырыт казенной.
Оскорблен их священный покой,
Славой, смертью самой огражденный,

Не лежать им отныне в земле,
За которую пали солдаты.
На жандармском глухом корабле
Их поспешно увозят куда-то,

Чтоб зарыть в недоступной дали,
Чтоб развеять народную память,
Чтобы дети уже не могли
Приходить к их могилам с цветами;

Чтоб забылась их слава бойцов
За свободу и мир для народа,
Чтоб ее запереть на засов
И не дать ей в Норвегии хода;

Чтоб сомкнулась навеки над ней
Тишина островная бесследная...
Но сильнее живущих властей
Мертвых воинов слава бессмертная.

Нет, со славой такой не шути —
Даром замысел будет постыдный.
На каком корабле увезти,
На какой ее остров пустынный!

Все труды и хлопоты не впрок,
Тут не более будет успеха,
Чем в попытке упрятать в мешок
Перекатное горное эхо...

Но указка хозяев — закон,
Холуям его строгость знакома.
И на рейде союзный линкор
Пребывает, красуясь, как дома.

Что ж, спешите могилы сровнять,
Утоптать этот щебень шершавый,
Чтоб удобнее было взлетать
Самолетам известной державы.

Управляйтесь с ночною своей
Работенкой, предписанной свыше,
Ни своих, ни чужих матерей
Не щадите — пусть видят и слышат.

Обмануть не старайтесь детей
Ветхой ложью в свое оправданье, —
Так и так поколенья людей
Назовут вас по имени: дрянью.

Это слово для вас приговор,
Сохраняющий силу навеки,
За неслыханный горький позор
Старой бедной Норвегии...

1951

ПЕСНЬ О МОСКВЕ

В дорогу, в полет и плаванье
Собравшись на срок любой,
Москву, как самое главное,
Беру целиком с собой.

И нынешнюю и древнюю,
Что нам пришлась ко двору,
Рабочую, ежедневную
И праздничную беру.

Со старой и новой славою
Беру ее, не деля,
С ее соборными главами
И звездами Кремля.

Вселикую и всечасную —
В мороз ли, в дождь иль жару —
Беру ее с площадью Красною
И Красной Пресней беру.

С ее девичьей Трехгоркою,
С Садовым ее кольцом,
С бессонной улицей Горького
И с Пушкиным — к ней лицом.

С подземными магистралями,
Гудящими, как струна.
Большую — с заводом Сталина
И малую — в три окна.

С мостами, дворцами, парками,
Садами, рынками в ней,

Со всеми ее подарками,
Новинками мирных дней.

С ее высотными зданьями,
Поющими на ветру.
С рекой того же названия
И с морем ее беру.

С каждой ее заставою
И пригородом любым —
Беру по высшему праву я,
Что счастьем зову своим.

Нет, я не пропискою
Извечной сроднился с ней.
Столица — дело не близкое —
Была у судьбы моей.

Нет, я из тех, что смолоду
В далеких отчих местах
Мечтали у этого города
Хотя б побывать в гостях.

И даже, сказать по совести,
Из тех заявившись мест,
Дичились Москвы по новости,
Хоть знали: своя, не съест...

И до сих пор попрежнему —
В торжественной новизне —
Москва, как новоприезжему,
Нет-нет и явится мне.

Как будто дорога дальняя
Ушла из-под ног едва:
Вот площадь тебе вокзальная,
И — здравствуй, город Москва!

Я в годы мои зеленые
Вступил на ее порог,
Но это чувство смущенное
Доныне в душе сберег...

Не помню, в каком я возрасте
Впервые, как все слова,
В моей захолустной волости
Услышал слово — Москва.

Москва — не древнедержавная,
Что где-то в веках взялась,
А эта, своя, где главная
Живет Советская власть.

Москва, моя мать приемная,
С тех пор и до наших дней
Уже без тебя не помню я
Себя и судьбы своей.

Ты в детство мое уставила
Солдатский перст со стены,
С плаката взывая старого
Времен гражданской войны.

Шубенку надев нагольную,
С обломком карандаша
Над партой стояла школьною,
Морозным паром дыша.

Великого вестник времени,
И в нашем глухом селе
Ты речи вела о Ленине,
Что жил у тебя в Кремле.

Несла свое слово вещее
В тот отчий край горевой
Дорогой конной и пешею,
Попутной людской молвой...

Как будто совсем недальнее,
Как будто — рукой подать
То время мое начальное,
Ребячьих стихов тетрадь.

Но сколько годов отпрянуло,
Но сколько в мире с тех пор
Громов небывалых грянуло,
Подвинулось с места гор!..

Меж той страничкой заглавною
И нынешней — наугад —
Часть века вместилась, равная
Векам, поставленным в ряд...

Куда там — молодо-зелено,
Не прежний у сердца пыл,
А все ли, что долгом велено,
Исполнено в меру сил?

Чтоб мог без зазренья ныне я,
Москва, наставница-мать,
От твоего имени
Слово к людям держать.

Хоть слово еще не сказано,
Но верю — скажу, смогу,
Мечтою тебе обязанный
И весь у тебя в долгу...

В дорогу — к чему мне лишнее, —
Собравшись на срок любой,
Москву, как самое личное,
Беру целиком с собой.

Со всею красой безмерною,
Величьем мирных работ
И с памятью сорок первого,
Что был у ее ворот...

Со всеми гордыми датами
Побед на пути большом,
Со всеми ее утратами,
Что в сердце ношу своем,

40-2

Со всеми счастья минутами,
Которым забвенья нет,
Со всеми ее салютами
Былых и грядущих лет.

Беру целиком. И еду я
На запад ли, на восток,
Я чую, за мною следуя,
Течет ее ровный ток.

За всеми страны пространствами —
Единый закон родства:
Любая малая станция —
Она про себя Москва.

Какая ни есть особая
Краина земли родной,
По образу и подобию
Живет одному с Москвой...

И пусть себе так, я думаю,
Что в странах иных молва
Державу мою, страну мою
Обычно зовет: Москва.

Москва — вот книга открытая,
Что правдой в мире сильна.
Весь мир у нее под защитою,
У мира всего — она...

Довольно той славы убыло,
Какою кичится враг,
Но славен дворцового купола
Кремлевский красный флаг.

Та слава Лениным ставлена,
Вовеки она жива,
Как дело его и Сталина,
Как имя твое, Москва.

1952

5 МАРТА 1953 года

В этот час величайшей печали
Я тех слов не найду,
Чтоб они до конца выражали
Всенародную нашу беду,

Всенародную нашу потерю,
О которой мы плачем сейчас, —
Но я в Партию верю, —
В ней опора для нас.

У ВЕЛИКОЙ МОГИЛЫ

...И лежат они рядом
В тиши величавой гробницы,
У Кремлевской стены,
Посреди неумолчной столицы.

Неподвижны навек
Их не знавшие устали руки...
Снова вместе они,
Да они и не знали разлуки.

Ленин-вождь опочил,
Сталин нес его знамя.
Всюду оба они
Нас вели, были с нами:

На колхозных полях,
В городах, на заводах,
В нашем мирном труде,
На фронтах и в походах.

Жили в наших сердцах,
Как единое имя.
И навеки для нас
Остаются живыми.

И народы земли
Чтут их память, не веря —
Как тогда, так и ныне —
Ни той и ни этой потере.

С нами оба они —
И за той и за этою датой —
Два великих вождя,
Два великих солдата.

И знамена склонив
У священной могилы,
В самой скорби своей
Обретаем мы силы

Для того, чтоб итти
К светлой избранной цели.
Как они нас вели,
Как они нам велели.

А велели они —
Как тогда, так и ныне —
Не поддаться беде,
Не поникнуть в унынье.

А велели они —
Неуклонно и смело
Продолжать на земле
Наше правое дело.

И велели в пути
Быть сплоченными тесно
Ради счастья людей,
Ради цели чудесной...

Одного только, здесь
Нас на свете оставив,
Нам велеть не могли
Даже Ленин и Сталин.

Не смогли завещать
Той могучею волей,

Чтобы память о них
Нам не стоила боли.

Чтобы слезы в глазах
Нам сдержать без усилий
Всякий раз, подходя
К их безмолвной могиле.

Чтобы в радостный день
Не вздохнуть затаенно:
Вот бы встать им, родным,
Видеть подвиг свершенный.

Нет, того не смогли
Даже Ленин и Сталин,
Потому что людьми
Нас большими считали.

Потому что всю жизнь
До конца, до исхода
Жили верою в нас,
В разум, в силы народа...

...Поклянися же здесь,
Поклянись им обоим,
Что сумеешь ты быть
Этой веры достоин!

П О Э М Ы

Постановлением Совета Министров Союза ССР
от 26 января 1946 года
Твардовскому
Александру Трифоновичу
присуждена Сталинская премия первой степени
за поэму «Василий Теркин».
Постановлениями Совета Народных Комиссаров
Союза ССР от 15 марта 1941 года и Совета
Министров Союза ССР от 7 июня 1947 года
присуждены Сталинские премии второй степени
за поэмы «Страна Муравия» и «Дом у дороги».

СТРАНА МУРАВИЯ

Глава 1

С утра на полдень едет он,
Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон
И сверху — облака.

Тоскуя о родном тепле,
Цепочкою вдали
Летят, — а что тут, на земле,
Не знают, журавли...

У перевоза стук колес,
Сбой, гомон, топот ног.
Идет народ, ползет обоз,
Старик паромщик взмок.

Паром скрипит, канат трещит,
Народ стоит бочком.
Уполномоченный спешит
И баба с сундучком.

Паром идет, как карусель,
Кружась от быстрины.
Гармошку плотничья артель
Везет на край страны...

Гудят над полем провода,
Столбы вперед бегут.
Гремят по рельсам поезда,
И воды вдаль текут.

И шапки пены снеговой
Белеют у кустов,
И пахнет смолкой молодой
Березовый листок.

И в мире — тысячи путей
И тысячи дорог.
И едет, едет по своей
Никита Моргунок.

Бредет в оглоблях серый конь,
Под расписной дугой,
И крепко стянута супонь
Хозяйскою рукой.

Дегтярку сзади привязал,
Засунул кнут у ног,
Как будто в город, на базар,
Собрался Моргунок.

Умытый в бане, наряжен
В пиджак и сапоги,
Как будто в гости едет он,
К родне на пироги.

И двор — далеко за спиной,
Бегут вперед столбы.
Ни хаты не видать родной,
Ни крыши, ни трубы...

По ветру тянется дымок
С ольхового куста.
— Прощайте, — машет Моргунок, —
Отцовские места!..

Глава 2

Из-за горы навстречу шло
Золотоглавое село.

Здесь проходил, как говорят,
В Москву Наполеон.
Здесь тридцать восемь лет назад
Никита был крещен.

Здесь бухали колокола
На двадцать деревень,
Престол и ярмарка была
В зеленый Духов день.

И первым был из всех дворов
Двор — к большаку лицом,
И вывеска «Илья Бугров»
Синела над крыльцом...

Никита ехал прямиком.
И вдруг — среди села —
Не то базар, не то погром, —
Веселые дела!

Народ гуляет под гармонь,
Оглобель — лес густой,
Коней завидя, сбился конь...
Выходят люди:
— Стой!..

— Стой, нет пощады никому,
И честь для всех одна:
Гуляй на свадьбе, потому —
Последняя она...

Кто за рукав,
Кто за полу, —
Ведут Никиту
В дом, к столу.

Ввели и — чарку — стук ему!
И не дыши — до дна!
— Гуляй на свадьбе, потому —
Последняя она...

И лез хозяин через стол:
— Моя хата —
Мой простор.
Становись, сынок, на лавку,
Пей, гуляй,
Справляй престол!..

Веселитесь, пейте, люди,
Все одно:
Что в бутылке,
Что на блюде —
Чье оно?

Чья скотинка?
Чей амбар?
Чей на полке
Самовар?..

За столом, как в бане, тесно,
Моргунок стирает пот.
Где жених тут, где невеста,
Где тут свадьба? — Не поймет.

А хозяин без заминки
Наливает по другой.
— Тут и свадьба и поминки —
Все на свете, дорогой.

С неохотой, еле-еле
Выпил чарку Моргунок.
Гости ели, пили, пели,
Говорили, кто что мог...

— Что за по̀мин?
— Помин общий.
— Кто гуляет?

— Кулаки!
Поминаем душ усопших,
Что пошли на Соловки.

— Будет нам пить,
Будет дурить...

— Исус Христос
Чудеса творил...

— А кто платил,
Когда я да не платил?..

— Отчего ты, божья птичка,
Хлебных зерен не клюешь?
Отчего ты, невеличка,
Звонких песен не поешь?

Отвечает эта птичка:
— Жить я в клетке не хочу.
Отворите мне темницу,
Я на волю полечу...

— Будет нам пить,
Будет дурить!

Пора бы нам одуматься,
Пойти домой, задуматься:
Что завтра пропить?

— Исус Христос
По воде ходил...

— А кто платил,
Когда я не платил?
За каждый стог,
Что в поле метал,
За каждый рог,
Что в хлеву держал,
За каждый воз,
Что с поля привез,
За собачий хвост,

За кошачий хвост,
За тень от избы,
За дым от трубы,
За счет и за мрак,
И за просто, и за так...

Знаем! Сам ты не дурак,
Хлеб-то в воду ночью свез:
Мол, ни мне, ни псу под хвост.
Знаем! Сами не глупей.
Пей да ешь, ешь да пей!

— Сорок лет тому назад
Жил да был один солдат.
Тут как раз холера шла.
В день катала полсела.
Изо всех один солдат
Жив остался, говорят.
Пил да ел, как богатырь,
И по всем читал псалтырь,
Водку в миску наливал,
Делал тюрьку и хлебал.
Все погибли, а солдат
Тем и спасся, говорят.

— Трулля-трулля-трулля-ши!..
Пропил батька лемеши.
А сынок —
Топорок,
А дочушка —
Гребенек,
А матушка,
Того роду,
Пропила
Сковороду.
Па-алезла под печь:
«Сынок, блинов нечем печь...»

— Все кричат, а я молчу:
Все одно — безделье.
А Илье-то Кузьмичу —
Слезки, не веселье...

— Подноси, вытаскивай,
Угощенье ставь!

— До чего он ласковый,
Добродушный стал.

Дескать, мы ж друзья-дружки,
Старые соседи.
Мол, со мной на Соловки
Все село поедет...

— Слышь, хозяин, не жалей
Божью птичку в клетке.
Заливай, пои гостей,
Дыхай напоследки!..

Загудели гости смутно,
Встал, шатаясь, Моргунок,
Будто пьян, на воздух будто,
Потихоньку — за порог.

Над дорогой пыль висела,
Не стихал собачий лай.
Ругань, песни...

— Трогай, Серый,
Где-нибудь да будет край...

Глава 3

Далеко стихнуло село,
И кнут остыл в руке.
И синевой заволокло,
Замглилось вдалеке.

И раскидало конский хвост
Внезапным ветерком.
И глухо, как огромный мост,
Простукал где-то гром.

И дождь поспешный, молодой
Закапал невпопад.
Запахло летнею водой,
Землей, как год назад...

И по-ребячьи Моргунок
Вдруг протянул ладонь.
И, голову склонивши вбок,
Был строг и грустен конь.

То конь был — нет таких коней!
Не конь, а человек.
Бывало, свадьбу за пять дней
Почует, роет снег.

Земля, семья, изба и печь
И каждый гвоздь в стене,
Портянки с ног, рубаха с плеч —
Держались на коне.

Как руку правую, коня,
Как глаз во лбу, берег
От вора, мора и огня
Никита Моргунок.

И в ночь, как съехать со двора,
С конем был разговор,
Что все равно не ждать добра,
Что без коня — не двор,
Что вместе жили столько лет,
Что восемь бед — один ответ.

А конь дорогою одной
Везет себе вперед.
Над потемневшею спиной
Белесый пар идет.

Дождь перешел. Следы копыт
Наполнены водой.
Кривая радуга висит
Над самою дугой...

День на исходе. Моргунку
Заехать нужно к свояку:
Остановиться на ночлег,
Проститься как-никак.

Душевной жизни человек
Был моргунков свояк.

Дружили смолоду, с тех пор,
Как взяли замуж двух сестер.

Дружили двадцать лет они,
До первых до седин,
И песни нравились одни,
И разговор один...

Хозяин грустный гостю рад,
Встречает у ворот:
— Спасибо, брат. Уважил, брат. —
И на крыльцо ведет.

— Перед тобой душой открыт,
Друг первый и свояк:
Весна идет, земля горит, —
Решаться или как?..

А Моргунок ему в ответ:
— Друг первый и свояк!
Не весь в окошке белый свет,
Я полагаю так...

Но тот Никите говорит:
— А как же быть, свояк?
Весна идет, земля горит,
Бросать нельзя никак.

Сидят, как прежде за столом,
И смолкли. Каждый о своем.

Забились дети по углам.
Хозяйка подает
С пчелиным «хлебом» пополам
В помятых сотах мед.

По чарке выпили. Сидят,
Как год, и два, и три назад.
Сидят невесело вдвоем,
Не поднимают глаз.
— Ну что ж, споем?..
— Давай споем.
В последний, может, раз...

Дружили двадцать лет они,
До первых до седин,
И песни нравились одни,
И разговор один...

Посоловелые слегка,
На стол облокотясь,
Сидят, поют два мужика
В последний, значит, раз...

О чем поют? — рука к щеке,
Забылись глубоко. —
О Волге ль матушке-реке,
Что где-то далеко?..
О той ли доле бедняка,
Что в рудники вела?..
О той ли жизни, что горька,
А все-таки мила?..

О чем поют, ведя рукой
И не скрывая слез?
О той ли девице, какой
Любить не довелось?..

А может, просто за столом
У свояка в избе
Поет Никита о своем
И плачет о себе.

У батьки, у матки
Родился Никита.
В церковной сторожке
Крестился Никита.

Семнадцати лет
Оженился Никита.
На хутор пошел,
Отделился Никита.

— В колхоз не желаю, —
Бодрился Никита,
До синего дыму
Напился Никита.

Семейство покинуть
Решился Никита...
Куда ж ты поехал,
Никита, Никита?

Глава 4

От деда слышал Моргунок —
Назначен срок всему:
Здоровью — срок, удаче — срок,
Богатству и уму.

Бывало скажет в рифму дед,
Руками разведи:
— Как в двадцать лет
Силенки нет, —
Не будет, и не жди.

— Как в тридцать лет
Рассудка нет, —
Не будет, та̀к ходи.
— Как в сорок лет
Зажитка нет, —
Так дальше не гляди...

Сам Моргунок, как все, сперва
Не верил в дедовы слова.

Хватился — где там двадцать лет! —
А богатырской силы нет.

И, может быть, была б она,
Когда б харчи да не война.

Глядит, приходят тридцать лет.
Ума большого тоже нет.
А был бы ум, так по уму —
Богатство было бы ему.

Глядит, и скоро — сорок лет,
Богатства нет, зажитка нет:
Чтоб хлебу на год вволю быть,
За сало салу заходить,

Чтоб быть с Бугровым запросто,
Всего того опричь:
«Здоров, Никита Федорыч!..» —
«Здоров, Илья Кузьмич!..»

А угостить, — так дым трубой,
Что хочешь ешь и пей!
Чтоб рядом он сидел с тобой
На лавке на твоей,

Чтоб толковать о том, о сем,
Зажмурясь песни петь,
Под ручку чтоб, да с ним вдвоем
Пойти хлеба смотреть...

И предсказанью скоро срок,
А жил не громко Моргунок.

Был Моргунок не так умен,
Не так хитер и смел,
Но полагал, что крепко он
Знал то, чего хотел...

Ведет дорога длинная
Туда, где быть должна
Муравия, старинная
Муравская страна.

И в стороне далекой той —
Знал точно Моргунок —
Стоит на горочке крутой,
Как кустик, хуторок.

Земля в длину и в ширину
Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та — твоя.

И никого не спрашивай,
Себя лишь уважай.
Косить пошел — покашивай,
Поехал — поезжай.

И все твое перед тобой,
Ходи себе, поплевывай.
Колодец твой, и ельник твой,
И шишки все еловые.

Весь год — и летом и зимой —
Ныряют утки в озере.
И никакой, — ни боже мой, —
Коммунии, колхозии!..

И всем крестьянским правилам
Муравия верна.
Муравия, Муравия!
Хо-рошая страна!..

И едет, едет, едет он,
Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон
И сверху — облака.

По склонам шубою взялись
Густые зеленя,
И у березы полный лист
Раскрылся за два дня,

И розоватой пеной сок
Течет со свежих пней.
Чем дальше едет Моргунок,
Тем поле зеленей.

И день по-летнему горяч,
Конь звякает уздой.
Вдали взлетает грузный грач
Над первой бороздой.

Пласты ложатся поперек
Затравеневших меж.
Земля крошится, как пирог, —
Хоть подбирай и ешь.

И над полями голубой
Весенний пар встает.
И трактор водит за собой
Толпу, как хоровод.

Белеют на поле мешки
С подвезенным зерном.
И старики-посевщики
Становятся рядком.

Молитву, речь ли говорят
У поднятой земли.
И вот, откинувшись назад,
Пошли, пошли, пошли...

За плугом плуг проходит вслед,
Вдоль — из конца в конец.
— Тпру, конь!.. Колхозники, ай нет?..
— Колхозники, отец...

Чуть веет вешний ветерок,
Листвою шевеля.
Чем дальше едет Моргунок,
Тем радостней земля.

Земля!
От влаги снеговой
Она еще свежа.
Она бродит сама собой
И дышит, как дежа.

Земля!
Она бежит, бежит
На тыщи верст вперед.
Над нею жаворонок дрожит
И про нее поет.

Земля!
Все краше и видней
Она вокруг лежит.
И лучше счастья нет, на ней
До самой смерти жить.

Земля!
На запад, на восток,
На север и на юг...
Припал бы, обнял Моргунок,
Да не хватает рук...

В пути проходит новый день.
Конь перепал и взмок.
Уже ни сел, ни деревень
Не знает Моргунок...

Глава 5

Большаком, по правой бровке,
Направляясь на восход,
Подпоясанный бечевкой
Шел занятный пешеход.

Добела забиты пылью
Сапожонки на плечах,
И лопатки, точно крылья,
Под подрясником торчат.

Из сапог глядят онучки,
За спиной гремит ларец...
— А, видать, тебя до ручки
Раскулачили, отец?..

Слово за слово. О боге
Речь заводит Моргунок.
Отпрягают у дороги,
Забираются в тенек.

— Эх, да по такой погоде
Зря ты ходишь-бродишь, поп.
Собирал бы дань в приходе,
Пчел глядел бы, сено греб...

— Где ж приход? Приходов нету.
Нету службы, нету треб.
Расползлись попы по свету,
На другой осели хлеб.

Тот на должности на писчей,
Тот иной нашел приют.
Ничего, довольны пищей.
Стихли, сникли и живут.

Ну, а я... Иду дорогой.
Не тяжел привычный труд:
Есть кой-где, что верят в бога.
Нет попа,
А я и тут.

Там жених с невестой ждут, —
Нет попа,
А я и тут.

Там младенца берегут, —
Нет попа,
А я и тут.

Нет купели, — есть камья,
Нет попа,
А вот он я!..

Что калужского портного,
За неделю ждут меня.
Мне бы только, право слово,
Заиметь теперь коня...

Хорошо в тени, прохладно.
Поп кошелку шевелит.
Развязал — и этак складно
Припевает-говорит:

— Тут селедочка
Была, была, была,
Что молодочка
Дала, дала, дала...

Тут и соточка
Лежит — не убежит...
Эх ты, сукин сын,
Камаринский мужик!..

Моргунок, уставясь косо,
Ладно, думает, молчи:
Ничего, что батя босый, —
Подходящие харчи...

Не святой и не угодник,
Не подвижник, не монах, —
Был он просто поп-отходник,
Яко наг и яко благ.

— На гумне служу обедню,
Постным маслом мажу лоб;
Николай был царь последний,
Алексей — последний поп.

Занимаю под приходом
Всю епархию кругом.
Хочешь так: твоя — подвода,
Мой — инструмент?..
Проживем!..

Моргунок утерся строго:
— Не гляди, что выпил я...
У тебя своя дорога,
У меня, отец, — своя...

На своем коне с дугой
Ехать подходяще:
Всякий видит, кто такой, —
Житель настоящий.

На своем коне с дугой
Ехать знаменито.
Остановят: — Кто такой?
— Моргунов Никита.

В чужедальней стороне
Едешь, смотришь смело:
Раз ты едешь на коне,
Значит, едешь делом.

Самому себе с конем
Позабыться впору.
Будто в гости едешь — днем,
Ночью — будто в город.

Не охотник яйца я
Собирать на бога.
У меня, отец, своя
Дальняя дорога...

Глава 6

От ночлега до ночлега
Едет ровно Моргунок.
У дороги, под телегой,
Своя хата-потолок.

На огне трещит валежник
Робко, будто под ногой.
Двое возчиков проезжих
Сонно смотрят на огонь.

С неизвестным разным людом
Сводит ночью огонек.
Кто такие и откуда —
Знать не знает Моргунок.

Спит не спит, лежит Никита,
Слышен скрип и хруст травы.
Глухо тукают копыта
Возле самой головы.

Поправляет головешки
Освещенная рука.
Голос тянется неспешный,
Как шаги издалека.

— Окна — в землю, крыша — набок,
Гнезда галочьи в трубе.
Как бы в сказке, дед да баба
Жили век в своей избе.

Баба пряла у окошка,
Дед с утра на рыбу шел,
И была в хозяйстве кошка,
Курочка да петушок.

Жили старые помалу
На отлете от села.
А весною небывало
Высока вода была.

Шла весна в могучей силе,
По ночам крошила снег.
Разлились по всей России
Воды всех морей и рек... —

Спит не спит, лежит Никита,
Дрема поверху идет.
Голос ровный, домовитый
Сказку бережно ведет.

— Все — в колхозы.
Дед — ни с места
На тринадцатом году:
«Из своей избы, известно,
Никуда я не пойду».
Что, мол, жить мне на народе,
И какой мне в этом прок?..

А вода к крыльцу подходит,
Бьет волною о порог.
Поплыли плетни, солома,
Огородов — будто нет.
День за днем проводит дома,
Очищает лыки дед.
И случилась эта сказка
Возле нашего села:
Подняла вода избушку,
Как кораблик, понесла.
Поднимает выше, выше,
Гонит окнами вперед.
Петушок кричит на крыше,
Из трубы дымок идет.
И качаются, как в зыбке,
Дед и баба за стеной.
Принесло избу под липки —
К нам в усадьбу —
Тут и стой...
Спали воды. Стало сухо.
Смотрит дед — на солнце дверь:
— Ну, тому бывать, старуха,
Жить нам заново теперь... —

Спит не спит Никита, дремлет
С картузом под головой.
Теплым телом греет землю
Под примятою травой.

На армяк роса осела.
Гаснут звезды в вышине.
И тепло вздыхает Серый
За кустами в стороне.

Тянет свежестью рассвета.
Спит дорога Тишина.
Далеко́-далеко где-то
Спит Муравская страна...

Глава 7

Как с юга к северу трава
В кипучий срок весны,
От моря к морю шла молва
По всем краям страны.

Молва растет, что ночь, что день,
Катится в даль и глушь,
И ждут сто тысяч деревень,
Сто миллионов душ...

Нет, никогда, как в этот год,
В тревоге и борьбе,
Не ждал, не думал так народ
О жизни, о себе...

Росла, невнятная сперва,
Неслась, как радио, молва;

Как отголосок по лесам,
Бежала по стране,
Что едет Сталин, едет сам
На вороном коне.

Вдоль синих вод, холмов, полей,
Проселком, большаком,
В шинели, с трубочкой своей
Он едет прямиком.

В одном краю,
В другом краю
Глядит, с людьми беседует;
И пишет в книжечку свою
Подробно все, что следует.

И будто он невдалеке
Коня того поил в реке.

А то еще у старика
Спросил он ночью огонька.
А этот сторож-старичок
Увидел — кто, а сам молчок:
Порасспросить его хотел
Насчет войны и прочих дел...

За гатью — мост, за взгорьем — склон,
Дымок по ветерку...
И, может, прямо едет он
Навстречу Моргунку...

И все, что на душе берег,
С чем в этот год заснуть не мог,
С чем утром встал и на ночь лег,
С чем ел не впрок
И пил не впрок, —
Все вновь обдумал Моргунок...

— Товарищ Сталин!
Дай ответ,
Чтоб люди зря не спорили:
Конец предвидится ай нет
Всей этой суетории?..

И жизнь — на слом,
И все на слом —
Под корень, подчистую.
А что к хорошему идем,
Так я не протестую.

Ты слушай, выслушай меня,
Коснемся, например, коня.
И склад хорош, и стать легка,
В монету весь одет.
Под Ворошиловым конька
Такого, может, нет.

На конной в Ельне куплен был,
С дороги перепал,
Стоит — и шею опустил, —
Ну, думаю, пропал!..

Блестит в корытечке вода,
Свищу, свищу — не пьет,
Не ест. И вижу я тогда,
Что дело не поет...

А как я вышел поутру,
С постели — босиком,
Иду, а он впотьмах: хруп-хруп...
Стой, думаю, живем!..

Теперь мне тридцать восемь лет,
Два года впереди.
А в сорок лет — зажитка нет,
Так дальше не гляди.

И при хозяйстве, как сейчас,
Да при коне —
Своим двором пожить хоть раз
Хотелось мне.

Земля в длину и в ширину —
Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та — твоя.

Пожить бы так чуть-чуть...
А там —
В колхоз приду,
Подписку дам!

И с тем согласен я сполна,
Что будет жизнь отличная.
Но у меня к тебе одна
Имелась просьба личная.

Вот я, Никита Моргунок,
Прошу, товарищ Сталин,
Чтоб и меня и хуторок
Покамест что... оставить.

И объявить: мол, так и так, —
Чтоб зря не обижали, —
Оставлен, мол, такой чудак
Один во всей державе...

В пути, в незнаемом краю,
Забыв про все, Никита
Слагал, как песню, речь свою
Душевно и открыто...

Страна родная велика.
Весна! Великий год!..
И надо всей страной — рука,
Зовущая вперед...

Глава 8

И деревням и верстам счет
Оставил человек,
И конь покорно воду пьет
Из неизвестных рек.

Дорога тянется вдали.
И грусть теснит в груди:
Как много неба и земли
Осталось позади.

И весь в пыли, как хлеб в золе,
Никита Моргунок;
На всей планете, на земле,
Один такой ездок.

И порыжел на нем пиджак, —
Дорога далека.
Днем едет, терпит кое-как,
А к вечеру — тоска.

Сквозь тишину и холодок
Повеет ночь жильем.
И куст — он дома, и пенек —
На месте на своем.

А ты скитайся, разъезжай,
Сам при себе, один...
Вдруг слышит:
— Добрый гражданин,
А, добрый гражданин!..

И видит: нищий, чуть прикрыт,
Почти что босиком.
— Подвез бы, что ли, — говорит
Обиженным баском.

И мальчик, точно со слепым,
Идет по праву руку с ним.

И нищий злобно смотрит вслед:
— Забогател, сосед?..
Глядит и — обмер Моргунок:
— Илья Кузьмич? Ай нет?..

— Годов полсотни был Илья,
Да нынче стал не я.
Что видишь, только мàлец мой,
А шапка не моя.

Вот, брат. Такая, брат, пора.
Кромешный год такой...

— Тпру!.. Правду говорят, гора
Не сходится с горой...

Коня стреножил Моргунок,
Прибрал хомут, дугу.
Оглобли — кверху. Огонек
Заговорил в кругу.

— Эх, холодна, небось, земля,
Погреться будет впрок. —
И достает из кошеля
Литровку Моргунок.

— Ну что ж, Илья Кузьмич, начнем?
Что есть. Прошу простить.
Тебя когда-то за столом
Мечтал я угостить.

Пей, грейся, гость. Как другу верь, —
Соседи были все ж...
А вот откуда ж ты теперь,
Илья Кузьмич, бредешь?..

— Бреду оттуда...
— Что ж там? Как?
— Да так. Хороший край.
В лесу, в снегу, стоит барак,
Ложись и помирай...

— Так, так, Илья Кузьмич...
А все ж —
Тут злость своя нужна:
Что скажут — делай; дескать, врешь,
Работа не страшна...

— Нет, брат, спасибо за совет.
Не страшен был бы труд,
Да смысла нет.

— А ты начни!
— Да мочи нет...
— А ты тяни!
— Да руки не берут.

Никита слушал и коня
Из виду не терял.
Мальчишка, млея у огня,
Тихонько засыпал.

Куда он, мàлец, гол и бос,
Шел по свету с отцом,
Суму на перевязи нес
С жестяным котелком?..

— А что? — пожал отец плечом, —
Не страшно до зимы.
Где так попросим, где споем, —
Петь научились мы...

— Эх, брат, — вздохнул, ложась, Бугров, —
В последний этот год
Еще б таких наделать дров, —
Земли переворот!..

На колокольни встать бы, брат,
И сверху б — в добрый час —
На всю Россию бить набат!
Да не во что как раз...

Спал Моргунок и знал во сне,
Что рядом спит сосед.
И, как сквозь воду, в стороне
Конь будто ржал под свет...

Вскочил, закоченелый весь,
Глядит — пропал сосед.
Телега здесь и мальчик здесь.
А конь?.. Коня — и нет...

Никита бросился в кусты,
Высматривая след.
Туда-сюда. И след простыл.
Коня и вправду нет.

И место видно у огня,
Где ночью спал сосед.
В траве окурки. А коня
И нет. И вовсе нет.

И заняла дыханье боль,
И точно высох рот.
Позвать попробовал:
— Псель-псель... —
И губ не соберет.

— Псель-псель... —
И тишина кругом.
Туман. Глухой рассвет...
Вот бросил он семью и дом,
Уехал в белый свет...

Вот все, что думал, — все не в счет.
Вот прожил столько лет...

Туман встает,
Роса ползет.
День. А коня-то нет...

Коня-то нет...
— Вставай, пострел!
Замерз небось беглец.
Пока ты спал да сны смотрел,
Сменял тебя отец.

Сменял и серого коня
С уздечкой получил.
Тебя обидел, а меня
Навеки научил.

Я угощал его, любя,
Считал — в беде сосед...
А ты не бойся: бить тебя
Теперь мне пользы нет...

Короток день, а путь далек,
А солнце — где уже!.. —
Переобулся Моргунок,
И — легче на душе.

Собрал шлею, кошель и кнут,
Переменил чеку;
Колеса смазал, подоткнул
Поклажу к передку.

Короток день, а путь далек,
Хоть воз не так тяжел.
И влез в оглобли Моргунок,
И мальчик вслед пошел...

Глава 9

Под уклон, гремя с разбега,
Едет — просто чудеса! —
Без коня сама телега,
Все четыре колеса.

И, кого ни встретит, всякий
Долго-долго смотрит вслед.
И увяжутся собаки —
Три версты отбою нет.

Моргунок гремит с телегой
В неизвестной стороне:
— Не видали ль человека
На копейчатом коне?

Моргунок волочит ноги
Тяжело, и, как назло,
Растянулось вдоль дороги
Бесконечное село.

Никуда от глаз не скрыться,
На виду мужик у всех.
По окошкам липнут лица,
Раздается лай и смех.

Моргунок везет понуро,
Не ворочаться ж назад.
Шум, смятенье, даже куры
Растревоженно кричат.

Дальше — к мосту — скат крутой,
Поскорей бы с глаз долой!

И пошел, пошел с разбега,
Только грохот поднялся.
Пропадай, моя телега,
Все четыре колеса.

За мостом дорога в гору,
Позади, в пыли густой:
— Стой! — кричат, как будто вору, —
Стой! Стой!
Стой! Стой!..

Подбегают:
— Стой-ка, дед!
Заворачивай в Совет.

И народ кругом посыпал,
Рассуждая горячо:
— Мало, что ли, всяких типов,
Поглядишь, а тут еще...

— На поселке нищий в бане
Двое суток ночевал:
С золотыми был зубами —
Вроде бывший генерал...

И, упершись в грядки, миром
Помогают Моргунку.
— Только ты не бегай, милый..
— Да куда я побегу?..

В сельсовете председатель
Предложил на лавку сесть
И сказал учтиво:
— Дайте
Документы, если есть...

Из-за ворота рубахи
Тащит целый узелок,

Достает свои бумаги
Никита Моргунок.

Бумаги пожелтелые,
Как деньги — еще целые,
Зацапанные, мазаные,
Крест-накрест перевязанные.

— Вот, при одной коровке
Семья моя — семь душ.
И хлебозаготовки,
И лесозаготовки,
И страх,
И труд,
И гуж.

И двор со всей скотиной,
И хата в три окна.
Единый —
Семь с полтиной, —
Уплаченный сполна.

Деревня Васильково,
Каспляиский сельсовет,
И карточка конева,
А вот коня — и нет... —

— Ну что ж, понятно в целом.
Одно неясно мне:
Без никакого дела
Ты ездишь по стране.
Вот, брат! — И председатель
Потер в раздумье нос: —
Ну, был бы ты писатель,
Тогда другой вопрос.

Езжай! И в самом деле
Чего с тебя возьмешь?
— А что ж, у вас — артели?..
— Кругом артели. Сплошь...

И гремит телега снова,
Застилая пылью след...

— Не видали ль верхового?..
Отвечают:
— Что-то нет...

Моргунок телегу тянет.
Плечи стертые горят...
— Братцы! Где тут есть цыгане?..
— Вон, в колхозе, — говорят...

Глава 10

Знал Никита Моргунок
Правило простое,
Что медведь блинов не пек,
Волк двора не строил.

Удивился Моргунок,
Видит: на поляне
Ходят вдоль и поперек
С косами цыгане.

Косят, словно мужики,
Ряд за рядом ходят.
Только носят оселки
Не по форме вроде.

Пахнет медом и росой.
Добрая работа!
Самому пройти с косой
Моргунку охота.

Хороша, густа трава,
Самый срок и время,
Да забита голова
Думами не теми.

Так и так. Иду полдня.
Карточка в кармане...
— Воротите мне коня,
Граждане цыгане...

— Так и быть, — сказал один, —
Ты — мужик хороший.
Заявляю — отдадим,
Как признаешь лошадь.

Сено свежее пока
На покосе вянет,
На конюшню Моргунка
Привели цыгане.

Попросили Моргунка
Чуть посторониться, —
Конь выходит из станка,
Гладкий, точно птица.

Конь невиданной красы,
Уши ходят, как часы.

Конь хорош, и, что хорош,
Сам об этом знает.
— Ну, хозяин, признаешь?
Признавай, хозяин!

Попросили Моргунка
Постоять снаружи,
И выходит из станка
Конь второй — не хуже.

На спине играет дрожь,
Шея — вырезная.
— Ну, хозяин, признаешь?
Признавай, хозяин!

Попросили Моргунка
Отойти немного.
И выводят из станка
Жеребца, как бога.

Корпус, ноги — все отдай,
Шерсть блестит сквозная.
— Ну, хозяин, признавай,
Признавай, хозяин!

Вслед выводят из станка
Лошадей пятнадцать...

Попросили Моргунка
Со двора податься.

Он оглобли подвязал
Кверху, для ночлега:
— Завтра, малец, на базар
За конем. С телегой.

— Дядь, зовут нас. Слышишь, дядь?
Дескать, места хватит.
— Не желаю ночевать
Я в цыганской хате.

Ночь. Затих в загоне скот.
Пахнет пыль золою.
И цыганское встает
Солнце над землею.

И звенит во тьме комар
Тоненько, знакомо,
Как остывший самовар,
После бани, дома.

И, вздохнув, на правый бок
Повернулся Моргунок.

Но не спится Моргунку
И на правом на боку.

Комариный звон в тиши,
Замирая, тонет...
«До чего же хороши,
Боже ты мой, кони!»

И, вздохнув, на левый бок
Повернулся Моргунок.

Но не спится Моргунку
И на левом на боку.

И, подумав, Моргунок
Бородою к звездам лег.
Кони рядом. И спроста
Ненадежно спрятаны:
Из соломы ворота,
Лыком запечатаны.

Моргунок лежал, сопя,
Рассуждая про себя:
— Лошадей цыгане крали?
— Крали.
— Испокон веков у всех?
— У всех.
— А у них теперь нельзя ли?
У цыган?
Не грех?
— Не грех...

Не лежится на спине,
Точно спит на бороне.
Встал и бережно пошел
За сарай. До ветру, мол...

Слышит — близко за спиной
Осторожный шорох.
— Что за люди? Кто такой? —
Спрашивает сторож.

— Я до ветру, — как урок,
Отвечал Никита.
И для виду все, что мог,
Справил деловито.

— Значит, ходишь по часам?..
— Надо, милый, надо...

Эхе-хе-хе-хе!.. — А сам —
Задом,
        задом,
                задом...

Сапоги надел скорей
Он на босу ногу
И с телегою своей
Тронулся в дорогу...

Глава 11

Большаком три ночи и три дня
Ехала телега без коня.

И шутил невесело мужик,
Что к коневой должности привык.

— Подучусь, как день еще пройду,
Все, что надо, делать на ходу.

А овсом питаться — не беда;
Попадала в хлеб и лебеда.

Стоя спать — уменья мало здесь.
Приходилось спать — и лапти плесть!

В неизвестный город большаком
Шла телега вслед за мужиком.

От куста идут и до куста,
От моста до нового моста,

От пятьсот девятого столба
До пятьсот десятого столба.

Далека родная сторона;
Что там баба делает одна?..

Ждет она хозяина с конем,
Знать она не знает ни о чем,
Как идет с телегой Моргунок
По одной из тысячи дорог...

Вышел в поле тракторный отряд,
По путям грохочет скорый поезд,
Самолеты по небу летят,
Ледоколы огибают полюс...

И, по-конски терпелив и строг,
Волокет телегу Моргунок.

Мальчик — ни на шаг от мужика...
Пусть идет — дорога широка.

Так идут, идут и слышат вдруг
Впереди, вдали копытный стук,
Будто в ступе коноплю толкут,
Будто бабы где-то кросна бьют.

Отголосок стороной идет,
И ездок покажется вот-вот...

Гоп-та-тах!.. — И перед Моргунком
На коне,
На сером,
Поп верхом!..
Поп назад откинулся, сдержал,
Конь узнал хозяина, заржал...

Но в одну минуту Моргунок
Из оглобель выскочить не мог.
Он ремни распутывал, а поп —
Повернул коня и дал в галоп...

То ли поп коня того купил,
То ли вор у вора утащил...

— Стой!.. — бежит Никита за конем,
Сапоги, пиджак, горят на нем.

Сбилась шапка мокрая на лоб,
Вверх и вниз в глазах ныряет поп.

— Стой!.. — кричит, бежит Никита вслед,
Голосу в груди и духу нет.

Он бежит, и замирает «сто-й!»
На дороге пыльной и пустой.

И, как рану, зажимая бок,
Падает на землю Моргунок.

Он лежит, как мертвый, недвижим,
Но земля сама бежит под ним.

Обернулись реки и мосты,
Вверх ногами — травы и кусты.

Но уже далече скачет поп,
Пропадает за холмами топ.
Тише, тише движется земля,
По местам становятся поля...

И лежит Никита Моргунок
На одной из тысячи дорог...

Пыль по-над дорогой незаметнее,
Вечер начинается вдали.
И березы старые — столетние
Опустили ветви до земли.
Тишина хорошая кругом...

— Дядь, вставай,
А, дядь?..
Вставай, пойдем...

Глава 12

Деловито, не сердито
Меж палаток, меж подвод
Пробирается Никита:
— Дайте, граждане, проход.

И, встречая, обступая,
Любопытствует народ:
То ль коня он покупает,
То ль телегу продает?

— Погодите, не толкуйте,
Братцы, горе у меня:
На базар служитель культа
Моего угнал коня...

К конной привязи, в тенек
Заезжает Моргунок.

И пошел бродить на счастье
По базару взад-вперед.
Что ни лошадь серой масти, —
Сердце дрогнет и замрет.

Много серых и красивых,
Только равных нет коней:
То — подсеченная грива,
То — монета покрупней...

На лотках блестят селедки,
Солнце жарит пирожки.
Старичок с лихой бородкой
Кнутовьем звонит в горшки.
— Николаевская глина,
Отдаю за просто так:
С одноличницы — полтина,
С коммунарки — четвертак!..

Площадь залита народом,
Площадь ходит хороводом,
Площадь до краев полна,
Площадь пляшет, как волна.

— Расступись, давай проход, —
Жеребца артель ведет.
Как на выставке проводят.
Уходи, живые, прочь!
Двое виснут на поводьях,
Трое ладятся помочь.

Мундштуки в горячем мыле,
Благородный карий глаз...
— Кто купил?
— Мы купили.
— Сколько дали?..
— Хватит с нас...

Гомонит, гудит базар,
Девки, бабы по возам.
Подбирают кони сено,
Шевелят сухой овес;
И шумит парная пена,
Остывая у колес.

В сюртуке старик усатый
За рога ведет козу,
Жарко дышат поросята
В тесной клетке на возу.

И идет от воза к возу,
Не смолкает говор, гам.
Пахнет сеном и навозом
С «центроспиртом» пополам.

От жары укрыт, от пыли,
У ограды — нищий ряд.
Тут остатние слепые
И убогие сидят.

Песня слышится сквозь гомон,
Оборвется — и опять...
Голос будто бы знакомый,
Только слов не разобрать.

Подошел, с другими рядом
Стал и видит Моргунок:
Грязный нищий — у ограды,
Шапка с медью — между ног.

Поводырь с восковым личиком
Сидит плечо к плечу:

...Отвечает эта птичка;
«Жить я в клетке не хочу.
Отворите мне темницу,
Я на волю полечу...»

У певца глаза закрыты,
Голос набожно-суров.
Ахнул, чуть не сел Никита:
— Сукин сын! Илья Бугров!

И, точно сами, две руки
Вперед рванулись:
— Стой!.. —
И раскатились пятаки,
Гремя по мостовой.

И Моргунок, как мех сопя,
Подмял слепого под себя.
Народ бежит со всех сторон:
— Слепого бьют... Разбой!..
— Да как же, братцы, — зрячий он...
— Ей-богу, был слепой.

Бугров, карабкаясь, хрипит:
— Пусти!.. Пусти меня.
Пусти, сосед. Скажу, Никит,
Чего-то про коня...

— Скажи, — нагнулся Моргунок, —
Скажи, пока не бью...
— Пусти, Никит... Скорей!.. Свисток!..
Обоих — в Гепею...

— Скажи — пущу.
— Скажу потом...
— Давай сейчас, злодей!
— Скажу. В сторонку отойдем,
Чтоб без чужих людей.

Не дома в праздничный денек
На хуторе своем

Идет под ручку Моргунок
С Ильею Кузьмичом.

Ведет Бугрова Моргунок:
— Дорогу дай, народ. —
Ведет — и шапку, как залог,
Слепецкую несет.
Идут, шатаясь, вразнобой,
Пьяны средь бела дня.
Грозит им пальцем постовой:
— Глядите у меня!..

И говорит Илья Бугров
Тихонько Моргунку:
— Чудак ты, конь твой жив-здоров,
Поклясться в том могу... —
И вдруг, не ахнул Моргунок,
— Стой! — закричал Бугров
И сквозь толпу рванулся вбок.
— Стой! Стой! Держи воров!..
— Стой!
— Братцы, братцы! — вскрикнул вслед
И всхлипнул Моргунок.
И ни коня, ни вора нет,
В руках один залог.

Туда-сюда. Базар кругом,
Колышется народ,
Уже о чем-то о другом
Толкует и орет...

— Ну что ж... Спасибо, сукин сын:
Последний дал урок. —
И шмякнул шапку что есть сил
Никита Моргунок.

Глава 13

Вдоль дороги рожь бежала,
Над дорогой пыль дрожала,
Плыл дымок...

Ехал парень моложавый,
Кучерявый паренек.

Кучерявый паренек,
На затылке козырек.

Ехал парень хватом,
Девкам песни вез,
В елку след печатал
Шпорами колес.

Получил на курсах трактор
Кучерявый паренек,
Изучил *четыре такта*,
Заводить и править мог.

И смешно, да не до смеха,
Хорошо, да сам не рад,
Посадили — и поехал:
— Крой до места, трогай, брат.
Бога нету, — говорят. —

Не ломай деревья,
Не ворочай пни,
По пути в деревне
Угол не сверни.

Все в порядке. Едет парень.
За верстой идет верста.
Проезжает без аварий
Две деревни, три моста.

Руль одной рукою
Держит, как шофер.
Едет — что такое?
Смотрит — что за чорт!

На припеке у дороги
Под телегой спит мужик.
Рядом мальчик босоногий
Кверху пятками лежит.

Слева, справа — нелюдимо,
Луговеет рыжий пар...
Проезжает парень мимо:
— Эй ты, дед, коня проспал!..

Спохватился Моргунок:
— А?.. Давно проспал, сынок.

И лежит он под телегой,
Как лежал.
Дескать, крой, а нам не к спеху,
Не пожар.

— Извиняюсь, бога нет.
Кто такой, откуда, дед?..

Так и так. Длинна дорога.
Вот как выбился из сил...

— Ладно, дед. Нету бога.
Прицепляйся на буксир.

— Я не прочь, пожалуй,
Но одна статья:
За телегу, малый,
Опасаюсь я...

— Отговариваться нечем,
Делай, дед. Решен вопрос...
За телегу сам отвечу, —
Своя кузня, свой колхоз.

Прицепились, едут.
Хороши дела.
И телега следом
Здорово пошла.

Едут, едут, едут,
Дым да стук кругом.
Едет парень с дедом,
Правит прямиком.

Руль одной рукою
Держит, как шофер.
Едет — что такое?
Слышит — что за чорт?..

Слышит перебои,
Непохожий стук.
Трактор сам собою
Тормозится вдруг.

Парню до смерти неловко,
Эх ты, чорт ее дери!
— Извиняюсь, остановка! —
Зайчик выскочил внутри...

Пот на лбу открытом
Выступил. Беда!
— Та-ак, — сказал Никита, —
Добрая езда...

Достает инструмент парень,
Сам заходит стороной,
Боязливо приступает,
Точно к лошади дурной.

Лезет парень под машину,
Об дорогу чешет спину,
Рукавом стирает пот,
В кепку болтики кладет.

Глубоко синеет небо,
Золотой стоит денек.
Двадцать лет монтером не был
Кучерявый паренек.

Не был батька, не был дед,
Не был прадед, бога нет!..

Бога нету, — несомненно.
Лет пяток —
Недолгий срок.

Будет летчиком отменным
Этот самый паренек!

Кучерявый паренек,
Желтой кожи козырек!..

Ты забудешь ли, товарищ,
Наш любимец и герой,
Как лежал ты на дороге,
На дороге под горой,
Как кругом, шумя хлебами,
Длился день страды большой
И кряхтел мужик тяжелый,
Ожидая над душой?
Мужику не к спеху было.
Он бы плюнул и повез
На себе свою телегу
И тащил бы тыщу верст.

Он бы вез ее дорогой,
Проклиная белый свет...

— Ну-ка, дед. Крутни немного.
Ну-ка, разом, бога нет!..

— Дай-ка, — плюнул в руку,
Взялся Моргунок.
—Ну-ка, ну-ка, ну-ка,
Ну, еще разок!..

Отскочил Никита, —
Задрожал мотор,
Нехотя, сердито
Тронулся, попер...

По мостам грохочет,
Правит паренек,
Придержать не хочет,
Сбавить хоть чуто́к...

Кроет по увалам,
Только пыль хвостом...
— Малый, эй ты, малый,
Придержи, постой!

— Три версты осталось, дед.
— Дальше ехать мочи нет.

За провоз тебе спасибо.
Посоветуй лучше мне,
Где б конька какого-либо
Взять по сходственной цене?

Повернувшись на сиденье,
Смотрит тот на Моргунка:
— Нет, в колхозе и за деньги
Не купить тебе конька.

То ли делом, то ли смехом
Рассуждает паренек.

— Ну, прощай. Пора, брат, ехать.
Кто куда, а я — на ток...
Лошадь, не иначе,
В Островах найдешь.
Правда, кони — клячи,
Ну, да кони все ж...

Крой по межам, это близко,
Дуй пешком, тебе видней.
Сдай телегу под расписку —
Довезу. И мальца с ней.

Ну, пока! Не опоздать бы...
Погоди, постой ты, дед:
Жду тебя к себе на свадьбу,
Приглашаю, бога нет!..

Глава 14

Вразброс под солнцем, как дрова,
Лежит селенье Острова.

Ни крыши целой, ни избы,
Что угол — то дыра.
И ровным счетом — три трубы
На тридцать три двора.

Встает, медлителен и глух,
Нерадостный рассвет.
На все село один петух —
И тот преклонных лет.

Поет, как вздумает, пивень —
Дурная голова.
Который час, который день —
Не знают Острова.

Который век, который год
Течет речушка Царь!
На колокольне в косу бьет
К обедне пономарь.

Кругом шумят моря хлебов,
Поля большой страны.
Худые крыши Островов
За ними чуть видны.

Солома преет у ворот,
Повалены плетни.
И курит попусту народ
На бревнышках в тени.

Строгает что-то ножиком,
Как бубен, лысый дед.
Скоблит...
— Бог помощь, граждане,
Колхозники, ай нет?..

И отвечают медленно,
Недружно мужики.
Один:
— Мы люди темные...
Другой:
— Мы индюки...

И подхватила женщина,
Припав к щеке рукой:
— Индусы, называемся,
Индусы, дорогой...
— Выходит, бесколхозные, —
Вздохнул с усмешкой дед. —
Сошлись жуки навозные,
Гудят, а кучи нет...
Косить еще успеется,
На все у бога дни...

— Ты что строгаешь?
— Дудочки.
— А для чего они?..
— А дам по дудке каждому,
И дело как-никак...
— А не кулак ты, дедушка?
— А как же не кулак?

Богатством я, брат, славился
В деревне испокон:
Скота голов четыреста
И кнут пяти сажен.
Я гостем в каждой был избе,
Где ужин — там ночлег.
Коня? Чего?.. Коня тебе?
Чудак ты, человек!..
Вот все хозяева сидят.
Продай коня, сосед...

— Продать — оно не штука, брат,
Да вот коня-то нет.

— А хоть и есть, — вздохнул другой, —
Да конь-то больно дорогой:

За грудь, за складку вдоль спины,
За вороную масть —
Полжизни плачено. Цены
Такой никто не даст.

— А я как раз продать бы мог,
Да баба встанет поперек.

Что со слезами, что без слез —
Толкует об одном:
Итти по крайности в колхоз,
Так со своим конем.

— Слыхал? — толкает Моргунка
Старик тихонько в бок. —
Эх, уступлю уж я конька,
Тому и быть, сынок.
Идем...

Старик заторопил
И Моргунка провел
В худой, без сошек и стропил,
С собачью будку, двор.

Там конь, не подняв головы,
Стоял, как на мели.
И был он бел до синевы
И слеп, хоть глаз коли.

Толкает дед его рукой,
Глядит со стороны:
— Эх, конь! Царевой масти конь!
Ему, брат, нет цены.

И сам носился петушком:
— А? Что? Плохой конек?..
— Нет, лучше век ходить пешком...

— Ну, сам гляди, сынок.
Таков и конь, каков купец.
Соседи, чем не конь?

— Понятно, конь. Не жеребец.
— Ну, что там! Конь — огонь!..

Как побежит — земля дрожит,
Как упадет — три дня лежит,
И ни вожжа тогда, ни кнут
Ему не вставят ног...

— Да, вот как люди здесь живут, —
Причмокнул Моргунок.

— Сынок! Ты вот чего скажи, —
Опять пустился дед, —
А чем плохая наша жизнь?
По-моему, лучше нет.

Земля в длину и в ширину —
Кругом своя.
Посеешь бубочку одну,
И та — твоя.

И никого не спрашивай,
Себя лишь уважай.
Косить пошел — покашивай,
Поехал — поезжай.

— Живете не богато вы, —
Смутился Моргунок.
— А счастье не в богачестве.
Зачем оно, сынок?
Нам бы хлебушка кусок,
Да водицы глоток,
Да изба с потолком,
Да старуха под боком.

— Верно.
— Правильно.
— Привычка...
Вот прохожий баял тож:
Отчего ты, дескать, птичка,
Хлебных зерен не клюешь?

В том как раз и заковычка,
От природы людям зло.
Отвечает будто птичка:
Жить, мол, в клетке тяжело...

— Кабы больше было воли,
Хочешь — здесь ты, хочешь — там...
Кабы жалованье, что ли,
Положили мужикам.

— Кабы нам душа одна бы...
— Кабы жить нам не вразлад...
— Кабы если бы не бабы,
Бабы слушать не хотят!..

— Ты про баб молчи, пустыня,
Сами скажем про свое.
Вот хожу с грудьми пустыми
За хорошее житье.

У людей, людей пшеничка
Наклонилась на ветру.
А у нелюдей — солома
Раскидалась по двору.

У людей, людей — ребятки
День гуляют на площадке,
За столом за общим в ряд,
Как горлачики, сидят.

А мои живут на свете
Хуже сивых поросят.
Невиновны мои дети —
Ихний батька виноват!

Погляжу на ту картину,
Как сидишь ты день-деньской,
Плюну, кину-запокину,
Убегу — и чорт с тобой!..

Глядит, растерян и смущен,
Никита Моргунок.
Что скажет он?
Что понял он
За долгий путь и срок?..

— Ну вот, — снял шапку Моргунок, —
Понятно, жесткий год.
Все, братцы, вдоль и поперек,
Крест-накрест все идет...

И ваша жизнь — не жизнь, друзья,
Одна тоска и боль.
Гляжу на вас: так жить нельзя.
Решаться надо, что ль...

А что касается меня,
Возьмите то в расчет —
Поскольку я лишен коня, —
Ни взад мне, ни вперед...

Осиротил меня злодей,
Под самый корень ссек,
А конь был — нет таких коней!
Не конь, а человек.

Бывало корочку из рук,
Как со стола, возьмет.
В ночном — чуть что — затихнет вдруг,
Как спросит: кто идет?

Прилечь на землю не могу.
Ни сна, ни дремы мне.
Вот будто ходит по лугу,
Ступает в стороне.

Как будто слышу стук копыт.
Вздыхает конь живой.
Трава росяная скрипит,
И пахнет той травой...

И стихли все. И Моргунок
Вдруг смолк понуро сам.
И смятой шапкой проволок
Неспешно по глазам...

Молчит на бревнышках народ.
Все сказаны слова;
Берет старик две дудки в рот,
Чуть набок голова.

Поймали пальцы нужный лад,
И тонкий звук потек:
— Пойду, пойду в зеленый сад,
Сорву я орешок.

Поет старик об орешке,
Играет оберуч.
Висит на ветхом пояске
Мужицкий медный ключ.

Ползет рубаха с плеч долой,
На ней заплатки — сплошь.
А в песне — парень удалой,
Куда меня ведешь!..

Ту песню про зеленый сад,
Про желтый орешок
Слыхал лет двадцать пять назад
От деда Моргунок.

— Ну что ж, пора. Сижу я тут
Без барышей полдня.
А там телега и хомут
И сбруя у меня.

Глава 15

Из всех излюбленных работ
Любил Никита обмолот.
И где и кто молотит, — мог
Узнать по стуку Моргунок.

У богачей да у попов
Ходили в дюжину цепов.
И все цепы колотят в лад
И соблюдают счет.
И на току — что полк солдат
Под музыку пройдет.

А сам Никита Моргунок
Вдвоем с женой ходил на ток.

До ночи хлеб свой выбивал,
Не разгибая рук.
И, как калека, колдыбал
Хромой унылый стук.

Но любо было Моргунку,
Повесив теплый цеп,
Сидеть и веять на току
Набитый за день хлеб.

Кидай по горсточке одной
Навстречу ветерку,
И полумесяц золотой
Ложится на току.

Кидал бы так за возом воз
До нового утра,
И полумесяц все бы рос
И рос бы, как гора...

По стуку трактора на ток
Пришел Никита Моргунок.

Дрожит под пятками земля,
Стук, ветер, вой и свист,
И наклонился у руля
Тот самый тракторист.

А пыль, а дым несет в глаза,
И все зашлось в ушах.
Ни поздороваться нельзя,
Ни подойти на шаг.

Легка солома, колос чист,
Зерно шумит, как град.
— Снимай пиджак да становись,
Чего стесняться, брат!..

— А, дай! — разделся Моргунок,
Рогатки в руки взял,
Покрылся ношей, поволок,
Знай наших! — доказал.

— Да я ж!.. Да господи спаси,
Да боже сохрани!..

Скажи — коси, скажи — носи,
Скажи — ворочай пни!..
Да я ж не лодырь, не злодей,
Да я ж не хуже всех людей...

Как хватит, хватит Моргунок,
Как навернет рогатками...
Сопит, хрипит, до нитки взмок,
Колотье под лопатками.

Солома — валом. Спасу нет.
Но вскоре из ворот
Мужчина моргунковых лет
На выручку идет.

Тверд на ногах, что в землю врыт,
По голосу — добряк.
— А ты вот этак, — говорит, —
Ты, — говорит, — вот так!..

И, ношу взяв с бобыльский воз,
Оп! — смотрит Моргунок —
Подсел, не крякнул и понес.
Раз! — и взмахнул на стог.

И, отряхнув с накидки ость,
Радушно говорит:
— Пойдем-ка мы отсюда, гость,
Охота покурить.

— А председатель как у вас,
Позволит он уйти?..
— А председатель я как раз,
Со мной, брат, не шути...

Держи табак. Бери, бери,
Верти своей рукой.
Устал, брат?.. Ну-ка ж, говори,
Откуда, кто такой?..
Издалека?
— Издалека.
От Ельни...
— В добрый час.

Сидят в тени два мужика,
Толкуют в первый раз.

Развеял ветер и унес
Махорочный дымок...
— Ну что ж, взгляни на наш колхоз,
Товарищ Моргунок.

Все разом показать готов,
Усадьба велика.
Ведет Андрей Ильич Фролов
Под ручку Моргунка.

Ведет, ведет на новый двор, —
Он светел и смолист.
И бревна старые в забор
Меж новых улеглись.

В загон к скоту идет Фролов
С Никитою вдвоем
И гладит, хвалит всех коров,
Как на дворе своем.

Любую ногу подает
Ему в конюшне конь,
Теленок зеркальце сует
В хозяйскую ладонь.

Идут вперед, идут назад,
И видит Моргунок:
Взбегает малолетний сад
Рядами на припек.

Вдоль по усадьбе до ворот
Проходит гость, глядит.
Кол вбит, — попробует, качнет:
Всерьез ли в землю вбит.

Но все — не в шутку, все — всерьез.
Для жизни — в самый прок.
Один-единственный вопрос
Имеет Моргунок.

— Я полагаю, спору нет,
Вам все ж видней, партейному:
Скажите мне, на сколько лет
Такая жизнь затеяна?..

— А вот, товарищ Моргунок,
Ударят на обед,
Прикину, подведу итог —
И дам тебе ответ.

А заодно теперь позволь
Позвать тебя на хлеб да соль.

Глава 16

— Мой дед родной — Мирон Фролов —
Нас, молодых, бодрей.
Шестнадцать пережил попов
И четырех царей.

Мы, как подлесок, все под ним
Росли один перед другим.

И, приподнявшись от земли,
Все кланялись ему.
И шли в заводы, в шахты шли,
В солдаты и в тюрьму.

Шли, заполняли белый свет, —
Жить не при чем в семье.
Брели, — и где нас только нет,
Фроловых, на земле!

Живут в Москве, и под Москвой,
В Сибири от годов.
Есть машинист, есть летчик свой,
Профессор есть Фролов.

Есть агроном, есть командир,
Писатель даже есть один.

И все — один перед другим, —
Хоть на меня смотри,
Росли под дедом под своим,
В него — богатыри.

Шесть ран принес с гражданской я,
Шесть дырок, друг родной.
Когда б силенка не моя, —
Хватило бы одной.

По всем законам — инвалид,
Не плуг бы мне — костыль...
А после здесь уж был я бит,
Добро, что богатырь.

Делил луга, взимал налог
Да землю нарезал
И свято линию берег,
Что Ленин указал.

Записки мне тогда под дверь
Подсовывал Грачев:
«Земли себе сажень отмерь
И доски заготовь».

Фроловы были силачи,
Грачевы были богачи.

Грачевы в лавку торговать,
Фроловы — сваи загонять.
Грачевы — сало под замок,
Фроловы — зубы на полок.

Мой враг до гроба и палач,
Вот в этот день и час,
Где ты на свете, Степка Грач,
И весь твой подлый класс?

И в смертный срок мой вспомню я,
Как к милости твоей
Просить ходила мать моя
Картошек для детей;

Как побирушкой робко шла
По дворне по твоей,
Полкан Иванычем звала
Собаку у дверей...

Да я и не про то теперь...
За землю мстил Грачев.
Земли, так и писал, отмерь
И доски заготовь.

Подстерегли меня они
В ночь под Успеньев день —
Грачевы, целый взвод родни,
Из разных деревень.

Жилье далеко в стороне,
Ночь, ветки — по глазам.
И только палочка при мне, —
Для сына вырезал.

И первый крикнул Степка Грач:
— Стой тут! И — руки вверх!
Не лезь в карман, не будь горяч, —
Засох твой револьвер...

Сдавай бумаги, говорят,
Давай, отчитывайся, брат!

Стою. А все они с дубьем,
Я против банды слаб.
Ну, шли б втроем, ну, вчетвером,
Ну, впятером хотя б...

Лощинка, лес стоит немой,
Тишь-тишина вокруг.
Кричать? Кричать характер мой
Не позволяет, друг...

А тени сходятся тесней,
Минута настает.
И тех, которые пьяней,
Пускают наперед.

Троих я сбил. А сзади — раз!
И полетел картуз...
И только помню, как сейчас,
За голову держусь.

Лежу лицом в сырой траве,
И звон далекий в голове.
И Грач толкает сыновей:
— Скорей! Грех, господи... Скорей!..

Да помню, точно сквозь туман,
Прощался я: «Сынок!
Прости, что палочку сломал,
Подарок не сберег.

Прощай, сынок. Расти большой.
Живи, сынок, учись.
И стой, родной, как батька твой,
За нашу власть и жизнь!..»

Потом с полночи до утра
Я полз домой, как мог.
От той лощинки до двора
Кровавый след волок.

К крыльцу отцовскому приполз,
И не забуду я,
Как старый наш фроловский пес
Залаял на меня!
Хочу позвать: «Валет, Валет!..»
Не слушается рот.

. . . .

Ты говоришь, на сколько лет
Такая жизнь пойдет?..
Так вот, даю тебе ответ
Открытый и сердечный:
Сначала только на пять лет...
— А там?..
— А там — на десять лет.
— А там?..
— А там — на двадцать лет.
— А там?..
— А там — навечно...
— И это твердо, значит?..
— Да.
— Навечно, значит?
— Навсегда...

Эх, друг родной, сказать любя,
Без толку носит чорт тебя!..
Да я б на месте на твоем,
Товарищ Моргунок, —
Да отпусти меня райком, —
Я б целый свет прошел пешком,
По всей Европе прямиком

Прополз бы я, проник тайком
Без тропок и дорог.

И правду всю рабочий класс
С моих узнал бы слов:
Какая жизнь теперь у нас,
Как я живу, Фролов.

И где б не мог сказать речей,
Я стал бы песню петь:
«Душите, братья, палачей,
Довольно вам терпеть!»

И шел бы я, и делал я
Великие дела.
И эта проповедь моя
Людей бы в бой вела.
А если б было суждено
На баррикадах пасть,
В какой земле — мне все равно,
За нашу б только власть.

И где б я мертвый ни лежал,
Товарищ Моргунок,
Родному сыну завещал:
Иди вперед, сынок.

Иди, сынок. Расти большой.
Живи, сынок, учись.
И стой, родной, как батька твой,
За нашу власть и жизнь!

Глава 17

Ходит сторож, носит грозно
Дулом книзу ружьецо.
Ночью на земле колхозной
Сторож — главное лицо.

Осторожно, однотонно
У столба отбил часы.
Ночь давно. Армяк суконный
Тяжелеет от росы.

И по звездам знает сторож, —
По приметам, как всегда,
Тень двойная станет скоро
Проходить туда-сюда.

Молодым — любовь да счастье,
На поре невеста-дочь.
По двору Васек и Настя
Провожаются всю ночь.

Проведет он до порога:
— Ну, прощай, стучись домой...
— Нет, и я тебя немного
Провожу, хороший мой...

И доводит до окошка:
— Ну, прощай, хороший мой...
— Дай же я тебя немножко
Провожу теперь домой.

Дело близится к рассвету,
Ночь свежеет — не беда!
— Дай же я тебя за это...
— Дай же я тебя тогда...

Под мостом курлычет речка,
Днем неслышная совсем.
На остывшее крылечко
Отдохнуть старик присел.
Свесил голову, как птица,
Ружьецо стоит у ног.

— Что-то, брат, и мне не спится, —
Скрипнул дверью Моргунок.

— Ну, садись. А мне привычно.
Тем и должность хороша:
Обо всем на белом свете
Можно думать не спеша:

О земле, о бывшем боге,
О скитаниях людей,
О твоей хотя б дороге,
О Муравии твоей.

Люди, люди, человеки,
Сколько с вами маяты!
Вот и в нашей был деревне
Дед один, такой, как ты.

Посох вырезал дубовый,
Сто рублей в пиджак зашил.
В лавру, в Киев снарядился:
«Поклонюсь, покамест жив».

Стал прощаться, — баба в слезы:
Пропадешь в дороге, мол.
По душам со всем колхозом
Распростился богомол.

И стыдили, и грозили...
«Все стерплю, терпел Исус.
Может, я один в России
Верен богу остаюсь».

«Ладно. Шествуй-путешествуй, —
Говорит ему Фролов, —
А вернешься жив-здоров,
Все как есть расскажешь честно
Про святых и про попов».

И пошел паломник в лавру.
Пешим верстам долог счет.
Мы вот здесь сидим с тобою,
Говорим, а он идет.

А дорог на свете много,
Пролегли и впрямь и вкось.
Много ходит по дорогам —
И один другому рознь.

По весне в газете было, —
Может, сам слыхал о том, —
Как идет к границе нашей
Человек один пешком.

Он идет, работы нету,
Без куска его семья,
На войне он окалечен,
Оконтужен, как вот я.

По лесам идет, по тропам,
По долинам древних рек,
Через всю идет Европу,
Как из плена, человек.

Он идет. Поля пустые.
Редко где дымит завод.
Мы вот здесь сидим с тобою,
Говорим, а он идет.

Слухам верить не пристало,
Но и слух не всякий зрящ.
Говорят, домой с канала
Волокется Степка Грач.

Он идет, жилье минуя,
Для чего ему канал?

Он бы всю страну родную
За один свой двор отдал.

Он идет и тешит злобу,
Знает, с кем свести расчет.
Днями спит, идет ночами.
Вот сидим, а он идет...

А смотри-ка, друг прохожий!..
— Вижу, — вздрогнул Моргунок.
На звезду меж звезд похожий,
Плыл на запад огонек.

С ровным рокотом над ними,
Забирая ввысь, вперед,
Над дорогами земными,
Над туманами седыми
Правил в небе самолет.

— Высоко идет, красиво,
Хорошо, хоть песню пой!
Это тоже, братец, сила,
Тоже сторож наш ночной.

Он встает. Светло и строго
Утомленное лицо.
Где-то близко у калитки
Тихо звякнуло кольцо.

И бредет гармонь куда-то.
Только слышится едва:
«В саду мята,
Да не примята,
Да неподкошенная
Трава...»

Глава 18

Стоят столы кленовые,
Хозяйка, нагружай!
Поспела свадьба новая
Под новый урожай.

Поспела свадьба новая
Под пироги подовые,
Под свежую баранину,
Под пиво на меду,
Под золотую раннюю
Антоновку в саду.

И над крыльцом невестиным,
Как первомайский знак,
Тревожно и торжественно
Похлопывает флаг...

Притихшая, усталая,
Заголосила старая.

Заголосила, вспомнила
Девичество бездомное,
Колечко обручальное,
Замужество печальное.

— Лети, лети, ластынька,
Лети за моря.
Прости-прощай, Настенька,
Дочушка моя.

Лети, сиротливая,
В чужие края.
Живи, будь счастливая,
Кровинка моя...

Надень бело платьице,
Пройдись по избе...
А что ж да не плачется,
Не горько тебе?

Поплачь, поплачь, Настенька,
Дочушка моя.
Лети, лети, ластынька,
Лети за моря.

Гармонь, гармонь, бубенчики.
— Тпру, кони! Стой, постой!
Идет жених застенчивый
Через девичий строй.

— Эх, Настя нас обидела,
Кого взяла — не видела:
Общипанного малого,
Кривого, куцопалого.

А что ж тебя заставило
Выйти замуж за старого,
За старого, отсталого,
Худого, полинялого?

У твоего миленочка
Худая кобыленочка.
Он не доехал до горы,
Ее заели комары.

Дверь — настеж. Гости — на порог,
Гармонь. И кто-то враз
В сенях рассыпал, как горох,
Поспешный, дробный пляс.

И вот за стол кленовый
Идут, идут Фроловы.

Идут, идут — брат в брата,
Грудь в грудь, плечо в плечо.

Седьмой, восьмой, девятый.
А там еще! Еще!..

Стоят середь избы —
Богатыри.
Дубы!

И — даром, что ли, славятся —
Идут, красой грозя,
Ударницы-красавицы —
Жестокие глаза.

А впереди — затейная
Аксюта Тимофеевна:
— Где стала я, где села я —
Со мной бригада целая.

Три раза премированный,
Идет Фролов Иван —
Лошадник патентованный,
До свадьбы чутку пьян.

Идет, торжествен и суров,
Как в светлый день одет,
Ста восемнадцати годов,
Мирон Васильевич Фролов —
Белоголовый дед.

На свадьбу гостем приглашен,
Где правнуки сидят.
Сам в первый раз женился он
Сто лет тому назад.

И вот встает Андрей Фролов:
— Деды, позвольте пару слов.

Деды! В своей усадьбе
И на своей земле
Когда, на чьей мы свадьбе
Гуляли здесь в селе?

Не в сытости, не в холе мы
Росли и, как везде,
Шли замуж поневоле мы,
Женились — по нужде.

Деды! Своею властью
Мы здесь, семьею всей
Справляем наше счастье
На свадьбе на своей...

За пару новобрачную,
За их любовь удачную,
За радость нашу пьем.
За то, что по хорошему,
По-новому живем!

И свадьба дружно встала,
Сам сторож речь ведет:

— За молодых и старых,
За весь честной народ!
За дочь мою, за Настю,

И за дружка ее!
За их совет, за счастье,
За доброе житье!

А также выпить следует
За нас, за стариков.
И пусть вином заведует
Андрей Ильич Фролов.

Пускай проводит линию
Он с толком и душой:
Партейным льет по маленькой,
А нам уж — по большой.

И, видно, в меру каждому
Та линия была, —
Заговорили граждане
Про всякие дела.

— С тобой, Василий Федорыч,
Кому косить пришлось, —
Одно, Василий Федорыч:
Дух вон и лапти врозь.

С тобой, Василий Федорыч,
Запросит пить любой.
А я, Василий Федорыч,
Я ж рядом шел с тобой.

— Чистов, Прокофий Павлович,
Бобыльский бывший сын.
Не жук тебе на палочке,
А честный гражданин!

— А я стою на страже
Колхозного житья.
Кто скажет, кто докажет,
Что слабый сторож я?

А сын, читали сами,
На той границе он.
Оружьем и часами
За подвиг награжден.

Живу, горжусь сынами,
Тобой горжусь, зятек...
Постойте, пьет ли с нами
Товарищ Моргунок?..

Встает Никита над столом
И утирает бороду.
Один поклон,
Другой поклон —
На ту, на эту сторону.

— Раз надо, не стою:
Пью. Откровенно пью!..

— Пей, друг, и ешь досыта,
С людьми гуляй и пей!

— Да я ж, — кричит Никита, —
Не хуже всех людей!

— Гуляй с душой открытой,
Как гость среди гостей.

— Но конь, — кричит Никита, —
Эх, нет таких коней!

— Забудь, живи счастливо,
Не хуже кони есть!..

— Горек хлеб! Горько пиво!
Нельзя пить, нельзя есть.

— Горек мед! — кричат вокруг.
— Горько все! — деды решили.

Гармонист ударил вдруг...
— Дайте круг!

— Шире круг!
Шире!
          Шире!
Шире!
          Шире!

Эх, дай на свободе
Разойтись сгоряча!.. —
Гармонист гармонь разводит
От плеча и до плеча.
Паренек чечетку точит,
Ходит задом наперед,
То присядет,
То подскочит,
То ладонью, между прочим,
По подметке
Попадет
И поднесет ладонь к груди:
— Ходи, ходи!
Ходи, ходи!
Не скрывайся в хороводе,
Выходи —
И я с тобой... —
Гармонист ведет-выводит,
Помогает головой.

Выходит девочка бедовая,
Раздайся, хоровод!
Платье беленькое, новое
В два пальчика берет.

— Меня высватать хотели,
Не сумели убедить:
Неохота из артели
Даже замуж выходить.

А ты кто такой, молодчик? —
Я спрошу молодчика. —
Ты молодчик, да не летчик,
А мне надо летчика.

У колодца
Вода льется,
Подается по трубе.
Хорошо тебе живется,
Мне не хуже, чем тебе...

— Раздайся, хоровод:
Тимофеевна идет.
— Кому девки надоели,
Тот старуху подберет.

— Ничего про вас худого,
Девочки, не думала.
Отбить парня молодого
Одного надумала.

Эх, думала,
Подумала,
Веселые дела.
Дунула,
Плюнула,
Другого завела.

Бабий век —
Сорок лет.
Шестьдесят —
Износу нет.
Если смерти не случится,
Проживу еще сто лет.

Эх, кума,
кума,
кума,
Я сама себе — сама.
Я сама себе обновку
Праздничную справила.
Я за двадцать лет коровку
На дворе поставила.

Дед стар,
стар,
стар, —
Заплетаться стал.
Никуда он не годится:
Целоваться перестал.

Проведу его, злодея,
Накажу кудлатого:
Восьмерых сынов имею,
Закажу девятого.

— Раздайся, хоровод:
Моргунок плясать идет.
Он сам итти не хочет,
Бабка за полу ведет...

Бабка задом отступает,
Заводило знак дает.
Батька сына вызывает,
Выступает наперед.

Вышли биться
Насовсем.
Батьке — тридцать,
Сыну — семь.

Батька — щелком,
Батька дробью,
Батька с вывертом пошел,
Сын за батькой исподлобья
Наблюдает, как большой.

Батька кругом,
Сын волчком,
Не уступает нипочем.

А батька — рядом,
Сын вокруг,
И не дается на испуг.
А батька — этак,
Сын вот так,
И не отходит ни на шаг.
И оба пляшут от души,
И оба вместе хороши,
И оба — в шутку и всерьез,
И оба дороги до слез.
И расстаются, как друзья...
Ах, надо б лучше, да нельзя!

Тогда, в речах не наторен,
Спокоен и суров,
Встает над свадьбой дед Мирон,
Над гулом голосов.

— Спасибо, детки. Жил бы сам,
Да время знать и честь.
Помру, кого увижу там,
Все расскажу, как есть...

И вот — еще не стихнул пол
Под крепкой дробью ног, —
То ль нищий, то ли гость взошел
Тихонько на порог.

На нем поповский балахон
Подрезан и подшит,
Зовет хозяйку в сени он,
Хлопочет и спешит.

Толкуют гости: кто такой?
Портной ли, коновал?..
У палисада серый конь
На привязи стоял.

Идет к гостям старуха мать,
Не поднимает глаз:
— Проезжий батюшка. Венчать
Согласен хоть сейчас.

Подсела робко к старику:
— Ругать повремени.
На яйца, говорит, могу,
Могу — на трудодни.

И вдруг без шапки за порог
Метнулся Моргунок.

С крыльца на двор простукал вниз
Бегом, как из огня...
И, повод оборвав, повис
На шее у коня...

Глава 19

Чуть свет — стоит в оглоблях конь
Под расписной дугой,
И крепко стянута супонь
Хозяйскою рукой.

И все давно готово в путь, —
Вожжою тронь слегка...
И хоть бы вышел кто-нибудь,
Окликнул Моргунка...

Но тихо. День еще далек,
И люди спят кругом.
И мальчик спит без задних ног,
Раскинувшись ничком.

Он спит да спит. На кой ему
Муравские края...
И снова ехать одному,
Чудить, тоску тая...

Засунул кнут, бочком присел
И тронул Моргунок,
И след зеленый по росе
До поворота лег...

От стороны, что всех родней,
За тридевять земель,
Знакомым скрипом вдруг о ней
Напомнит журавель.

Листвой и яблоками сад
Повеет на заре,
И петухи проголосят,
Как дома на дворе.

И свет такой, и дым такой,
И запахи родны,
Лишь солнце будто бы с другой
Восходит стороны...

И едет, едет, едет он,
Дорога далека.
Свет белый с четырех сторон
И сверху — облака.

Поют над полем провода,
И впереди — вдали —
Встают большие города,
Как в море корабли.

Поют над полем провода,
Понуро конь идет.
Растут хлеба. Бредут стада.
В степи дымит завод.

— Что, конь, не малый мы с тобой
По свету дали крюк?..
По той, а может, не по той
Дороге едем, друг?..

Не видно — близко ль, далеко ль,
Куда держать, чудак?
Не знаю, конь. Гадаю, конь,
Кидаю так и так...

Посмотришь там, посмотришь тут,
Что хочешь выбирай:
Где люди веселей живут,
Тот вроде лучше край...

Кладет Никита на ладонь
Всю жизнь, тоску и боль...
— Не знаю, конь. Гадаю, конь:
И нам решаться, что ль?..

За днем — в пути — проходит ночь,
Проходит день второй,
И вот на третий день, точь-в-точь,
В лощинке под горой —

Глядит и видит в стороне
Никита Моргунок:
Сидит старик на белом пне
С котомкою у ног.

У старика суровый вид,
Почтенные лета,
Дубовый посох шляпкой сбит,
Как ручка долота.

Сидит старик, глядит молчком...
Занятно Моргунку:
— На лавру, что ли, прямиком
Стучишь по холодку?

И дед неспешно отвечал,
На разговор тяжел:
— Как раз на лавру путь держал,
Однако не дошел...

— Тпру, конь!.. Да как случилось, дед,
Что ты бредешь назад?.. —
А пеший конному в ответ:
— Не то бывает, брат...

Сквозь города, сквозь села шел,
Упрям, дебел и стар,
Один, остатний богомол,
Ходок к святым местам.

И вот в пути, в дороге дед
Был помыслом смущен:
— Что ж бог, его не то чтоб нет,
Да не у власти он...

— А не слыхал ли, старина,
Скажи ты к слову мне,
Скажи, Муравская страна
В которой стороне?..

И отвечает богомол:
— Ишь, ты шутить мастак. —
Страны Муравской нету, мол.
— Как так?
— А просто так.

Была Муравская страна
И нету таковой.
Пропала, заросла она
Травою-муравой.

Зачем она, кому она,
Страна Муравская нужна,
Когда такая жизнь кругом,
Когда сподручней мне, —
И торкнул в землю посошком, —
Вот в этой жить стране?

В один конец, в другой конец
Открытый путь пролег...

— Так, говоришь, в колхоз, отец? —
Вдруг молвил Моргунок.

— По мне — верней;
Тебе — видней:
По воле действуй по своей...
— Нет, что уж думать, — говорит
Печально Моргунок. —
Все сроки вышли. Конь подбит...
Не пустят на порог.
Объехал, скажут, полстраны,
К готовому пришел...
— Для интересу взять должны, —
Толкует богомол.

— А что ты думаешь, родной! —
Повеселел ездок. —
Ну, посмеются надо мной,
А смех — он людям впрок.

Зато мне все теперь видней
На тыщи верст кругом.
Одно вот — уйму трудодней
Проездил я с конем...

— Прощай пока! — поднялся дед, —
Спешу и я, сынок...

И долго, долго смотрит вслед
Никита Моргунок.

1934—1936

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН

ОТ АВТОРА

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода
Лучше нет простой природной —
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки какой угодно,
Из ручья, из-подо льда, —
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б вода.

На войне в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.
Важно только, чтобы повар
Был бы повар парень свой,

Чтобы числился недаром,
Чтоб подчас не спал ночей,
Лишь была б она с наваром,
Да была бы с пылу, с жару —
Подобрей, погорячей,

Чтоб итти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.
Однако
Дело тут не только в щах.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой,
Без тебя, Василий Теркин,
Вася Теркин — мой герой.

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Что ж еще? И все, пожалуй.
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.

Почему так — без начала?
Потому, что сроку мало
Начинать ее сначала.
Почему же без конца?
Просто жалко молодца.

С первых дней годины горькой,
В тяжкий час земли родной
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу время, час забаве,
Дорог Теркин на войне.

Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верен счет.

Словом, книгу с середины
И начнем. А там пойдет.

НА ПРИВАЛЕ

— Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо.
Суп — во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий — это точно.

Слышь, подкинь еще одну
Ложечку такую,
Я вторую, брат, войну
На веку воюю.
Оцени, добавь чуток.

Покосился повар:
«Ничего себе едок —
Парень этот новый».
Ложку лишнюю кладет,
Молвит несердито:
— Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.

Тот: — Спасибо. Я как раз
Не бывал во флоте.

Мне бы лучше, вроде вас,
Поваром в пехоте.

И усевшись под сосной,
Кашу ест, сутулясь.

«Свой?» — бойцы между собой, —
«Свой!» — переглянулись.

И уже, пригревшись, спал
Крепко полк усталый,
В первом взводе сон пропал,
Вопреки уставу.
Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчет войны
Вел беседу Теркин.

— Вам, ребята, с серединки
Начинать. А я скажу:
Я не первые ботинки
Без починки здесь ношу.
Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки — и воюй.
А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?

— Сабантуй — какой-то праздник?
Или что там — сабантуй?

— Сабантуй бывает разный.
А не знаешь — не толкуй.

Вот под первою бомбежкой
Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался — не горюй:
Это — малый сабантуй.
Отдышись, покушай плотно,
Закури и в ус не дуй.
Хуже, брат, как минометный
Вдруг начнется сабантуй.
Тот проймет тебя поглубже, —
Землю-матушку целуй.

Но имей в виду, голубчик,
Это — средний сабантуй.

Сабантуй — тебе наука,
Враг лютует — сам лютуй.
Но совсем иная штука
Это — главный сабантуй.

Парень смолкнул на минуту,
Чтоб прочистить мундштучок,
Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...

— Вот ты вышел спозаранку,
Глянул — в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков...
— Тыща танков? Ну, брат, врешь.
— А с чего мне врать, дружище?

Рассуди — какой расчет?
— Но зачем же сразу — тыща?
— Хорошо. Пускай пятьсот.
— Ну, пятьсот. Скажи по чести,
Не пугай, как старых баб.

— Ладно. Что там триста, двести —
Повстречай один хотя б...

— Что ж, в газетке лозунг точен:
Не беги в кусты да в хлеб.
Танк — он с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп.

— То-то слеп. Лежишь в канаве,
А на сердце маята:
Вдруг как сослепу задавит, —
Ведь не видит ни черта.

Повторить согласен снова:
Что не знаешь — не толкуй.
Сабантуй — одно лишь слово —

Сабантуй. Но сабантуй
Может в голову ударить
Или, попросту, в башку.
Вот у нас один был парень...
Дайте, что ли, табачку...

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врет
Весело и складно.

В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

И несмело у него
Просят: — Ну-ка, на ночь
Расскажи еще чего,
Василий Иваныч...

Ночь глуха, земля сыра.
Чуть костер дымится.

— Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться.

К рукаву припав лицом,
На пригретом взгорке
Меж товарищей бойцов
Лег Василий Теркин.
Тяжела, мокра шинель,
Дождь работал добрый.
Крыша — небо, хата — ель.
Корни жмут под ребра.

Но не видно, чтобы он
Удручен был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на свете.
Вот он полы подтянул,

Укрывая спину,
Чью-то тещу помянул,
Печку и перину.

И приник к земле сырой,
Одолен истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.
Спит — хоть голоден, хоть сыт,
Хоть один, хоть в куче.
Спать за прежний недосып,
Спать в запас научен.

И едва ль герою снится
Всякой ночью тяжкий сон:
Как от западной границы
Отступал к востоку он,
Как прошел он, Вася Теркин,
Из запаса рядовой,
В просоленной гимнастерке
Сотни верст земли родной.

До чего земля большая,
Величайшая земля.
И была б она чужая,
Чья-нибудь, а то — своя.

Спит герой, храпит — и точка.
Принимает все, как есть.
Ну, своя — так это ж точно.
Ну, война — так я же здесь.

Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.
Может, завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Спят бойцы, как сон застал,
Под сосною впо́кат.
Часовые на постах
Мокнут одиноко.

Зги не видно. Ночь вокруг.
И бойцу взгрустнется.
Только что-то вспомнит вдруг,
Вспомнит, усмехнется,
И как будто сон пропал,
Смех прогнал зевоту.

— Хорошо, что он попал,
Теркин, в нашу роту.

Теркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.
Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде
В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.

И чтоб знали, чем силен,
Скажем откровенно:
Красотою наделен
Не был он отменной.
Не высок, не то чтоб мал,
Но герой-героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.

И не знаем, почему, —
Спрашивать не стали, —
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернем,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,
Снова Теркин на войне.

— Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.
Был в бою задет осколком,
Зажило — и столько толку.
Трижды был я окружен,
Трижды — вот он! — вышел вон.

И хоть было беспокойно —
Оставался невредим
Под огнем косым, трехслойным,
Под навесным и прямым...

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне — с места, с места — в бой.
Курит, ест и пьет со смаком
На позиции любой.

Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперед гляди.

Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

ПЕРЕД БОЕМ

— Доложу хотя бы вкратце,
Как пришлось нам в счет войны
С тыла к фронту пробираться
С той, с немецкой стороны.
Как с немецкой, с той зарецкой

Стороны, как говорят,
Вслед за властью за советской,
Вслед за фронтом шел наш брат...

Шел наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шел поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.

Полем шел, лесною кромкой,
Избегая лишних глаз,
Подходил к селу в потемках,
И служил ему котомкой
Боевой противогаз.

Шел он, серый, бородатый,
И, цепляясь за порог,
Заходил в любую хату,
Словно чем-то виноватый
Перед ней. А что он мог!

И по горькой той привычке,
Как в пути велела честь,
Он просил сперва водички,
А потом просил поесть.

Тетка — где ж она откажет?
Хоть какой, а все ж ты свой.
Ничего тебе не скажет,
Только всхлипнет над тобой,
Только молвит провожая:
— Воротиться дай вам бог...

То была печаль большая,
Как брели мы на восток.

Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя!

Шли, однако. Шел и я...

Я дорогою постылой
Пробирался не один.
Человек нас десять было,
Был у нас и командир.
Из бойцов. Мужчина дельный,
Местность эту знал вокруг.
Я ж, как более идейный,
Был там как бы политрук.

Шли бойцы за нами следом,
Покидая пленный край.
Я одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.

Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не помрем.
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — все вернем.

Самого б меня спросили,
Ровно столько знал и я,
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?

Командир шагал угрюмо,
Тоже, исподволь смотрю,
Что-то он все думал, думал...
— Брось ты думать, — говорю.
Говорю ему душевно.
Он в ответ и молвит вдруг:
— По пути моя деревня,
Как ты мыслишь, политрук?

Что ответить? Как я мыслю?
Вижу, парень прячет взгляд,
Сам поник, усы обвисли.
Ну, а чем он виноват,

Что деревня по дороге,
Что душа заныла в нем?
Тут какой бы ни был строгий,
А сказал бы ты: «Зайдем...»

Встрепенулся ясный сокол,
Бросил думать, начал петь.
Впереди идет далеко,
Оторвался — не поспеть.
А пришли туда мы поздно,
И задами, коноплей,
Осторожный и серьезный,
Вел он всех к себе домой.

Вот как было с нашим братом,
Что попал домой с войны:
Заходи в родную хату,
Пробираясь вдоль стены.

Знай вперед, что толку мало
От родимого угла,
Что война и тут ступала,
Впереди тебя прошла,
Что тебе своей побывкой
Не порадовать жену:
Забежал, поспал урывком,
Догоняй опять войну...

Вот хозяин сел, разулся,
Руку правую — на стол,
Будто с мельницы вернулся,
С поля к ужину пришел.
Будто так, а все иначе...

— Ну, жена, топи-ка печь,
Всем довольствием горячим
Мне команду обеспечь.

Дети спят. Жена хлопочет
В горький, грустный праздник свой.
Как ни мало этой ночи,
А и та — не ей одной.

Расторопными руками
Жарит, варит поскорей,
Полотенца с петухами
Достает, как для гостей.

Напоила, накормила,
Уложила на покой,
Да с такой заботой милой,
С доброй лаской такой,
Словно мы иной порою
Завернули в этот дом,
Словно были мы герои,
И не малые притом.

Сам хозяин, старший воин,
Что сидел среди гостей,
Вряд ли был когда доволен
Так хозяйкою своей.

Вряд ли всей она ухваткой
Хоть когда-нибудь была,
Как при этой встрече краткой,
Так родна и так мила.

И болел он, парень честный,
Понимал, отец семьи,
На кого в плену безвестном
Покидал жену с детьми...

Кончив сборы, разговоры,
Улеглись бойцы в дому.
Лег хозяин. Но не скоро
Подошла она к нему.

Тихо звякала посудой,
Что-то шила при огне.
А хозяин ждет оттуда,
Из угла.
Неловко мне.

Все товарищи уснули,
А меня не гнет ко сну.

Дай-ка лучше в карауле
На крылечке прикорну.

Взял шинель да, по присловью,
Смастерил себе постель,
Что под низ, и в изголовье,
И наверх, — и все — шинель.

Эх, суконная, казенная,
Военная шинель, —
У костра в лесу прожженная,
Отменная шинель.

Знаменитая, пробитая
В бою огнем врага
Да своей рукой зашитая, —
Кому не дорога!

Упадешь ли, как подкошенный,
Пораненный, наш брат,
На шинели той поношенной
Снесут тебя в санбат.

А убьют — так тело мертвое
Твое с другими в ряд
Той шинелкою потертою
Укроют — спи, солдат!

Спи, солдат, при жизни краткой
Ни в дороге, ни в дому
Не пришлось поспать порядком
Ни с женой, ни одному.
На крыльцо хозяин вышел.
Той мне ночи не забыть.

— Ты чего?
— А я дровишек
Для хозяйки нарубить.

Вот не спится человеку,
Словно дома — на войне.
Зашагал на дровосеку,
Рубит хворост при луне.
Тюк да тюк. До света рубит.
Коротка солдату ночь.
Знать, жену жалеет, любит,
Да не знает, чем помочь.
Рубит, рубит. На рассвете
Покидает дом боец.

А под свет проснулись дети,
Поглядят — пришел отец.
Поглядят — бойцы чужие,
Ружья разные, ремни.
И ребята, как большие,
Словно поняли они.

И заплакали ребята.
И подумать было тут:
Может, нынче в эту хату
Немцы с ружьями войдут...

И доныне плач тот детский
В ранний час лихого дня
С той немецкой, с той зарецкой
Стороны зовет меня.

Я б мечтал не ради славы
Перед утром боевым,
Я б желал на берег правый,
Бой пройдя, вступить живым.

И скажу я без утайки,
Приведись мне там итти,
Я хотел бы к той хозяйке
Постучаться по пути,
Попросить воды напиться —
Не затем, чтоб сесть за стол,
А затем, чтоб поклониться
Доброй женщине простой.

Про хозяина ли спросит —
«Полагаю — жив, здоров».
Взять топор, шинелку сбросить,
Нарубить хозяйке дров.

Потому — хозяин-барин
Ничего нам не сказал.
Может, нынче землю парит,
За которую стоял...

Впрочем, что там думать, братцы
Надо немца бить спешить.
Вот и все, что Теркин вкратце
Вам имеет доложить.

ПЕРЕПРАВА

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода, —
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лед,
Погрузился на понтоны
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошел. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыхнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу — будто не они,
Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то все дружней и строже,
Как-то все тебе дороже
И родней, чем час назад...

Поглядеть — и впрямь — ребята!
Как, по правде, желторот,
Холостой ли он, женатый,
Этот стриженый народ.

Но уже идут ребята,
На войне живут бойцы,
Как когда-нибудь в двадцатом
Их товарищи — отцы.

Тем путем идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьем кремневым
Русский труженик-солдат.
Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишьих глаз
Смерть в бою свистела часто,
И минет ли в этот раз?

Налегли, гребут, потея,
Управляются с шестом,
А вода ревет правее —
Под подорванным мостом.

Вот уже на середине
Их относит и кружит...

А вода ревет в теснине,
Жухлый лед в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы
Бьется в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достает шестом земли.
Позади шумит протока,
И кругом — чужая ночь,
И уже он так далеко,
Что ни крикнуть, ни помочь.
И чернеет там зубчатый
За холодною чертой
Неподступный, непочатый
Лес над черною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.
Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересек наискосок,

И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженых ребят...

И увиделось впервые,
Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

Под огнем неразбериха —
Где свои, где кто, где связь?

Только вскоре стало тихо, —
Переправа сорвалась.

И покамест неизвестно,
Кто там робкий, кто герой,
Кто там парень расчудесный,
А наверно, был такой.

Переправа, переправа...
Темень, холод. Ночь как год.
Но вцепился в берег правый,
Там остался первый взвод.

И о нем молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудою взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И усталая с похода,
Что б там ни было, — жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, по́том,
Мерзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом, —
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперед и ни назад...

А, быть может, там с полночи
Порошит снежок им в очи
И уже давно
Он не тает в их глазницах
И пыльцой лежит на лицах —
Мертвым все равно.

Стужи, холода не слышат,
Смерть за смертью не страшна,
Хоть еще паек им пишет
Первой роты старшина.

Старшина паек им пишет,
А по почте полевой
Не быстрей идут, не тише
Письма старые домой,
Что еще ребята сами
На привале, при огне,
Где-нибудь в лесу писали
Друг у друга на спине...

Из Рязани, из Казани,
Из Сибири, из Москвы —
Спят бойцы. Свое сказали
И уже навек правы.
И тверда, как камень, груда,
Где застыли их следы...

Может так, а может — чудо?

Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеды.

Долги ночи, жестки зори
В ноябре — к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодною водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось, что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят, маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

— Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маята.

— Не пловец ли одиночка?
— Шутишь, брат. Вода не та!
— Да, вода. Помыслить страшно.
Даже рыбам холодна.
— Не из наших ли вчерашних
Поднялся какой со дна?..

Оба разом присмирели.
И сказал один боец:
— Нет, он выплыл бы в шинели,
С полной выкладкой, мертвец.

Оба здорово продрогли,
Как бы ни было, — впервой.

Подошел сержант с биноклем,
Присмотрелся: нет, живой.
— Нет, живой. Без гимнастерки.
— А не фриц? Не к нам ли в тыл?
— Нет. А может, это Теркин? —
Кто-то робко пошутил.

— Стой, ребята, не соваться,
Толку нет спускать понтон.
— Разрешите попытаться?
— Что пытаться!
— Братцы, — он!
И у заберегов корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Теркин,
Встал живой, — добрался вплавь.
Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.
Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?

Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнем
Встанем, ноги разомнем.
Что там есть, перекалечим,
Переправу обеспечим...

Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.

— Молодец, — сказал полковник. —
Молодец! Спасибо, брат...

И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А еще нельзя ли стопку,
Потому как молодец?

Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.

— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.
Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

О ВОЙНЕ

— Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяноста.
А война — про все забудь
И пенять не вправе.
Собирался в дальний путь,
Дан приказ: — Отставить! —
Грянул год, пришел черед,
Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.
От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия.

И поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутерьмы
Некуда податься.

Тут не скажешь: я — не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.
Не велик тебе расчет
Думать в одиночку.

Бомба — дура. Попадет
Сдуру прямо в точку.
На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела — грудь на грудь,
Драка — значит, драка.

И признать не премину,
Дам свою оценку,
Тут не то, что в старину, —
Стенкою на стенку.
Тут не то, что на кулак:
Поглядим, чей дюже, —
Я сказал бы даже так:
Тут гораздо хуже...

Ну да что о том судить,
Ясно все до точки.
Надо, братцы, немца бить,
Не давать отсрочки.
Раз война — про все забудь
И пенять не вправе,
Собирался в долгий путь,
Дан приказ: — Отставить!

Сколько жил — на том конец,
От хлопот свободен.
И тогда ты — тот боец,
Что для боя годен,

И пойдешь в огонь любой,
Выполнишь задачу.
И глядишь — еще живой
Будешь сам впридачу.

А застигнет смертный час,
Значит, номер вышел.
В рифму что-нибудь про нас
После нас напишут.
Пусть приврут хоть во сто крат,
Мы к тому готовы,
Лишь бы дети, говорят,
Были бы здоровы...

ТЕРКИН РАНЕН

На могилы, рвы, канавы,
На клубки колючки ржавой,
На поля, холмы дырявой,
Изувеченной земли,
На болотный лес корявый,
На кусты — снега легли.

И густой поземкой белой
Ветер поле заволок.
Вьюга в трубах обгорелых
Загудела у дорог.

И в снегах непроходимых
Эти мирные края
В эту памятную зиму
Орудийным пахли дымом,
Не людским дымком жилья.

И в лесах, на мерзлой груде,
По землянкам без огней,
Возле танков и орудий
И простуженных коней
На войне встречали люди
Долгий счет ночей и дней.

И лихой, нещадной стужи
Не бранили, как ни зла:
Лишь бы немцу было хуже,
О себе ли речь там шла!

И желал наш добрый парень:
Пусть померзнет немец-барин,
Немец-барин не привык,
Русский стерпит — он мужик.

Шумным хлопом рукавичным,
Топотней по целине
Спозаранку день обычный
Начинался на войне.

Чуть вился дымок несмелый,
Оживал костер с трудом,
В закоптелый бак гремела
Из ведра вода со льдом.

Утомленные ночлегом,
Шли бойцы из всех берлог
Греться бегом, мыться снегом,
Снегом жестким, как песок.

А потом — гуськом по стежке,
Соблюдая свой черед,
Котелки забрав и ложки,
К кухням шел за взводом взвод.

Суп досыта, чай до пота,
Жизнь, как жизнь.
И опять война — работа:
— Становись!

Вслед за ротой на опушку
Теркин движется с катушкой,
Разворачивает снасть, —
Приказали делать связь.

Рота головы пригнула,
Снег чернеет от огня.
Теркин крутит: — Тула, Тула!
Тула, слышишь ты меня?

Подмигнув бойцам украдкой:
Мол, у нас да не пойдет, —
Дунул в трубку для порядку,
Командиру подает.

Командиру все в привычку —
Голос в горсточку, как спичку,
Трубку книзу, лег бочком,
Чтоб поземкой не задуло.

Все в порядке.
— Тула, Тула,
Помогите огоньком...

Не расскажешь, не опишешь,
Что за жизнь, когда в бою
За чужим огнем расслышишь
Артиллерию свою.

Воздух круто завивая,
С недалекой огневой
Ахнет, ахнет полковая,
Запоет над головой,
А с позиций отдаленных,
Сразу будто бы не в лад,
Ухнет вдруг дивизионной
Доброй матушки снаряд.
И пойдет, пойдет на славу,
Как из горна, жаром дуть,
С воем, с визгом шепелявым
Расчищать пехоте путь,
Бить, ломать и жечь в окружку.
Деревушка! — Деревушку.
Дом — так дом. Блиндаж — блиндаж.
Врешь, не высидишь — отдашь!
А еще остался кто там,
Запорошенный песком,
Погоди, встает пехота,
Дай достать тебя штыком.

Вслед за ротою стрелковой
Теркин дальше тянет провод.
Взвод — за валом огневым,
Теркин с ходу — вслед за взводом,
Топит провод, точно в воду,
Жив-здоров и невредим.

Вдруг из кустиков корявых,
Взрытых, вспаханных кругом, —
Чох! — снаряд за вспышкой ржавой.
Теркин — тотчас в снег ничком.

Вдался вглубь, лежит — не дышит,
Сам не знает: жив, убит?
Всей спиной, всей кожей слышит.
Как снаряд в снегу шипит...
Хвост овечий — сердце бьется,
Расстается с телом дух.
«Что ж он, чорт, лежит — не рвется,
Ждать мне больше недосуг».

Приподнялся — глянул косо.
Он почти у самых ног —
Гладкий, круглый, тупоносый,
И над ним — сырой дымок.

Сколько б душ рванул на выброс
Вот такой дурак слепой
Неизвестного калибра —
С поросенка на убой.

Оглянулся воровато,
Подивился — смех и грех:
Все кругом лежат ребята,
Закопавшись носом в снег.

Теркин встал, такой ли ухарь,
Отряхнулся, принял вид:
— Хватит, хлопцы, землю нюхать,
Не годится, — говорит.

Сам стоит с воронкой рядом
И у хлопцев на виду,
Обратясь к тому снаряду,
Справил малую нужду...

Видит Теркин погребушку, —
Не оттуда ль пушка бьет?
Передал бойцам катушку:
— Вы — вперед. А я — в обход.

С ходу двинул в дверь гранатой,
Спрыгнул вниз, пропал в дыму.

— Офицеры и солдаты,
Выходи по одному!..

Тишина. Полоска света.
Что там дальше — поглядим.
Никого, похоже, нету.
Никого. И я один.

Гул разрывов, словно в бочке,
Отдается в глубине.
Дело дрянь: другие точки
Бьют по занятой. По мне.
Бьют не плохо, спору нету.
Добрым словом помяни
Хоть за то, что погреб этот
Прочно сделали они.
Прочно сделали, надежно —
Тут не то что воевать,
Тут, ребята, чай пить можно,
Стенгазету выпускать.

Осмотрелся, точно в хате:
Печка теплая в углу,
Вдоль стены идут полати,
Банки, склянки на полу.
Непривычный, непохожий
Дух обжитого жилья:
Табаку, одежи, кожи
И солдатского белья.

Снова сунутся? Ну что же,
В обороне нынче — я...
На прицеле вход и выход,
Две гранаты под рукой.

Смолк огонь. И стало тихо.
И идут — один, другой...

Теркин, стой. Дыши ровнее,
Теркин, ближе подпусти.
Теркин, целься. Бей вернее,

Теркин. Сердце, не части.
Рассказать бы вам, ребята,
Хоть не верь глазам своим,
Как немецкого солдата
В двух шагах видал живым.
Подходил он в чем-то белом,
Наклонившись от огня,
И как будто дело делал —
Шел ко мне — убить меня.

В этот ровик, точно с печки,
Стал спускаться на заду...
Теркин, друг, не дай осечки.
Пропадешь, — имей в виду.

За секунду до разрыва,
Знать, хотел подать пример:
Прямо в ровик спрыгнул живо
В полушубке офицер.
И поднялся незадетый,
Цельный. Ждем за косяком.
Офицер — из пистолета,
Теркин — в мягкое — штыком.
Сам присел, присел тихонько,
Повело его легонько.
Тронул правое плечо.
Ранен. Мокро. Горячо.

И рукой коснулся пола:
Кровь — чужая иль своя?

Тут как даст вблизи тяжелый,
Аж подвинулась земля.
Вслед за ним другой ударил,
И темнее стало вдруг.

Это — наши, понял парень,
Наши бьют, теперь каюк.

Оглушенный тяжким гулом,
Теркин никнет головой.
Тула, Тула, что ж ты, Тула,
Тут же свой боец живой.
Он сидит за стенкой дзота,
Кровь течет, рукав набряк.
Тула, Тула, неохота
Помирать ему вот так.
На полу в холодной яме
Неохота нипочем
Гибнуть с мокрыми ногами,
Со своим больным плечом.
Жалко жизни той, приманки,
Малость хочется пожить,
Хоть погреться на лежанке,
Хоть портянки просушить...

Теркин сник. Тоска согнула.
Тула, Тула... Что ж ты, Тула?
Тула, Тула. Это ж я...
Тула... Родина моя.

А тем часом издалека,
Глухо, как из-под земли,
Ровный, дружный, тяжкий рокот
Надвигался, рос. С востока
Танки шли.

Низкогрудый, плоскодонный,
Отягченный сам собой,
С пушкой, в душу наведенной,
Страшен танк, идущий в бой.

А за грохотом и громом,
За броней стальной сидят,
По местам сидят, как дома,
Трое-четверо знакомых
Наших стриженых ребят.
И пускай в бою впервые,
Но ребята — свет пройди.
Ловят в щели смотровые
Кромку поля впереди.

Видят — вздыбился разбитый,
Развороченный накат.
Крепко бито. Цель накрыта.
Ну, а вдруг как там сидят!
Может быть, притих до срока
У орудия расчет?
Развернись машина боком —
Бронебойным припечет.
Или немец с автоматом,
Лезть наружу не дурак,
Там следит за нашим братом,
Выжидает. Как не так!
Двое вслед за командиром
Вниз — с гранатой — вдоль стены.
Тишина. Углы темны...

— Хлопцы, занята квартира, —
Слышат вдруг из глубины.

Не обман, не вражьи шутки,
Голос вправдашный, родной.
— Пособите. Вот уж сутки
Точка данная за мной.

В темноте, в углу каморки
На полу боец в крови.
Кто такой? Но смолкнул Теркин.
Как там хочешь, так зови.
Он лежит с лицом землистым,
Не моргнет, хоть глаз коли.
В самый срок его танкисты
Подобрали, повезли.

Шла машина в снежной дымке,
Ехал Теркин без дорог,
И держал его в обнимку
Хлопец — башенный стрелок.
Укрывал своей одежей,
Грел дыханьем. Не беда,
Что в глаза его, быть может,
Не увидит никогда...

Свет пройди, нигде не сыщешь,
Не случалось видеть мне
Дружбы той святей и чище,
Что бывает на войне.

О НАГРАДЕ

— Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.
На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.
Буду ль жив еще? — Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчет медали:
Мне ее тогда подай.
Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришел с войны.

Вот пришел я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришел, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.
Я в другой колхоз и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

И явившись на вечерку,
Хоть не гордый человек,
Я б не стал курить махорку,
А достал бы я «Казбек».
И сидел бы я, ребята,
Там как раз, друзья мои,
Где мальцом под лавку прятал

Ноги босые свои.
И дымил бы папиросой,
Угощал бы всех вокруг.
И на всякие вопросы
Отвечал бы я не вдруг.

Как, мол, что? — Бывало всяко.
Трудно все же? — Как когда.
Много раз ходил в атаку?
— Да, случалось иногда.

И девчонки на вечерке
Позабыли б всех ребят,
Только слушали б девчонки,
Как ремни на мне скрипят.
И шутил бы я со всеми,
И была б меж них одна...

И медаль на это время
Мне, друзья, вот так нужна!
Ждет девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...

— Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка — самый цвет.
— Нет, — сказал Василий Теркин.
И вздохнул. И снова: — Нет.
Нет, ребята. Что там орден,
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль...

Теркин, Теркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг, не мало,
Загадал далеко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвой.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Теркин,
Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету права
Побывать в родном селе.

Страшный бой идет, кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

ГАРМОНЬ

По дороге прифронтовой,
Запоясан, как в строю,
Шел боец в шинели новой,
Догонял свой полк стрелковый,
Роту первую свою.

Шел легко, и даже браво,
По причине по такой,
Что махал своею правой,
Как и левою рукой.

Отлежался. Да к тому же
Щелкал по лесу мороз,
Защемлял в пути все туже,
Подгонял, подмышки нес.

Вдруг — сигнал за поворотом,
Дверцу выбросил шофер,
Тормозит:
— Садись, пехота,
Щеки снегом бы натер.
Далеко ль?

— На фронт обратно.
Руку вылечил.
— Понятно.
Не герой?
— Покамест, нет.
— Доставай тогда кисет.

Курят, едут. Гроб — дорога.
Меж сугробами — тоннель.
Чуть ли что — свернешь немного,
Как свернул — снимай шинель.

— Хорошо, как есть лопата.
— Хорошо, а то беда.
— Хорошо — свои ребята,
— Хорошо, да как когда.

Грузовик гремит трехтонный,
Вдруг колонна впереди.
Будь бы пеший или конный,
А с машиной — стой и жди.

С толком пользуйся стоянкой.
Разговор — не разговор.
Наклонился над баранкой, —
Смолк шофер.
Заснул шофер.

Сколько суток полусонных,
Сколько верст в пурге слепой
На дорогах занесенных
Он оставил за собой...

От глухой лесной опушки
До невидимой реки
Встали танки, кухни, пушки,
Тягачи, грузовики,
Легковые — криво, косо,
В ряд, не в ряд, вперед-назад.
Гусеницы и колеса
На снегу еще визжат.

На просторе ветер резок,
Зол мороз вблизи железа,
Дует в душу, входит в грудь —
Не дотронься как-нибудь.

— Вот беда: во всей колонне
Завалящей нет гармони,
А мороз — ни стать ни сесть...

Снял перчатки, трет ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть.

Уминая снег зернистый,
Впеременку — пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги про запас.

— У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь, браток... —
Оглянулся виновато
На водителя стрелок.

— Так сыграть бы на дорожку?
— Да сыграть — оно не вред.
— В чем же дело? Чья гармошка?
— Чья была, того, брат, нет.

И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
— Командир наш был любитель...
Схоронили мы его.

— Так... — С неловкою улыбкой
Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой
Нехотя обидел вдруг.

Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:
— Я считал, сыграть-то можно,
Думал, что ж ее беречь.

А стрелок:
— Вот в этой башне
Он сидел в бою вчерашнем...
Трое — были мы друзья.

— Да нельзя, так уж нельзя.
Я ведь сам понять умею,
Я вторую, брат, войну...
И ранение имею
И контузию одну.

И опять же — посудите —
Может, завтра — с места в бой.
— Знаешь, что, — сказал водитель, —
Ну, сыграй ты, шут с тобой.

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно — гармонист.
Для началу, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

Позабытый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив.

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь.
И кому какое дело —
Кто играет, чья гармонь!

Только двое тех танкистов,
Тот водитель и стрелок
Все глядят на гармониста —
Словно что-то невдомек.

Что-то чудится ребятам,
В снежной крутится пыли.
Будто виделись когда-то,
Словно где-то подвезли...
И, сменивши пальцы быстро,
Он как будто на заказ
Здесь повел о трех танкистах,
Трех товарищах рассказ.

Не про них ли слово в слово,
Не о том ли песня вся.
И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
Ах, какой вы, все ребята,
Молодой еще народ.

Я не то еще сказал бы —
Про себя поберегу,
Я не так еще сыграл бы, —
Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
И, давайте, я на шутку
Это все переведу.

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.
— Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.

Отморозил парень пальцы,
Надо помощь скорую.
— Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять долой перчатку,
Оглянулся молодцом
И как будто ту трехрядку
Повернул другим концом.

И забыто — не забыто,
Да не время вспоминать,
Где и кто лежит убитый
И кому еще лежать.

И кому траву живому
На земле топтать потом,
До жены прийти, до дому, —
Где жена и где тот дом?

Плясуны на пару пара
С места кинулися вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

— Веселей кружитесь, дамы!
— На носки не наступать!
И бежит шофер тот самый,
Опасаясь опоздать.

Чей кормилец, чей поилец,
Где пришелся ко двору?
Крикнул так, что расступились:
— Дайте мне, а то помру...

И пошел, пошел работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечерке
Половицы гнет в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.

Подает за штукой штуку:
— Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощеный круг!
Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому — каюк!

А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,
С места — в воду и в огонь.
Все, что может быть на свете,
Хоть бы что — гудит гармонь.

Выговаривает чисто,
До души доносит звук.
И сказали два танкиста
Гармонисту:
— Знаешь, друг...
Не знакомы ль мы с тобою?
Не тебя ли это, брат,
Что-то помнится, из боя
Доставляли мы в санбат?
Вся в крови была одежа
И просил ты пить да пить...

Приглушил гармонь:
— Ну что же,
Очень даже может быть.
— Нам теперь стоять в ремонте.
У тебя маршрут иной.
— Это точно.
— А гармонь-то,
Знаешь что, — бери с собой.

Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак,
Весели свою пехоту...
— Что вы, хлопцы, как же так?..

— Ничего, — сказал водитель, —
Так и будет. Ничего.
Командир наш был любитель,
Это — память про него...

И с опушки отдаленной
Из-за тысячи колес
Из конца в конец колонны:
«По машинам!» — донеслось.

И опять увалы, взгорки,
Снег да елки с двух сторон.
Едет дальше Вася Теркин, —
Это был, конечно, он...

ДВА СОЛДАТА

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гудит война.
На печи в избе старуха,
Дед-хозяин у окна.

Рвутся мины. Звук знакомый
Отзывается в спине.
Это значит — Теркин дома,
Теркин снова на войне.

А старик как будто ухом
По привычке не ведет.
— Перелет! Лежи, старуха. —
Или скажет:
— Недолет...

На печи, забившись в угол,
Та следит исподтишка

С уважительным испугом
За повадкой старика,
С кем жила — не уважала,
С кем бранилась на печи,
От кого всегда держала
По хозяйству все ключи.

А старик, одевшись в шубу
И в очках подсев к столу,
Как от клюквы кривит губы —
Точит старую пилу.

— Вот не режет, точишь, точишь, —
Не берет, ну, что ты хочешь!..
Теркин встал:
— А может, дед,
У нее развода нет?

Сам пилу берет:
— А ну-ка...
И в руках его пила,
Точно поднятая щука,
Острой спинкой повела.

Повела, повисла кротко.
Теркин щурится:
— Ну, вот.
Поищи-ка, дед, разводку,
Мы ей сделаем развод.

Посмотреть — и то отрадно:
Завалящая пила
Так-то ладно, так-то складно
У него в руках прошла.
Обернулась — и готово.
— На-ко, дед, бери, смотри.
Будет резать лучше новой,
Зря инструмент не кори.

И хозяин виновато
У бойца берет пилу.

— Вот что значит мы, солдаты, —
Ставит бережно в углу.

А старуха:
— Слаб глазами,
Стар годами мой солдат.
Поглядел бы, что с часами,
С той войны еще стоят...

Снял часы, глядит: машина,
Точно мельница, в пыли.
Паутинами пружины
Пауки обволокли.

Их повесил в хате новой
Дед-солдат давным-давно:
На стене простой сосновой
Так и светится пятно.

Осмотрев часы детально, —
Все ж часы, а не пила, —
Мастер тихо и печально
Посвистел:
— Плохи дела...
Но куда-то шильцем сунул,
Что-то высмотрел в пыли,
Внутрь куда-то дунул, плюнул, —
Что ты думаешь? — пошли!
Крутит стрелку, ставит пятый,
Час, другой, вперед, назад.

— Вот что значит мы, солдаты, —
Прослезился дед-солдат.
Дед растроган, а старуха,
Отслонив ладонью ухо,
С печки слушает:
— Идут!
Ну и парень, ну и шут... —
Удивляется. А парень
Услужить еще не прочь.

— Может, сало надо жарить?
Так опять могу помочь.

Тут старуха застонала:
— Сало, сало! Где там сало...

Теркин:
— Бабка, сало здесь.
Не был немец — значит, есть! —
И добавил, выжидая,
Глядя под ноги себе:
— Хочешь, бабка, угадаю,
Где лежит оно в избе?

Бабка охнула тревожно,
Завозилась на печи.
— Бог с тобою, разве можно...
Помолчи уж, помолчи.

А хозяин плутовато
Гостя под локоть тишком:
— Вот что значит мы, солдаты,
А ведь сало под замком.

Ключ старуха долго шарит,
Лезет с печки, сало жарит
И, страдая до конца,
Разбивает два яйца.

Эх, яичница! Закуски
Нет полезней и прочней.
Полагается по-русски
Выпить чарку перед ней.

— Ну, хозяин, понемножку,
По одной, как на войне.
Это доктор на дорожку
Для здоровья выдал мне.

Отвинтил у фляги крышку:
— Пей, отец, не будет лишку.

Поперхнулся дед-солдат.
Подтянулся:
— Виноват!..
Крошку хлебушка понюхал.
Пожевал — и сразу сыт.

А боец, тряхнув над ухом
Тою флягой, говорит:

— Рассуждая так ли, сяк ли,
Все равно такою каплей
Не согреть бойца в бою.

Будьте живы!
— Пейте.
— Пью...

И сидят они по-братски
За столом, плечо в плечо.
Разговор ведут солдатский,
Дружно спорят, горячо.

Дед кипит:
— Позволь, товарищ,
Что ты валенки мне хвалишь?
Разреши-ка доложить.
Хороши? А где сушить?
Не просушишь их в землянке,
Нет, ты дай-ка мне сапог,
Да суконные портянки
Дай ты мне, — тогда я бог!

Снова где-то на задворках
Мерзлый грунт боднул снаряд.
Как ни в чем — Василий Теркин,
Как ни в чем — старик-солдат.

— Эти шутки в жизни нашей, —
Дед расхвастался, — пустяк!
Нам осколки даже в каше
Попадались. Точно так.

Попадет, откинешь ложкой,
А в тебя — так и мертвец.
— Но не знали вы бомбежки,
Я скажу тебе, отец.

— Это верно, тут наука,
Тут напротив не попрешь.
А скажи, простая штука
Есть у вас?
— Какая?
— Вошь.

И макая в сало коркой,
Продолжая ровно есть,
Улыбнулся вроде Теркин
И сказал:
— Частично есть...
— Значит, есть? Тогда ты воин.
Рассуждать со мной достоин.
Ты — солдат, хотя и млад,
А солдат солдату — брат.
И скажи мне откровенно,
Да не в шутку, а всерьез.
С точки зрения военной
Отвечай на мой вопрос.
Отвечай: побьем мы немца
Или, может, не побьем?

— Погоди, отец, наемся,
Закушу, скажу потом.

Ел он много, но не жадно,
Отдавал закуске честь,
Так-то ладно, так-то складно,
Поглядишь — захочешь есть.

Всю зачистил сковородку,
Встал, как будто вдруг подрос,
И платочек к подбородку,
Ровно сложенный, поднес.
Отряхнул опрятно руки

И, как долг велит в дому,
Поклонился и старухе
И солдату самому.

Молча в путь запоясался,
Осмотрелся — все ли тут?
Честь по чести распрощался,
На часы взглянул: идут!
Все припомнил, все проверил,
Подогнал и под конец
Он вздохнул у самой двери
И сказал:
— Побьем, отец...

В поле вьюга-завируха,
В трех верстах гремит война.
На печи в избе — старуха,
Дед-хозяин у окна.

В глубине родной России,
Против ветра, грудь вперед,
По снегам идет Василий
Теркин. Немца бить идет.

О ПОТЕРЕ

Потерял боец кисет,
Заискался, — нет и нет.

Говорит боец:
— Досадно.
Столько вдруг свалилось бед:
Потерял семью. Ну ладно.
Нет, так нà тебе — кисет!
Запропастился куда-то,
Хвать-похвать, пропал и след.
Потерял и двор и хату.
Хорошо. И вот — кисет.
Кабы годы молодые,

А не целых сорок лет...
Потерял края родные,
Все на свете и кисет.
Посмотрел с тоской вокруг:
— Без кисета, как без рук.

В неприютном школьном доме —
Мужики, не детвора.
Не за партой — на соломе,
Перетертой, как костра.

Спят бойцы, кому досуг.
Бородач горюет вслух:
— Без кисета у махорки
Вкус не тот уже. Слаба!
Вот судьба, товарищ Теркин. —
Теркин:
— Что там за судьба!
Так случиться может с каждым, —
Возразил бородачу, —
Не такой со мной однажды
Случай был. И то молчу. —
И молчит, сопит сурово.
Кое-где привстал народ.
Из мешка из вещевого
Теркин шапку достает.
Просто шапку меховую,
Той подругу боевую,
Что сидит на голове.
Есть одна. Откуда две?

— Привезли меня на танке, —
Начал Теркин, — сдали с рук.
Только нет моей ушанки.
Непорядок чую вдруг.

И не то чтоб стало зябко,
Просто гордость у меня.
Потому — боец без шапки —
Не боец. Как без ремня.

А девчонка перевязку
Нежно делает, с опаской,
И, видать, сама она
В этом деле зелена.

— Шапку, шапку мне, иначе
Не поеду! — Вот дела.
Так кричу, почти что плачу,
Рана трудная была.

А она, девчонка эта,
Словно «баюшки-баю»:
— Шапки вашей, молвит, нету,
Я вам шапку дам свою.

Наклонилась и надела.
— Не волнуйтесь, — говорит
И своей ручонкой белой
Обкололась: был небрит.

Сколько в жизни всяких шапок
Я носил уже — не счесть.
Но у этой даже запах
Не такой какой-то есть...

— Ишь ты, выдумал примету.
— Слышал звон издалека.
— А зачем ты шапку эту
Сохраняешь?
— Дорога.
Дорога бойцу, как память.
А еще сказать могу
По секрету, между нами, —
Шапку с целью берегу.
И в один прекрасный вечер
Вдруг случится разговор:
«Разрешите вам при встрече
Головной вручить убор...»

Сам привстал Василий с места
И под смех бойцов густой,

Как на сцене, с важным жестом
Обратился будто к той,
Что пять слов ему сказала,
Что таких ребят, как он,
За войну перевязала,
Может, целый батальон.

— Ишь, какие знает речи,
Из каких политбесед:
«Разрешите вам при встрече...»
Вон тут что. А ты — кисет.

— Что ж, понятно, холостому
Много лучше на войне:
Нет тоски такой по дому,
По детишкам, по жене.

— Холостому? Это точно.
Это ты как угадал.
Но поверь, что я нарочно
Не женился. Я, брат, знал!

— Что ты знал! Кому другому
Знать бы лучше наперед,
Что уйдет солдат из дому,
А война домой придет.
Что пройдет она потопом
По лицу земли живой
И заставит рыть окопы
Перед самою Москвой.
Что ты знал!..

— А ты постой-ка,
Не гляди, что с виду мал.
Я не столько,
Не полстолько, —
Четверть столько! —
Только знал.
Ничего, что я в колхозе,
Не в столице курс прошел.

Жаль, гармонь моя в обозе,
Я бы лекцию прочел.
Разреши одно отметить,
Мой товарищ и сосед:
Сколько лет живем на свете?
Двадцать пять! А ты — кисет.

Бородач под смех и гомон
Роет вновь труху-солому,
Перещупал все вокруг:
— Без кисета, как без рук...

— Без кисета несомненно,
Ты боец уже не тот.
Раз кисет — предмет военный,
На-ко мой, не подойдет?
Принимай, я добрый парень.
Мне не жаль. Не пропаду.
Мне еще пять штук подарят
В наступающем году.

Тот берет кисет потертый.
Как дитя, обновке рад...
И тогда Василий Теркин
Словно вспомнил:
— Слушай, брат.
Потерять семью не стыдно —
Не твоя была вина.
Потерять башку — обидно,
Только что ж, на то война.
Потерять кисет с махоркой,
Если некому пошить,
Я не спорю, — тоже горько,
Тяжело, но можно жить,
Пережить беду-проруху,
В кулаке держать табак.
Но Россию, мать-старуху,
Нам терять нельзя никак.

Наши деды, наши дети,
Наши внуки не велят.

Сколько лет живем на свете?
Тыщу?.. Больше! То-то, брат!
Сколько жить еще на свете, —
Год иль два, иль тыщи лет, —
Мы с тобой за все в ответе.
То-то, брат! А ты — кисет...

ПОЕДИНОК

Немец был силен и ловок,
Ладно скроен, крепко сшит,
Он стоял, как на подковах,
Не пугай — не побежит.

Сытый, бритый, береженый,
Дармовым добром кормленный,
На войне, в чужой земле
Отоспавшийся в тепле,

Он ударил, не стращая,
Бил, чтоб сбить наверняка.
И была, как кость, большая
В русской варежке рука...

Не играл со смертью в прятки, —
Взялся — бейся и молчи, —
Теркин знал, что в этой схватке
Он слабей: не те харчи.

Есть войны закон не новый:
В отступленье — ешь ты вдоволь,
В обороне — так ли, сяк,
В наступленье — натощак.

Немец стукнул так, что челюсть
Будто вправо подалась.
И тогда боец, не целясь,
Хряснул немца промеж глаз.

И еще на снег не сплюнул
Первой крови злую соль,
Немец снова в санки сунул
С той же силой, в ту же боль.

Так сошлись, сцепились близко,
Что уже обоймы, диски,
Автоматы — к чорту, прочь!
Только б нож и мог помочь.

Бьются двое в клубах пара,
Об ином уже не речь, —
Ладит Теркин от удара
Хоть бы зубы заберечь.

Но покуда Теркин санки,
Сколько мог,
В бою берег,
Двинул немец, точно штангой,
Да не в санки,
А под вздох.

Охнул Теркин: плохо дело,
Плохо, думает боец.
Хорошо, что легок телом —
Отлетел. А то б — конец...

Устоял — и сам с испугу
Теркин немцу дал леща,
Так что собственную руку
Чуть не вынес из плеча.

Чорт с ней! Рад, что не промазал,
Хоть зубам не полон счет,
Но и немец правым глазом
Наблюденья не ведет.

Драка — драка, не игрушка;
Хоть огнем горит лицо,
Но и немец красной юшкой
Разукрашен как яйцо.

Вот он — в подвершке — противник.
Носом к носу. Теснота.
До чего же он противный —
Дух у немца изо рта.

Злобно Теркин сплюнул кровью.
Ну и запах! Валит с ног.
Ах ты, сволочь, для здоровья,
Не иначе, жрешь чеснок!

Ты куда спешил — к хозяйке?
Матка, млеко? Матка, яйки?
Оказать решил нам честь?
Подавай! А кто ты есть?

Кто ты есть, что к нашей бабке
Заявился на порог,
Не спросясь, не скинув шапки
И не вытерши сапог?

Со старухой сладить в силе?
Подавай! Нет, кто ты есть,
Что должны тебе в России
Подавать мы пить и есть?

Не калека ли убогий,
Или добрый человек —
Заблудился
По дороге,
Попросился
На ночлег?

Добрым людям люди рады.
Нет, ты сам себе силен.
Ты наводишь
Свой порядок.
Ты приходишь —
Твой закон.

Кто ж ты есть? Мне толку нету,
Чей ты сын и чей отец.

Человек по всем приметам, —
Человек ты? Нет. Подлец!

Двое топчутся по кругу,
Словно пара на кругу,
И глядят в глаза друг другу:
Зверю — зверь и враг — врагу.

Как на древнем поле боя,
Грудь на грудь, что щит на щит, —
Вместо тысяч бьются двое,
Словно схватка все решит.

А вблизи от деревушки,
Где застал их свет дневной,
Самолеты, танки, пушки
У обоих за спиной.

Но до боя нет им дела,
И ни звука с тех сторон.
В одиночку — грудью, телом
Бьется Теркин, держит фронт.

На печальном том задворке,
У покинутых дворов
Держит фронт Василий Теркин,
В забытьи глотая кровь.

Бьется насмерть парень бравый,
Так что дым стоит сырой,
Словно вся страна-держава
Видит Теркина:
— Герой!
Что страна! Хотя бы рота
Видеть издали могла,
Какова его работа
И какие тут дела.

Только Теркин не в обиде.
Не затем на смерть идешь,
Чтобы кто-нибудь увидел.
Хорошо б. А нет — ну что ж...

Бьется насмерть парень бравый —
Так, как бьются на войне.
И уже рукою правой
Он владеет не вполне.
Кость гудит от раны старой,
И ему, чтоб крепче бить,
Чтобы слева класть удары,
Хорошо б левшою быть.

Бьется Теркин,
В драке зоркий,
Утирает кровь и пот.
Изнемог, убился Теркин,
Но и враг уже не тот.

Далеко не та заправка,
И побита морда вся,
Словно яблоко-полявка,
Что иначе есть нельзя.
Кровь — сосульками. Однако
В самый жар вступает драка.

Немец горд.
И Теркин горд.
— Раз ты пес, так я — собака,
Раз ты чорт,
Так сам я — чорт!

Ты не знал мою натуру,
А натура — первый сорт.
В клочья шкуру —
Теркин чуру
Не попросит. Вот где чорт!

Кто одной боится смерти,
Кто плевал на сто смертей.
Пусть ты чорт. Да наши черти
Всех чертей
В сто раз чертей.
Бей, не милуй. Зубы стисну.

А убьешь, так и потом
На тебе, как клещ, повисну,
Мертвый буду на живом.

Отоспись на мне, будь ласков,
Да свали меня вперед.

Ах, ты вон как! Драться каской?
Ну не подлый ли народ!
Хорошо же! —
                    И тогда-то,
Злость и боль забрав в кулак,
Незаряженной гранатой
Теркин немца — с левой — шмяк!

Немец охнул и обмяк...

Теркин ворот нараспашку,
Теркин сел, глотает снег,
Смотрит грустно, дышит тяжко, —
Поработал человек.

Хорошо, друзья, приятно,
Сделав дело, ко двору —
В батальон итти обратно
Из разведки поутру.
По земле ступать советской,
Думать — мало ли о чем!
Автомат нести немецкий,
Между прочим, за плечом,
«Языка» — добычу ночи,
Что идет, куда не хочет,
На три шага впереди
Подгонять:
— Иди, иди...

Видеть, знать, что каждый встречный-
Поперечный — это свой.
Незнаком, а рад сердечно,
Что вернулся ты живой.

Доложить про все по форме,
Сдать трофеи не спеша.
А потом тебя покормят, —
Будет мерою душа.

Старшина отпустит чарку,
Строгий глаз в нее кося.
А потом у печки жаркой
Ляг поспи. Война не вся.

Фронт налево, фронт направо,
И в февральской выожной мгле
Страшный бой идет,
кровавый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

ОТ АВТОРА

Сто страниц минуло в книжке,
Впереди — не близкий путь.
Стой-ка, брат. Без передышки
Невозможно. Дай вздохнуть.

Дай вздохнуть, возьми в догадку:
Что теперь, что в старину —
Трудно слушать по порядку
Сказку длинную одну
Все про то же — про войну.

Про огонь, про снег, про танки,
Про землянки да портянки,
Про портянки да землянки,
Про махорку и мороз...

Вот уж нынче повелось:
Рыбаку лишь о путине,
Печнику дудят о глине,
Леснику о древесине,
Хлебопеку о квашне,

Коновалу о коне,
А бойцу ли, генералу —
Не иначе — о войне.

О войне — оно понятно,
Что война. А суть в другом:
Дай с войны прийти обратно
При победе над врагом.

Учинив за все расплату,
Дай вернуться в дом родной
Человеку. И тогда-то
Сказки нет ему иной.
И тогда ему так сладко
Будет слушать по порядку
И подробно обо всем,
Что изведано горбом,
Что исхожено ногами,
Что испытано руками,
Что повидано в глаза
И о чем, друзья, покамест,
Все равно — всего нельзя...

Мерзлый грунт долби, лопата,
Танк — дави, греми — граната,
Штык — работай, бомба — бей.
На войне душе солдата
Сказка мирная милей.

Друг-читатель, я ли спорю,
Что войны милее жизнь?
Да война ревет, как море,
Грозно в дамбу упершись.

Я одно скажу, что нам бы
Поуправиться с войной,
Отодвинуть эту дамбу
За предел земли родной.

А покуда край обширный
Той земли родной — в плену,

Я — любитель жизни мирной —
На войне пою войну.

Что ж еще? И все, пожалуй,
Та же книга про бойца.
Без начала, без конца,
Без особого сюжета,
Впрочем, правде не во вред.
На войне сюжета нету.
— Как так нету?
— Так вот, нет.

Есть закон — служить до срока,
Служба — труд, солдат не гость.
Есть отбой — уснул глубоко,
Есть подъем — вскочил, как гвоздь.

Есть война — солдат воюет,
Лют противник — сам лютует.
Есть сигнал: вперед!.. — Вперед.
Есть приказ: умри. — Умрет.

На войне ни дня, ни часа
Не живет он без приказа
И не может испокон
Без приказа командира
Ни сменить свою квартиру,
Ни сменить портянки он.
Ни жениться, ни влюбиться
Он не может, нету прав,
Ни уехать за границу
От любви, как бывший граф.

Если в песнях и поется,
Разве можно брать в расчет,
Что герой мой у колодца,
У каких-нибудь ворот,
Будет случай подвернется,
Чью-то долю ущипнет.

А еще добавим к слову:
Жив-здоров герой пока,
Но отнюдь не заколдован
От осколка-дурака,
От любой поганой пули,
Что, быть может, наугад,
Как пришлось, летит вслепую,
Подвернулся, — точка, брат.

Ветер злой навстречу пышет,
Жизнь, как веточку, колышет,
Каждый день и час грозя.
Кто доскажет, кто дослышит —
Угадать вперед нельзя.

И до той глухой разлуки,
Что бывает на войне,
Рассказать еще о друге
Кое-что успеть бы мне.

Тем же ладом, тем же рядом,
Только стежкою иной
Пушки к бою едут задом, —
Это сказано не мной.

«КТО СТРЕЛЯЛ?»

Отдымился бой вчерашний,
Высох пот, металл простыл.
От окопов пахнет пашней,
Летом, мирным и простым.

В полверсте, в кустах — противник.
Тут шагам и пядям счет.
Фронт. Война. А вечер дивный
По полям пустым идет,
По следам страды вчерашней,
По немыслимой тропе,
По ничьей, помятой, зряшной
Луговой, густой траве,

По земле, рябой от рытвин,
Рваных ям, воронок, рвов,
Смертным зноем жаркой битвы
Опаленных у краев...

И откуда по пустому
Долетал, донесся звук,
Добрый, давний и знакомый,
Звук вечерний. Майский жук!

И ненужной горькой лаской
Растревожил он ребят,
Что в росой покрытых касках
По окопчикам сидят.

И такой тоской родною
Сердце сразу обволок!
Фронт, война. А тут иное:
Выводи коней в ночное,
Торопись на «пятачок».

Отпляшись, а там сторонкой
Удаляйся в березняк.
Провожай домой девчонку
Да целуй — не будь дурак.
Налегке иди обратно,
Мать заждалася...
                                        И вдруг —
Вдалеке возник невнятный,
Новый, ноющий, двукратный,
Через миг уже понятный
И томящий душу звук.

Звук тот самый, при котором,
В прифронтовой полосе,
По началу все шоферы
Разбегались от шоссе.

На одной постылой ноте
Ноет, воет, как в трубе.
И бежать при всей охоте
Не положено тебе.

Ты, как гвоздь, на этом взгорке
Вбился в землю. Не тоскуй.
Ведь — согласно поговорке —
Это малый сабантуй...

Ждут, молчат, глядят ребята,
Зубы сжав, чтоб дрожь унять.
И, как водится, оратор
Тут находится под стать.

С удивительной заботой
Подсказать тебе горазд:
— Вот сейчас он с разворота
И начнет. И жизни даст.
Жизни даст!

Со страшным ревом
Самолет ныряет вниз,
И сильнее нету слова
Той команды, что готова
На устах у всех:
— Ложись!..

Смерть есть смерть. Ее прихода
Все мы ждем по старине.
А в какое время года
Легче гибнуть на войне?

Летом солнце греет жарко
И вступает в полный цвет
Все кругом. И жизни жалко
Дозарезу. Летом — нет.

В осень смерть под стать картине,
В сон идет природа вся.
Но в грязи, в окопной глине
Вдруг загнуться? Нет, друзья...

А зимой — земля, как камень
На два метра глубиной,
Привалит тебя комками, —
Нет уж, ну ее — зимой.

А весной, весной... Да где там,
Лучше скажем наперед:
Если горько гибнуть летом,
Если осенью — не мед,
Если в зиму дрожь берет,
То весной, друзья, от этой
Подлой штуки — душу рвет.

И какой ты вдруг покорный
На груди лежишь земной,
Заслонясь от смерти черной
Только собственной спиной.

Ты лежишь ничком, парнишка
Двадцати неполных лет.
Вот сейчас тебе и крышка,
Вот тебя уже и нет.
Ты прижал к вискам ладони,
Ты забыл, забыл, забыл,
Как траву щипали кони,
Что в ночное ты водил.

Смерть грохочет в перепонках,
И далек, далек, далек
Вечер тот и та девчонка,
Что любил ты и берег.
И друзей и близких лица,
Дом родной, сучок в стене...
Нет, боец, ничком молиться
Не годится на войне.
Нет, товарищ, зло и гордо,
Как закон велит бойцу,
Смерть встречай лицом к лицу,
И хотя бы плюнь ей в морду,
Если все пришло к концу...

Ну-ка, что за перемена?
То не шутки — бой идет.
Встал один и бьет с колена
Из винтовки в самолет.

Трехлинейная винтовка
На брезентовом ремне,
Да патроны с той головкой,
Что страшна стальной броне.

Бой неравный, бой короткий.
Самолет чужой, с крестом
Покачнулся, точно лодка,
Зачерпнувшая бортом.
Накренясь, пошел по кругу,
Кувыркается над лугом, —
Не задерживай — давай,
В землю штопором въезжай!

Сам стрелок глядит с испугом:
Что наделал невзначай.

Скоростной, военный, черный,
Современный, двухмоторный
Самолет — стальная снасть —
Ухнул в землю, завывая,
Шар земной пробить желая
И в Америку попасть.

— Не пробил, старался слабо...
— Видно, место прогадал.

— Кто стрелял? — звонят из штаба. —
Кто стрелял, куда попал?

Адъютанты землю роют,
Дышит в трубку генерал.
— Разыскать тотчас героя.
Кто стрелял?
А кто стрелял?

Кто не спрятался в окопчик,
Поминая всех родных,
Кто он — свой среди своих —
Не зенитчик и не летчик,
А герой — не хуже их?

Вот он сам стоит с винтовкой,
Вот поздравили его.
И как будто всем неловко —
Неизвестно отчего.

Виноваты, что ль, отчасти?
И сказал сержант спроста:
— Вот что значит парню счастье,
Глядь — и орден, как с куста!

Не промедливши с ответом,
Теркин шутку в адрес шлет:
— Не горюй, у немца этот
Не последний самолет...

С этой шуткой-поговоркой,
Облетевшей батальон,
Перешел в герои Теркин, —
Это был, понятно, он.

О ГЕРОЕ

— Нет, поскольку о награде
Речь опять зашла, друзья,
То уже не шутки ради
Кое-что добавлю я.

Как-то в госпитале было.
День лежу, лежу второй.
Кто-то смотрит мне в затылок,
Погляжу, а то — герой.

Сам собой, сказать, — мальчишка,
Недолеток-стригунок.
И мутит меня мыслишка:
Вот он мог, а я не мог...

Разговор идет меж нами,
И спроси я с первых слов:

— Вы откуда родом сами —
Не из наших ли краев?

Смотрит он:
— А вы откуда?
Отвечаю:
— Так и так,
Сам как раз смоленский буду,
Может, думаю, земляк?

Аж привстал герой:
— Ну что вы,
Что вы! — вскинул головой, —
Я как раз из-под Тамбова, —
И потрогал орден свой.

И умолкнул. И похоже,
Подчеркнуть хотел он мне,
Что таких, как он, не может
Быть в смоленской стороне.
Что уж так они вовеки
Различаются места,
Что у них ручьи и реки
И сама земля не та.

И полянки, и пригорки,
И козявки, и жуки...
И куда ты, Васька Теркин,
Лезешь сдуру в земляки!

Так ли, нет — сказать, — не знаю,
Только мне от мысли той
Сторона моя родная
Показалась сиротой,
Сиротинкой, что не видно
На народе, на кругу...
Так мне стало вдруг обидно, —
Рассказать вам не могу.

Это да, что я не гордый
По характеру, а все ж
Вот теперь, когда я орден
Нацеплю, скажу я: врешь!

Мы в землячество не лезем,
Есть свои у нас края.
Ты — тамбовский? Будь любезен.
А смоленский — вот он я.
Не иной какой, не энский,
Безыменный корешок,
А действительно смоленский,
Как дразнили нас, рожок.

Не кичусь родным я краем,
Но пройди весь белый свет —
Кто в рожки тебе сыграет
Так, как наш смоленский дед.

Заведет, задует сивая
  Лихая борода:
Ты куда, моя красивая,
  Куда идешь, куда...

И ведет, поет, заяривает —
  Ладно, что без слов,
Со слезою выговаривает
  Радость и любовь.

И за ту одну старинную
  За музыку-рожок
В край родной дорогу длинную
  Сто раз бы я прошел.

Мне не надо, братцы, ордена,
  Мне слава не нужна,
А нужна, больна мне Родина,
  Родная сторона!

ГЕНЕРАЛ

Заняла война полсвета,
Стон стоит второе лето.
Опоясал фронт страну.

Где-то Ладога, а где-то
Дон — и то же на Дону...

Где-то лошади в упряжке
В скалах зубы бьют об лед.
Где-то яблоня цветет,
И моряк в одной тельняшке
Тащит степью пулемет...

Где-то бомбы топчут город,
Тонут на море суда.
Где-то танки лезут в горы,
К Волге двинулась беда...

Где-то, будто на задворке,
Будто знать про то не знал,
На своем участке Теркин
В обороне загорал.

У лесной глухой речушки,
Что катилась вдоль войны,
После доброй постирушки
Поразвесил для просушки
Гимнастерку и штаны.

На припеке обнял землю.
Руки выбросил вперед
И лежит и так-то дремлет.
Может быть, за целый год.

И речушка — неглубокий
Родниковый ручеек —
Шевелит травой-осокой
У его разутых ног.

И курлычет с тихой лаской,
Моет камушки на дне.
И выходит не то сказка,
Не то песенка во сне.

Я на речке ноги вымою.
Куда, реченька, течешь?
В сторону мою, родимую,
Может, где-нибудь свернешь.

Может, где-нибудь излучиной
По пути зайдешь туда
И под проволокой колючею
Проберешься без труда.

Меж немецкими окопами,
Мимо вражеских постов,
Возле пушек, в землю вкопанных,
Промелькнешь из-за кустов.

И тропой своей исконною
Протечешь ты там, как тут,
И ни пешие, ни конные
На пути не переймут.

Дотечешь дорогой кружною
До родимого села.
На мосту солдаты с ружьями, —
Ты под мостиком прошла.

Там печаль свою великую,
Что без края и конца,
Над тобой, над речкой, выплакать,
Может, выйдет мать бойца.

Над тобой, над малой речкою,
Над водой, чей путь далек,
Послыхать бы хоть словечко ей,
Хоть одно, что цел сынок.

Помороженный, простуженный
Отдыхает он, герой,
Битый, раненый, контуженный,
Да здоровый и живой...

Теркин — много ли дремал он,
Землю-мать прижав к щеке, —
Слышит:
— Теркин, к генералу
На одной давай ноге.

Посмотрел, поднялся Теркин,
Тут связной стоит.
— Ну что ж,
Без штанов, без гимнастерки
К генералу не пойдешь.

Говорит, чудит, а все же
Сам, волнуясь и сопя,
Непросохшую одежу
Спешно пялит на себя.
Приросла к спине — не стронет...

— Теркин, — сроку пять минут...
— Ничего. С земли не сгонят,
Дальше фронта не пошлют...

Подзаправился на славу,
И хоть знает наперед,
Что совсем не на расправу
Генерал его зовет, —

Все ж у главного порога
В генеральском блиндаже,
Был бы бог, так Теркин богу
Помолился бы в душе.

Шутки ль, если разобраться:
К генералу входишь вдруг.
Генерал — один на двадцать,
Двадцать пять, а может статься,
И на сорок верст вокруг.

Генерал стоит над нами, —
Оробеть при нем не грех.
Он не только что чинами,

Боевыми орденами, —
Он годами старше всех.

Ты обжегшись кашей, плакал,
Ты пешком ходил под стол,
Он тогда уж был воякой,
Он ходил уже в атаку,
Взвод, а то и роту вел.

И на этой половине —
У передних наших линий,
На войне — не кто как он
Твой ЦК и твой Калинин.
Суд. Отец. Глава. Закон.

Честью, друг, считай немалой,
Заработанной в бою,
Услыхать от генерала
Вдруг фамилию свою.

Знай: за дело, за заслугу
Жмет тебе он крепко руку
Боевой своей рукой.

— Вот, брат, значит, ты какой.
Богатырь. Орел. Ну, просто —
Воин! — скажет генерал.

И пускай ты даже ростом
И плечьми всего не взял,
И одет не для парада, —
Тут война — парад потом, —
Говорят: орел, так надо
И глядеть и быть орлом.

Стой, боец, с достойным видом,
Понимай, в душе имей:
Генерал награду выдал —
Как бы снял с груди своей

И к бойцовской гимнастерке
Прикрепил немедля сам.
И ладонью:
— Вот, брат Теркин, —
По лихим провел усам.

В скобках надобно, пожалуй,
Здесь отметить, что усы,
Если есть у генерала,
То они не для красы.

На войне ли, на параде
Не пустяк, друзья, когда
Генерал усы погладил
И сказал хотя бы:
— Да...
Есть привычка боевая,
Есть минуты и часы...
И не зря еще Чапаев
Уважал свои усы.

Словом — дальше. Генералу
Показалось под конец,
Что своей награде мало
Почему-то рад боец.

Что ж, боец — душа живая,
На войне второй уж год...
И не каждый день сбивают
Из винтовки самолет.

Молодца и в самом деле
Отличить расчет прямой.

— Вот что, Теркин, на неделю
Можешь с орденом — домой...

Теркин — понял ли, не понял
Иль не верит тем словам?
Только дрогнули ладони
Рук, протянутых по швам.

Про себя вздохнув глубоко,
Теркин тихо отвечал:
— На неделю мало сроку
Мне, товарищ генерал...

Генерал склонился строго:
— Как так мало? Почему?
— Потому — трудна дорога
Нынче к дому моему.
Дом-то вроде недалечко,
По прямой — пустяшный путь.
— Ну, а что ж?
— Да я не речка,
Чтоб легко туда шмыгнуть.
Мне по крайности вначале
Днем соваться не с руки.
Мне итти туда ночами,
Ну, а ночи коротки...

Генерал кивнул: — Понятно!
Дело с отпуском — табак. —
Пошутил:
— А как обратно
Ты пришел бы?..
— Точно ж так...
Сторона моя лесная,
Каждый кустик мне — родня.
Я пути такие знаю,
Что поди поймай меня.
Мне там каждая знакома
Борозденка под межой.
Я — смоленский. Я там дома.
Я там — свой, а он чужой.

— Погоди-ка. Ты без шуток.
Ты бы вот что мне сказал...

И как будто в ту минуту
Что-то вспомнил генерал.
На бойца взглянул душевней
И сказал, шагнув к стене:

— Ну-ка, где твоя деревня?
Покажи по карте мне.

Теркин дышит осторожно
У начальства за плечом.
— Можно, — молвит, — это можно.
Вот он Днепр, а вот мой дом.

Генерал отметил точку.
— Вот что, Теркин, в одиночку
Не резон тебе итти.
Потерпи уж, дай отсрочку,
Нам с тобою по пути...

Отпуск точно, аккуратно
За тобой, прошу учесть. —
И боец сказал:
— Понятно. —
И еще добавил:
— Есть.

Встал по форме у порога,
Призадумался немного,
На секунду на одну...

Генерал усы потрогал
И сказал, поднявшись:
— Ну...

Скольких он, над картой сидя,
Словом, подписью своей,
Перед тем в глаза не видя,
Посылал на смерть людей!

Что же, всех и не увидишь,
С каждым к росстаням не выйдешь,
На прощанье всем нельзя
Заглянуть тепло в глаза.

Заглянуть в глаза, как другу,
И пожать покрепче руку,

И по имени назвать,
И удачи пожелать,
И, помедливши минутку,
Ободрить старинной шуткой:
Мол, хотя и тяжело,
А, между прочим, ничего...

Нет, на всех тебя не хватит,
Хоть какой ты генерал.

Но с одним проститься кстати
Генерал не забывал.

Обнялись они, мужчины,
Генерал-майор с бойцом,
Генерал — с любимым сыном,
А боец — с родным отцом.

И бойцу за тем порогом
Предстояла путь-дорога
На родную сторону,
Прямиком через войну.

О СЕБЕ

Я покинул дом когда-то,
Позвала дорога вдаль.
Не мала была утрата,
Но светла была печаль.

И годами с грустью нежной —
Меж иных любых тревог —
Угол отчий, мир мой прежний
Я в душе моей берег.

Да и не было помехи
Взять и вспомнить наугад
Старый лес, куда в орехи
Я ходил с толпой ребят.

Лес — ни пулей, ни осколком
Не пораненный ничуть,
Не порубленный бестолку,
Без порядку как-нибудь,
Не корчеванный фугасом,
Не поваленный огнем,
Хламом гильз, жестянок, касок
Не заваленный кругом,
Блиндажами не изрытый,
Не застроенный зимой,
Ни своими не обжитый
Ни чужими под землей.

Милый лес, где я мальчонкой
Плел из веток шалаши,
Где однажды я теленка,
Сбившись с ног, искал в глуши...
Полдень раннего июня
Был в лесу, и каждый лист,
Полный, радостный и юный,
Был горяч, но свеж и чист.
Лист к листу, листом прикрытый,
В сборе лиственном густом
Пересчитанный, промытый
Первым за лето дождем.
И в глуши родной, ветвистой,
И в тиши дневной, лесной
Молодой, густой, смолистый,
Золотой держался зной.
И в спокойной чаще хвойной,
У земли, мешался он
С муравьиным духом винным
И пьянил, склоняя в сон.
И в истоме птицы смолкли,
Светлой каплею смола
По коре нагретой елки,
Как слеза во сне, текла...

Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край недавних детских лет,
Отчий край, ты есть иль нет?

Детства день, до гроба милый,
Детства сон, что сердцу свят,
Как легко все это было
Взять и вспомнить год назад.
Вспомнить разом что придется —
Сонный полдень над водой,
Дворик, стежку до колодца,
Где песочек золотой,
Книгу, читанную в поле,
Кнут, свисающий с плеча,
Лед на речке, глобус в школе
У Ивана Ильича...

Да и не было запрета,
Проездной купив билет,
Вдруг туда приехать летом,
Где ты не был десять лет...

Чтобы с лаской, хоть не детской,
Вновь обнять старуху мать,
Не под проволокой немецкой
Нужно было проползать;

Чтоб со взрослой грустью сладкой
Праздник встречи пережить —
Не украдкой, не с оглядкой
По родным лесам кружить;

Чтоб сердечным разговором
С земляками встретить день —
Не нужда была, как вору,
Под стеною прятать тень...
Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Край, страдающий в плену!
Я приду — лишь дня не знаю,
Но приду, тебя верну.
Не звериным робким следом
Я приду, твой кровный сын,
Вместе с нашею победой
Я иду, а не один.

Этот час не за горою
Для меня и для тебя...

А читатель той порою
Скажет:
— Где же про героя?
Это больше про себя.

Про себя? Упрек уместный,
Может быть, меня пресек.

Но давайте скажем честно:
Что ж, а я не человек?

Спорить здесь нужды не вижу,
Сознавайся в чем другом.
Я ограблен и унижен,
Как и ты, одним врагом.
Я дрожу от боли острой,
Злобы горькой и святой.
Мать, отец, родные сестры
У меня за той чертой.
Я стонать от боли вправе
И кричать с тоски клятой.
То, что я всем сердцем славил
И любил, — за той чертой.

Друг мой, так же не легко мне,
Как тебе с глухой бедой.
То, что я хранил и помнил,
Чем я жил, — за той, за той —
За неписаной границей,
Поперек страны самой,
Что горит, горит в зарницах
Вспышек — летом и зимой...

И скажу тебе, не скрою, —
В этой книге там ли, сям
То, что молвить бы герою,
Говорю я лично сам.
Я за все кругом в ответе,

И заметь, коль не заметил,
Что и Теркин, мой герой,
За меня гласит порой.
Он земляк мой и, быть может,
Хоть нимало не поэт,
Все же как-нибудь похоже
Размышлял. А нет, ну — нет.

Теркин — дальше. Автор — вслед.

БОЙ В БОЛОТЕ

Бой безвестный, о котором
Речь сегодня поведем,
Был, прошел, забылся скоро,
Да и вспомнят ли о нем?

Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь по грудь;
Где брели бойцы понуро
И, скользнув с бревна в ночи,
Артиллерия тонула, —
Увязали тягачи, —
Этот бой в болоте диком
На втором году войны
Не за город шел великий,
Что один у всей страны,
Не за гордую твердыню,
Что у матушки-реки,
А за некий, скажем ныне,
Населенный пункт Борки.

Он стоял за тем болотом
У конца лесной тропы,
В нем осталось, ровным счетом,
Обгорелых три трубы.

Там с открытых и закрытых
Огневых — кому забыть! —
Было бито, бито, бито,
И, казалось, что там бить?

Там в щебенку каждый камень,
В щепки каждое бревно,
Называлось там Борками
Место черное одно.

А в окружку — мох, болото,
Край от мира в стороне.
И подумать вдруг, что кто-то
Здесь родился, жил, работал,
Кто сегодня на войне.

Где ты, где ты, мальчик босый,
Деревенский пастушок,
Что по этим дымным росам,
Что по этим кочкам шел?

Бился ль ты в горах Кавказа
Или пал за Сталинград,
Мой земляк, ровесник, брат,
Верный долгу и приказу
Русский труженик-солдат,

Или, может, в этих дымах,
Что уже недалеки,
Видишь нынче свой родимый
Угол дедовский, Борки.
И у той черты недальней,
У земли многострадальной,
Что была к тебе добра,
Влился голос твой в печальный
И протяжный стон ура-а?..

Как в бою удачи мало
И дела нехороши,
Виноватого бывало
Там, попробуй, поищи.

Артиллерия толково
Говорит: она права.
— Вся беда, что танки снова
В лес свернули по дрова.

А еще сложнее счеты,
Чуть танкиста повстречал:
— Подвела опять пехота.
Залегла. Пропал запал.

А пехота не хвастливо,
Без отрыва от земли
Лишь махнет рукой лениво:
— Точно. Танки подвели.

Так идет оно по кругу,
И ругают все друг друга,
Лишь в согласье все подряд
Авиацию бранят.

Все хорошие ребята,
Как посмотришь — красота.
И ничуть не виноваты,
И деревня не взята.

И противник по болоту,
По траншейкам торфяным
Садит вновь из минометов —
Что ты хочешь делай с ним.

Адреса разведал точно,
Шлет посылки спешной почтой,
И лежишь ты, адресат,
Изнывая, ждешь за кочкой,
Скоро ль мина влепит в зад.

Перемокшая пехота
В полный смак клянет болото,
Не мечтает о другом —
Хоть бы смерть, да на сухом.

Кто-нибудь еще расскажет,
Как лежали там в тоске.
Третьи сутки кукиш кажет
В животе кишка кишке.

Посыпает дождик редкий,
Кашель злой терзает грудь.
Ни клочка родной газетки —
Козью ножку завернуть,

И ни спичек, ни махорки —
Все раскисло от воды.
— Согласись, Василий Теркин,
Хуже нет уже беды?

Тот лежит у края лужи,
Усмехнулся:
— Нет, друзья,
Во сто раз бывает хуже,
Это точно знаю я.

— Где уж хуже...
— А не спорьте,
Кто не хочет, тот не верь,
Я сказал бы: на курорте
Мы находимся теперь.

И глядит шутник великий
На людей со стороны.
Губы — то ли от черники,
То ль от холода черны.

Говорит:
— В своем болоте
Ты находишься сейчас.
Ты в цепи. Во взводе. В роте.
Ты имеешь связь и часть.

Даже сетовать неловко
При такой, чудак, судьбе.
У тебя в руках винтовка,
Две гранаты при тебе.

У тебя — в тылу ль, на фланге, —
Сам не знаешь, как силен, —
Бронебойки, пушки, танки.
Ты, брат, — это батальон.
Полк. Дивизия. А хочешь —
Фронт. Россия! Наконец
Я скажу тебе короче
И понятней: ты боец.

Ты в строю, прошу усвоить,
А, быть может, год назад
Ты бы здесь изведал, воин,
То, что наш изведал брат.

Ноги б с горя не носили:
Где свои, где чьи края?
Где тот фронт и где Россия?
По какой рубеж своя?

И однажды ночью поздно,
От деревни в стороне
Укрывался б ты в колхозной,
Например, сенной копне...

Тут, озноб вдувая в души,
Долгой выгнувшись дугой,
Смертный свист скатился в уши,
Ближе, ниже, суше, глуше —
И разрыв!
За ним другой...

— Ну, накрыл. Не даст дослушать
Человека.

— Он такой...

И за каждым тем разрывом
На примолкнувших ребят
Рваный лист, кружась лениво,
Ветки сбитые летят.

Тянет всех, зовет куда-то,
Уходи, беда вот-вот...
Только Теркин:
— Брось, ребята,
Говорю — не попадет.

Сам сидит как будто в кресле,
Всех страхует от огня.
— Ну, а если?..
— А уж если...
Получи тогда с меня.

Слушай лучше. Я серьезно
Рассуждаю о войне.
Вот лежишь ты в той бесхозной,
В поле брошенной копне.

Немец где? До ближней хаты
Полверсты — ни дать ни взять,
И приходят два солдата
В поле сена навязать.

Из копнушки вяжут сено,
Той, где ты нашел приют,
Уминают под колено
И поют. И что ж поют!

Хлопцы, верьте мне, не верьте
Только врать не стал бы я,
А поют худые черти,
Сам слыхал: «Москва моя».

Тут состроил Теркин рожу
И привстал, держась за пень,
И запел весьма похоже,
Как бы немец мог запеть.

До того тянул он криво
И смотрел при этом он
Так чванливо, так тоскливо,
Так чудно, — печенки вон!

— Вот и смех тебе. Однако
Услыхал бы ты тогда
Эту песню, — ты б заплакал
От печали и стыда.

И смеешься ты сегодня
Потому что, знай, боец:
Этой песни прошлогодней
Нынче немец не певец.

— Не певец-то — это верно,
Это ясно, час не тот...
— А деревню-то, примерно,
Вот берем — не отдает.

И с тоскою бесконечной,
Что, быть может, год берег,
Кто-то так чистосердечно,
Глубоко, как мех кузнечный,
Вдруг вздохнул.
— Ого, сынок!

Подивился Теркин вздоху,
Посмотрел. — Ну, ну! — сказал, —
И такой ребячий хохот
Всех опять в работу взял.

— Ах ты, Теркин. Ну и малый!
И в кого ты удался,
Только мать, наверно, знала...
— Я от тетки родился.

— Теркин — теткин, елки-палки,
Сыпь еще назло врагу.

— Не могу. Таланта жалко.
До бомбежки берегу.
Получай тогда на выбор,
Что имею про запас.

— И за то тебе спасибо.
— На здоровье. В добрый час.

Заключить теперь нельзя ли,
Что, мол, горе не беда,
Что ребята встали, взяли
Деревушку без труда?

Что с удачей постоянной
Теркин подвиг совершил:
Русской ложкой деревянной
Восемь фрицев уложил!

Нет, товарищ, скажем прямо:
Был он долог до тоски,
Летний бой за этот самый
Населенный пункт Борки.

Много дней прошло суровых,
Горьких, списанных в расход.

— Но позвольте, — скажут снова, —
Так о чем тут речь идет?

— Речь идет о том болоте,
Где война стелила путь,

Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь;

Где в трясине, в ржавой каше,
Безответно — в счет, не в счет —
Шли, ползли, лежали наши
Днем и ночью напролет;

Где подарком из подарков,
Как труды ни велики,
Не Ростов им был, не Харьков, —
Населенный пункт Борки.

И в глуши, в бою безвестном,
В сосняке, в кустах сырых
Смертью праведной и честной
Пали многие из них.

Пусть тот бой не упомянут
В списке славы золотой,
День придет — еще повстанут
Люди в памяти живой.

И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны —
Кто за город пал великий,
Что один у всей страны,

Кто за гордую твердыню,
Что у Волги у реки,
Кто за тот, забытый ныне,
Населенный пункт Борки.

И Россия — мать родная
Почесть всем отдаст сполна.
Бой иной, пора иная,
Жизнь одна и смерть одна.

О ЛЮБВИ

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то.
Не подарок, так белье
Собрала, быть может,
И что дольше без нее,
То она дороже.
И дороже этот час,
Памятный, особый,
Взгляд последний этих глаз,
Что забудь, попробуй.
Обойдись в пути большом,
Глупой славы ради,
Без любви, что видел в нем,

В том прощальном взгляде.
Он у каждого из нас
Самый сокровенный
И бесценный наш запас,
Неприкосновенный.
Он про всякий час, друзья,
Бережно хранится.
И с товарищем нельзя
Этим поделиться,
Потому — он мой, он весь —
Мой, святой и скромный.
У тебя он тоже есть,
Ты подумай, вспомни.
Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

И приходится сказать,
Что из всех тех женщин,
Как всегда, родную мать
Вспоминают меньше.
И не принято родной
Сетовать напрасно.
В срок иной, в любви иной
Мать сама была женой
С тем же правом властным.

Да, друзья, любовь жены, —
Кто не знал — проверьте, —
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.
Ты ей только не перечь,
Той любви, что вправе
Ободрить, предостеречь,
Осудить, прославить.

Вновь достань листок письма,
Перечти сначала,
Пусть в землянке полутьма,

Ну-ка, где она сама
То письмо писала?
При каком на этот раз
Примостилась свете?
То ли спали в этот час,
То ль мешали дети,
То ль болела голова
Тяжко, не впервые,
Оттого, брат, что дрова
Не горят сырые?..

Впряжена в тот воз одна,
Разве не устанет?
Да зачем тебе жена
Жаловаться станет?
Жены думают любя,
Что иное слово
Все ж скорей найдет тебя
На войне живого.

Нынче жены все добры,
Беззаветны вдосталь,
Даже те, что до поры
Были ведьмы просто.

Смех — не смех, случалось мне
С женами встречаться,
От которых на войне
Только и спасаться.

Чем томиться день за днем
С той женою-крошкой,
Лучше ползать под огнем
Или под бомбежкой.

Лучше, пять пройдя атак,
Ждать шестую в сутки.
Впрочем, это только так,
Только ради шутки.

Нет, друзья, любовь жены, —
Сотню раз проверьте, —
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.
И одно сказать о ней
Вы б могли вначале:
Что короче, что длинней —
Та любовь, война ли?

Но, бестрепетно в лицо
Глядя всякой правде,
Я замолвил бы словцо
За любовь, представьте.

Как война на жизнь ни шла,
Сколько ни пахала,
Но любовь пережила
Срок ее немалый.
И недаром нету, друг,
Письмеца дороже,
Что из тех далеких рук,
Дорогих усталых рук
В трещинках по коже.

И не зря взываю я
К женам настоящим:
— Жены, милые друзья,
Вы пишите чаще.
Не ленитесь к письмецу
Приписать, что надо.
Генералу ли, бойцу —
Это как награда.

Нет, товарищ, не забудь
На войне жестокой:
У войны — короткий путь,
У любви — далекий.
И ее большому дню
Сроки близки ныне.
А к чему я речь клоню?
Вот к чему, родные.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то.
Но хотя и жалко мне,
Сам помочь не в силе,
Что остался в стороне
Теркин мой Василий.

Не случилось никого
Проводить в дорогу.
Полюбите вы его,
Девушки, ей-богу.

Любят летчиков у нас,
Конники в почете.
Обратитесь, просим вас,
К матушке-пехоте.

Пусть тот конник на коне,
Летчик в самолете,
И, однако, на войне
Первый ряд — пехоте.

Пусть танкист красив собой
И горяч в работе,
А ведешь машину в бой —
Поклонись пехоте.
Пусть форсист артиллерист
В боевом расчете,
Отстрелялся — не гордись,
Дела суть — в пехоте.

Обойдите всех подряд,
Лучше не найдете:
Обратите нежный взгляд,
Девушки, к пехоте.

Полюбите молодца,
Сердце подарите,
До победного конца
Верно полюбите!

ОТДЫХ ТЕРКИНА

На войне — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке, —
Там, где случай приведет, —

Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь кой-как друг к дружке,
Отдохнуть. Минут шестьсот.

Даже больше б не мешало,
Но солдату на войне
Срок такой для сна, пожалуй,
Можно видеть лишь во сне.

И представь, что вдруг, покинув
В некий час передний край,
Ты с попутною машиной
Попадаешь прямо в рай.

Мы здесь вовсе не желаем
Шуткой той блеснуть спроста,
Что, мол, рай с передним краем —
Это смежные места.

Рай по правде. Дом. Крылечко.
Веник — ноги обметай.
Дальше — горница и печка,
Все, что надо. Чем не рай?

Вот и в книге ты отмечен,
Раздевайся, проходи
И плечьми у теплой печи
На свободе поведи.

Осмотрись вокруг детально, —
Вот в ряду твоя кровать.
И учти, что это — спальня,
То-есть место — специально
Для того, чтоб только спать;

Спать, солдат, весь срок недельный,
Самолично, безраздельно
Занимать кровать свою,
Спать в сухом тепле постельном,
Спать в одном белье нательном,
Как положено в раю.

И по строгому приказу,
Коль тебе здесь быть пришлось,
Ты, помимо сна, обязан
Пищу в день четыре раза
Принимать. Но как! — вопрос.

Всех привычек перемена
Поначалу тяжела.
Есть в раю нельзя с колена,
Можно только со стола;

И никто в раю не может
Бегать к кухне с котелком,
И нельзя сидеть в одеже
И корежить хлеб штыком.

И такая установка
Строго-настрого дана:
Что у ног твоих винтовка
Находиться не должна.

И, в ущерб своей привычке,
Ты не можешь за столом
Утереться рукавичкой
Или так вот — рукавом.

И когда покончишь с пищей,
Не забудь еще, солдат,
Что в раю за голенище
Ложку прятать не велят.

Все такие оговорки
Разобрав, поняв путем,

Принял в счет Василий Теркин
И решил: не пропадем.

Вот обед прошел и ужин.
— Как вам нравится у нас?
— Ничего. Немножко б хуже,
То и было б в самый раз...

Покурил, вздохнул и набок.
Как-то странно голове.
Простыня — пускай одна бы,
Нет, так на, мол, сразу две.

Чистота — озноб по коже,
И неловко, что здоров,
А до крайности похоже,
Будто в госпитале вновь.

Бережет плечо в кровати,
Головой не повернет.
Вот и девушка в халате
Совершает свой обход.

Двое справа, трое слева
К ней разведчиков тотчас.
А она, как королева:
Мол, одна, а сколько вас.

Теркин смотрит сквозь ресницы:
О какой там речь красе.
Хороша, как говорится,
В прифронтовой полосе.

Хороша при смутном свете,
Дорога, как нет другой,
И видать, ребята эти
Отдохнули день, другой...

Сон-забвенье на пороге,
Ровно, сладко дышит грудь.
Ах, как холодно в дороге
У объезда где-нибудь,

Как прохватывает ветер,
Как луна теплом бедна.
Ах, как трудно все на свете:
Служба, жизнь, зима, война.

Как тоскует о постели
На войне солдат живой!
Что ж не спится в самом деле?
Не укрыться ль с головой?

Полчаса и час проходит,
С боку на бок, навзничь, ниц.
Хоть убейся — не выходит.
Все храпят, а ты казнись.

То ли жарко, то ли зябко,
Не понять, а сна все нет.
— Да надень ты, парень, шапку, —
Вдруг дают ему совет.
Разъясняют:
— Ты не первый,
Не второй страдаешь тут.
По началу наши нервы
Спать без шапки не дают.
И едва надел родимый
Головной убор солдат,
Боевой, пропахший дымом
И землей, как говорят,
Тот, обношенный на славу
Под дождем и под огнем,
Что еще колючкой ржавой
Как-то прорван был на нем,
Тот, в котором жизнь проводишь,
Не снимая, — так хорош! —
И когда ко сну отходишь,
И когда на смерть идешь,
Видит: нет, не зря послушал
Тех, что знали, в чем резон:
Как-то вдруг согрелись уши,
Как-то стало мягче, глуше —
И всего свернуло в сон.

И проснулся он до срока
С чувством редкостным — точь-в-точь
Словно где-нибудь далеко
Побывал за эту ночь,

Словно выкупался где-то,
Где — хоть вновь туда вернись —
Не зима была, а лето,
Не война, а просто жизнь.

И с одной ногой обутой,
Шапку снять забыв свою,
На исходе первых суток
Он задумался в раю.

Хороши харчи и хата,
Осуждать не станем зря,
Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Посудите сами, братцы,
Кто б чудней придумать мог:
Раздеваться, разуваться
На такой короткий срок.

Тут обвыкнешь — сразу крышка,
Чуть покинешь этот рай.
Лучше скажем: передышка.
Больше время не теряй.

Закусил, собрался, вышел,
Дело было на мази.
Грузовик идет, — заслышал,
Голосует:
— Подвези.

И, четыре пуда грузу
Добавляя по пути,
Через борт ввалился в кузов,
Постучал: давай, крути.

Ехал — близко ли, далеко —
Кому надо, вымеряй.
Только, рай, прощай до срока,
И опять — передний край.

Соскочил у поворота,
Глядь — и дома, у огня.
— Ну, рассказывайте, что тут,
Как тут, хлопцы, без меня?

— Сам рассказывай. Кому же
Неохота знать тотчас,
Как там, что в раю у вас...

— Хорошо. Немножко б хуже,
Верно, было б в самый раз...

Хорошо поспал, богато,
Осуждать не станем зря.
Только, знаете, война-то
Не закончена, друзья.

Как дойдем до той границы
По Варшавскому шоссе,
Вот тогда, как говорится,
Отдохнем. И то не все.

А пока — в пути, в теплушке,
В тесноте любой избушки,
В блиндаже иль погребушке,
Где нам случай приведет,
Лучше нет, как без хлопот,
Без перины, без подушки,
Примостясь плотней друг к дружке,
Отдохнуть. А там — вперед.

В НАСТУПЛЕНИИ

Столько жили в обороне,
Что уже с передовой
Сами шли бывало кони,
Как в селе, на водопой.

И на весь тот лес обжитый
И на весь передний край
У землянок домовитый
Раздавался песий лай.

И прижившийся на диво.
Петушок — была пора —
По утрам будил комдива,
Как хозяина двора.

И во славу зимних буден
В бане — пару не жалей —
Секлись вениками люди
Вязки собственной своей.

На войне, как на привале,
Отдыхали про запас,
Жили, «Теркина» читали
На досуге.
Вдруг — приказ...

Вдруг — приказ, конец стоянке
И уж где-то далеки
Опустевшие землянки,
Сиротливые дымки.

И уже обыкновенно
То, что минул целый год,
Точно день. Вот так, наверно,
И война и все пройдет.

И солдат мой поседелый,
Коль останется живой,
Вспомнит: то-то было дело,
Как сражались под Москвой...

И с печалью горделивой
Он начнет в кругу внучат
Свой рассказ неторопливый,
Если слушать захотят.

Трудно знать. Со стариками
Не всегда мы так добры.
Там посмотрим.
А покамест
Далеко до той поры.

Бой в разгаре. Дымкой синей
Серый снег заволокло.
И в цепи идет Василий,
Под огнем идет в село.

И до отчего порога,
До родимого села,
Через то село дорога —
Не иначе — пролегла.

Что поделаешь — иному
И еще кружнее путь.
И идет иной до дому
То ли степью незнакомой,
То ль горами где-нибудь...

Низко смерть над шапкой свищет,
Хоть кого согнет в дугу.
Цепь идет, как будто ищет
Что-то в поле на снегу.

И бойцам, что помоложе,
Что впервые так идут,
В этот час всего дороже
Знать одно, что Теркин тут.

Хорошо, хотя ознобцем
Пронимает под огнем, —
Не последним самым хлопцем
Показать себя при нем.

Толку нет, что в миг тоскливый,
Как снаряд берет разбег,
Теркин также ждет разрыва,
Камнем кинувшись на снег;

Что над страхом меньше власти
У того в бою подчас,
Кто судьбу свою и счастье
Испытал уже не раз;

Что, быть может, эта сила
Уцелевшим из огня
Человека выносила
До сегодняшнего дня,

До вот этой борозденки,
Где лежит, вобрав живот,
Он, обшитый кожей тонкой
Человек. Лежит и ждет...

Где-то там, за полем бранным,
Думу думает свою
Тот, по чьим часам карманным
Все часы идут в бою.

И за всей вокруг пальбою,
За разрывами в дыму
Он следит, владыка боя,
И решает, что к чему.

Где-то там, в песчаной круче,
В блиндаже сухом, сыпучем,
Глядя в карту, генерал
Те часы свои достал.

Хлопнул крышкой, точно дверкой,
Поднял шапку, вытер пот...

И дождался, слышит Теркин:
— Взвод! За Родину! Вперед!..

И хотя слова он эти,
Клич у смерти на краю,
Сотни раз читал в газете
И не раз слыхал в бою,
В душу вновь они вступали

С одинаковою той
Властью правды и печали,
Сладкой горечи святой,
С тою силой неизменной,
Что людей в огонь ведет,
Что за все ответ священный
На себя уже берет.

— Взвод! За Родину! Вперед!..

Лейтенант щеголеватый,
Конник, спешенный в боях,
По-мальчишечьи усатый,
Весельчак, плясун, казак,
Первым встал, стреляя с ходу,
Побежал вперед со взводом,
Обходя село с задов.
И пролег уже далеко
След его в снегу глубоком —
Дальше всех в цепи следов.

Вот уже у крайней хаты
Поднял он ладонь к усам:
— Молодцы! Вперед, ребята! —
Крикнул так молодцевато,
Словно был Чапаев сам.

Только вдруг вперед подался,
Оступился на бегу,
Четкий след его прервался
На снегу...

И нырнул он в снег, как в воду,
Как мальчонка с лодки в вир.
И пошло в цепи по взводу:
— Ранен! Ранен командир...

Подбежали. И тогда-то,
С тем и будет не забыт,
Он привстал:
— Вперед, ребята!
Я не ранен. Я — убит...

Край села, сады, задворки —
В двух шагах, в руках вот-вот...
И увидел, понял Теркин,
Что вести его черед.

— Взвод! За Родину! Вперед!..
И доверчиво по знаку,
За товарищем спеша,
С места бросились в атаку
Сорок душ — одна душа...

Если есть в бою удача,
То в исходе все подряд
С похвалой, весьма горячей,
Друг о друге говорят.

— Танки действовали славно.
— Шли саперы молодцом.
— Артиллерия подавно
Не ударит в грязь лицом.

— А пехота!
— Как по нотам,
Шла пехота. Ну да что там!
Авиация — и та...

Словом, просто — красота.

И бывает так, не скроем,
Что успех глаза слепит:
Столько сыщется героев,
Что — глядишь — один забыт.

Но для точности примерной,
Для порядка генерал,
Кто в село ворвался первым,
Знать на месте пожелал.

Доложили, как обычно:
Мол, такой-то взял село,

Но не смог явиться лично,
Так как ранен тяжело.

И тогда из всех фамилий,
Всех сегодняшних имен —
Теркин — вырвалось — Василий!
Это был, понятно, он.

СМЕРТЬ И ВОИН

За далекие пригорки
Уходил сраженья жар.
На снегу Василий Теркин
Не подобранный лежал.

Снег под ним, набрякши кровью,
Взялся грудой ледяной.
Смерть склонилась к изголовью:
— Ну, солдат, пойдем со мной.

Я теперь твоя подруга,
Недалеко провожу,
Белой вьюгой, белой вьюгой,
Вьюгой след запорошу.

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.
— Я не звал тебя, Косая,
Я солдат еще живой.

Смерть, смеясь, нагнулась ниже:
— Полно, полно, молодец,
Я-то знаю, я-то вижу:
Ты живой, да не жилец.

Мимоходом тенью смертной
Я твоих коснулась щек,
А тебе и незаметно,
Что на них сухой снежок.

Моего не бойся мрака,
Ночь, поверь, не хуже дня...

— А чего тебе, однако,
Нужно лично от меня?

Смерть как будто бы замялась,
Отклонилась от него.
— Нужно мне... такую малость, —
Ну почти что ничего.

Нужен знак один согласья,
Что устал беречь ты жизнь,
Что о смертном молишь часе...

— Сам, выходит, подпишись? —
Смерть подумала:
— Ну что же, —
Подпишись, и на покой.
— Нет, уволь. Себе дороже.
— Не торгуйся, дорогой.
Все равно идешь на убыль, —
Смерть подвинулась к плечу. —
Все равно стянулись губы,
Стынут зубы...
— Не хочу.

— А смотри-ка, дело к ночи,
На мороз горит заря.
Я к тому, чтоб мне короче
И тебе не мерзнуть зря...

— Потерплю.
— Ну что ты, глупый!
Ведь лежишь, всего свело.
Я б тебя тотчас тулупом,
Чтоб уже навек тепло.
Вижу, веришь. Вот и слезы,
Вот уж я тебе милей.
— Врешь, я плачу от мороза,
Не от жалости твоей.

— Что от счастья, что от боли —
Все равно. А холод лют.
Завилась поземка в поле.
Нет, тебя уж не найдут...
И зачем тебе, подумай,
Если кто и подберет.
Пожалеешь, что не умер
Здесь на месте, без хлопот...

— Шутишь, Смерть, плетешь тенета. —
Отвернул с трудом плечо. —
Мне как раз пожить охота,
Я и не жил-то еще...

— А и встанешь, толку мало, —
Продолжала Смерть смеясь. —
А и встанешь — все сначала:
Холод, страх, усталость, грязь.

Ну-ка, сладко ли, дружище,
Рассуди-ка в простоте.
— Что судить! С войны не взыщешь
Ни в каком уже суде...

— А тоска, солдат, впридачу:
Как там дома, что с семьей?

— Вот уж выполню задачу —
Кончу немца — и домой.

— Так. Допустим. Но тебе-то
И домой к чему прийти?
Догола земля раздета
И разграблена, учти.
Все в забросе.

— Я работник,
Я бы дома в дело вник.
— Дом разрушен.
— Я и плотник.
— Печки нету.

— И печник...
Я от скуки — на все руки,
Буду жив — мое со мной.

— Дай еще сказать старухе:
Вдруг придешь с одной рукой?
Иль еще каким калекой, —
Сам себе и то постыл... —
И со Смертью Человеку
Спорить стало свыше сил.
Истекал уже он кровью,
Коченел, спускалась ночь...

— При одном моем условье,
Смерть, послушай... я не прочь...

И, томим тоской жестокой,
Одинок, и слаб, и мал,
Он с мольбой, не то с упреком
Уговариваться стал:

— Я не худший и не лучший,
Что погибну на войне.
Но в конце ее, послушай,
Дашь ты на день отпуск мне?
Дашь ты мне в тот день последний,
В праздник славы мировой,
Услыхать салют победный,
Что раздастся над Москвой?
Дашь ты мне в тот день немножко
Погулять среди живых?
Дашь ты мне в одно окошко
Постучать в краях родных?
И как выйдут на крылечко,
Смерть, а Смерть, еще мне там
Дашь сказать одно словечко?
Полсловечка?
— Нет. Не дам...

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой

— Так пошла ты прочь,
Косая,
Я солдат еще живой!

Буду плакать, выть от боли,
Гибнуть в поле без следа,
Но тебе по доброй воле
Я не сдамся никогда.

— Погоди. Резон почище
Я найду, — подашь мне знак...

— Стой! Идут за мною. Ищут.
Из санбата.
                    — Где, чудак?
— Вон, по стежке занесенной... —
Смерть хохочет во весь рот:
— Из команды похоронной.
— Все равно: живой народ.

Снег шуршит, подходят двое,
Об лопату звякнул лом.
— Вот еще остался воин,
К ночи всех не уберем.
— А и то устали за день,
Доставай кисет, земляк.
На покойничке присядем
Да покурим натощак.
— Кабы, знаешь, до затяжки —
Щец горячих котелок.
— Кабы капельку из фляжки.
— Кабы так — один глоток.
— Или два...

И тут, хоть слабо,
Подал Теркин голос свой:
— Прогоните эту бабу,
Я солдат еще живой.

Смотрят люди: вот так штука!
Видят: верно, — жив солдат.

— Что ты думаешь!
— А ну-ка,
Понесем его в санбат.

— Ну и редкостное дело, —
Рассуждают не спеша. —
Одно дело — просто тело,
А тут — тело и душа.
— Еле-еле душа в теле.
— Шутки, что ль, зазяб совсем.
А уж мы тебя хотели,
Понимаешь, в наркомзем.

— Не толкуй. Заждался малый.
Вырубай шинель во льду.
Поднимай.
А Смерть сказала:
— Я, однако, вслед пойду.

«Земляки — они к работе
Приспособлены к иной.
Врете, — мыслит, — растрясете —
И еще он будет мой».

Два ремня да две лопаты,
Две шинели поперек.
— Береги, солдат, солдата.
— Понесли. Терпи, дружок.

Норовят, чтоб меньше тряски,
Чтоб ровнее как-нибудь,
Берегут, несут с опаской:
Смерть сторонкой держит путь.

А дорога — не дорога, —
Целина, по пояс снег.
— Отдохнули б вы немного,
Хлопцы...
— Милый человек, —

Говорит земляк толково, —
Не тревожься, не жалей.
Потому несем живого,
Мертвый вдвое тяжелей.

А другой:
— Оно известно.
А еще и то учесть,
Что живой спешит до места,
Мертвый дома, где ни есть.

— Дело, стало быть, в привычке, —
Заключают земляки. —
— Что ж ты, друг, без рукавички?
На-ко теплую, с руки...

И подумала впервые
Смерть, следя со стороны:
«До чего они, живые,
Меж собой свои — дружны.
Оттого и с одиночкой
Сладить надобно суметь.
Нехотя даешь отсрочку».

И, вздохнув, отстала Смерть.

ТЕРКИН ПИШЕТ

...И могу вам сообщить
Из своей палаты,
Что, большой любитель жить,
Выжил я, ребята.

И хотя натер бока,
Належался лежнем,
Говорят, зато нога
Будет лучше прежней.

И намерен я опять
Вскоре без подмоги

Той ногой траву топтать,
Встав на обе ноги...

Озабочен я сейчас
Лишь одной задачей:
Чтоб попасть в родную часть,
Никуда иначе.

С нею жил и воевал,
Курс наук усвоил,
Отступая, пыль глотал,
Наступая, снег черпал
Валенками воин.

И покуда что она
Для меня — солдата —
Все на свете, все сполна:
И родная сторона,
И семья, и хата.

И охота мне скорей
К ней в ряды вклиниться
И, дождавшись добрых дней,
По Смоленщине своей
Топать до границы.
Впрочем, даже суть не в том,
Я скажу точнее:
Доведись другим путем
До конца итти, — пойдем,
Где угодно, с нею!

Если ж пуля в третий раз
Клюнет насмерть, злая,
То по крайности средь вас,
Братцы, свой последний час
Встретить я желаю.

Только с этим мы спешить
Без нужды не станем.
Я большой любитель жить,
Как сказал заране.

И, поскольку я спешу
Повстречаться с вами,
Генералу напишу
Теми же словами.

Полагаю, генерал
Как-никак уважит,
Он мне орден выдавал,
В просьбе не откажет.

За письмом, надеюсь, вслед
Буду сам обратно...
Ну и повару привет
От меня двукратный.

Пусть и впредь готовит так,
Заправляя жирно,
Чтоб в котле стоял черпак
По команде «смирно»...

И одним слова свои
Заключить хочу я:
Что великие бои,
Как погоду, чую.
Так бывает у коня
Чувство близкой свадьбы...
До того большого дня
Мне без палок встать бы!

Сплю скорей да жду вестей.
Все сказал до корки...
Обнимаю вас, чертей.
Ваш
Василий Теркин

ТЕРКИН — ТЕРКИН

Чья-то печка, чья-то хата,
На дрова распилен хлев...
Кто назябся, дело свято, —
Тому надо обогрев.

Дело свято, — чья там хата,
Кто их нынче разберет?
Грейся, радуйся, ребята,
Сборный, смешанный народ.

На полу тебе солома,
Задремалось, так ложись.
Не у тещи и не дома,
Не в раю, однако — жизнь.

Тот сидит, разувши ногу,
Приподняв, глядит на свет.
Всю ощупывает строго,
Узнает — его иль нет.

Тот, шинель смахнув без страху,
Высоко задрав рубаху,
Прямо в печку хочет влезть.
— Не один ты, братец, здесь.
— Отслонитесь, хлопцы. Темень.
— Что ты, правда, как тот немец...
— Нынче немец сам не тот.

— Ну, брат, он еще дает,
Отпускает, не скупится...
— Все же с прежним не сравнится, —
Снял сапог с одной ноги.
— Дело ясное, — беги!
— Охо-хо. Война, ребятки.
— А ты думал! Вот чудак...
— Лучше нет — чайку в достатке,
Хмель — он греет, да не так.
— Это чья же установка
Греться чаем? Вот и врешь...
— Эй, не ставь к огню винтовку...
— А еще кулеш хорош...

Опрокинутый истомой,
Теркин дремлет на спине
От беседы в стороне.

Так ли, сяк ли, Теркин дома,
То-есть снова на войне...

Это раненым известно:
Воротись ты в полк родной —
Все не то: иное место
И народ уже иной.

Прибаутки, поговорки
Не такие ловит слух...
— Где-то наш Василий Теркин? —
Это слышит Теркин вдруг...

Привстает, шурша соломой,
Что там дальше — подстеречь.
Никому он не знакомый —
И о нем как будто речь...

Но сквозь шум и гам веселый,
Что кипел вокруг огня,
Вот он слышит новый голос:
— Это кто там про меня?
— Про тебя? —
Без оговорки
Тот опять:
— Само собой.
— Почему?
— Так я же Теркин. —

Это слышит Теркин мой.

Что-то странное творится,
Непонятное уму.
Повернулись тотчас лица
Молча к Теркину. К тому.

Люди вроде оробели:
— Теркин — лично?
— Я и есть.
— В самом деле?
— В самом деле.
— Хлопцы, хлопцы, Теркин здесь!

— Не свернете ли махорки? —
Кто-то вытащил кисет.
И не мой, а тот уж Теркин
Говорит:
— Махорки? Нет.

Теркин мой — к огню поближе,
Отгибает воротник.
Поглядит, а он-то рыжий —
Теркин тот, его двойник.

Если б попросту махорки
Теркин выкурил второй,
И не встрял бы, может, Теркин,
Промолчал бы мой герой.
Но, поскольку водит носом,
Задается человек,
Теркин мой к нему с вопросом:
— А у вас, небось, «Казбек»?

Тот помедлил чуть с ответом:
Мол, не понял ничего.
— Что ж, трофейной сигаретой
Угощу. —
Возьми его!
Видит мой Василий Теркин, —
Не с того зашел конца.
И не то, чтоб чувством горьким
Укололо молодца, —
Не любил людей спесивых,
И, обиду затая,
Он сказал, вздохнув лениво:
— Все же Теркин — это я...

Смех, волненье.
— Новый Теркин!
— Хлопцы, двое...
— Вот беда...
— Как дойдет их до пятерки,
Разбудите нас тогда.

— Нет, брат, шутишь, — отвечает
Теркин тот, поджав губу, —
Теркин — я.

— Да кто их знает, —
Не написано на лбу.

Из кармана гимнастерки
Рыжий — книжку:
— Что ж я вам...

— Точно: Теркин...
— Только Теркин
Не Василий, а Иван.

Но, уже с насмешкой глядя,
Тот ответил моему:
— Ты пойми, что рифмы ради
Можно сделать хоть Фому.

Этот выдохнул затяжку:
— Да, но Теркин-то — герой.

Тот шинельку нараспашку:
— Вот вам орден, вот другой,
Вот вам Теркин-бронебойщик,
Верьте слову, не молве.
И машин подбил я больше —
Не одну, а целых две...

Теркин будто бы растерян,
Грустно щурится в огонь.
— Я бы мог тебя проверить,
Будь бы здесь у нас гармонь.

Все кругом:
— Гармонь найдется.
Есть у старшего.
— Не тронь.
— Что не тронь?
— Смотри, проснется...

— Пусть проснется.
— Есть гармонь!

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно: гармонист.
Для началу, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

И к мехам припал щекою,
Строг и важен, хоть не брит,
И про вечер над рекою
Завернул, завел навзрыд...

Теркин мой махнул рукою:
— Ладно. Можешь, — говорит, —

Но одно тебя, брат, губит:
Рыжесть Теркину нейдет.
— Рыжих девки больше любят, —
Отвечает Теркин тот.

Теркин сам уже хохочет, —
Сердцем щедрым наделен, —
И не так уже хлопочет
За себя, — что Теркин он.

Чуть обидно, да приятно,
Что такой же рядом с ним.
Непонятно, да занятно
Всем ребятам остальным.

Молвит Теркин:
— Сделай милость,
Будь ты Теркин насовсем.
И пускай однофамилец
Буду я... —
А тот:
— Зачем?..

— Кто же Теркин?

— Ну и лихо!..
Хохот, шум, неразбериха.

Встал какой-то старшина
Да как крикнет:
— Тишина!

Что вы тут не разберете?
Не поймете меж собой?
По уставу каждой роте
Будет придан Теркин свой.
Слышно всем? Порядок ясен?
Жалоб нету? Ни одной?
Разойдись!
                    И я согласен
С этим строгим старшиной.

Я бы, может быть, и взводам
Придал Теркина в друзья.

Впрочем, все тут мимоходом
К разговору вставил я.

ОТ АВТОРА

По которой речке плыть, —
Той и славушку творить...
С первых дней годины горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Но еще не знал я, право,
Что с печатного столбца
Всем придешься ты по нраву,
А иным войдешь в сердца.

До войны едва в помине
Был ты, Теркин, на Руси.
Теркин? Кто такой? А ныне
Теркин — кто такой? — спроси.

— Теркин, как же!
— Знаем.
— Дорог.
— Парень свой, как говорят.

— Словом, Теркин тот, который
На войне лихой солдат,
На гулянке гость не лишний,
На работе — хоть куда...
Жаль, давно его не слышно,
Может, что худое вышло?
Может, с Теркиным беда?
— Не могло того случиться.
— Не похоже.
— Враки.
— Вздор...

— Как же, если очевидца
Подвозил один шофер.
В том бою лежали рядом,
Теркин будто бы привстал,
В тот же миг его снарядом
Бронебойным — наповал.

— Нет, снаряд ударил мимо,
А слыхали так, что мина...

— Пуля-дура.
— А у нас
Говорили, что фугас.

— Пуля, бомба или мина —
Все равно, не в том вопрос.
А слова перед кончиной
Он какие произнес?

— Говорил насчет победы.
Мол, вперед. Примерно так...

— Жаль, — сказал, — что до обеда
Я убитый, натощак.

Неизвестно, мол, ребята,
Отправляясь на тот свет,
Как там что: без аттестата
Признают нас или нет?

— Нет, иное почему-то
Слышал раненый боец.
Молвил Теркин в ту минуту:
— Мне — конец, войне — конец.

— Если так, тогда не верьте,
Разве это невдомек:
Не подвержен Теркин смерти,
Коль войне не вышел срок...

Шутки, слухи в этом духе
Автор слышит не впервой.
Правда правдой остается,
А молва себе — молвой.

Нет, товарищи, герою,
Столько лямку протащив,
Выходить теперь из строя? —
Извините! Теркин жив!

Жив-здоров. Бодрей, чем прежде.
Помирать? Наоборот,
Я в такой теперь надежде:
Он меня переживет.

Все худое он изведал,
Он терял родимый край
И одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.

С первых дней годины горькой
Мир слыхал сквозь грозный гром,
Повторял Василий Теркин:
— Перетерпим. Перетрем...

Нипочем труды и муки,
Горечь бедствий и потерь.
А кому же книги в руки,
Как не Теркину теперь?

Рассуди-ка, друг-товарищ,
Посмотри-ка, где ты вновь
На привалах кашу варишь,
В деревнях грызешь морковь.

Снова воду привелося
Из какой черпать реки!
Где стучат твои колеса,
Где ступают сапоги!

Оглянись, как встал с рассвета
Или ночь не спал, солдат,
Был иль не был здесь два лета,
Две зимы тому назад.

Вся она — от Подмосковья
И от Волжского верховья
До Днепра и Заднепровья —
Вдаль на запад сторона, —
Прежде отданная с кровью,
Кровью вновь возвращена.

Вновь отныне это свято:
Где ни свет, то наша хата,
Где ни дым, то наш костер,
Где ни стук, то наш топор,
Что ни груз идет куда-то, —
Наш маршрут и наш мотор!

И такую-то махину,
Где гони, гони машину, —
Есть где ехать вдаль и вширь,
Он пешком, не вполовину,
Всю промерил, богатырь.

Богатырь не тот, что в сказке —
Беззаботный великан,
А в походной запояске,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян.

Но покуда вздох в запасе,
Толку нет о смертном часе.
В муках тверд и в горе горд,
Теркин жив и весел, чорт!

Праздник близок, мать-Россия,
Оберни на запад взгляд:
Далеко ушел Василий,
Вася Теркин, твой солдат.

То серьезный, то потешный,
Нипочем, что дождь, что снег, —
В бой, вперед, в огонь кромешный
Он идет, святой и грешный,
Русский чудо-человек.

Разносись, молва, по свету:
Объявился старый друг...
— Ну-ка, к свету.
— Ну-ка, вслух...

ДЕД И БАБА

Третье лето. Третья осень.
Третья озимь ждет весны.
О своих нет-нет и спросим
Или вспомним средь войны.

Вспомним с нами отступавших,
Воевавших год иль час,
Павших, без вести пропавших,
С кем видались мы хоть раз,

Провожавших, вновь встречавших.
Нам попить воды подавших,
Помолившихся за нас.

Вспомним вьюгу-завируху
Прифронтовой полосы,
Хату с дедом и старухой,
Где наш друг чинил часы.

Им бы не было износу
Впредь до будущей войны,
Но, как водится, без спросу
Снял их немец со стены:

То ли вещью драгоценной
Те куранты посчитал,
То ль решил с нужды военной:
Как-никак цветной металл.

Шла зима, весна и лето,
Немец жить велел живым.
Шла война далеко где-то
Чередом глухим своим.

И в твоей родимой речке
Мылся немец тыловой.
На твоем сидел крылечке
С непокрытой головой.

И кругом его порядки,
И немецкий, привозной
На смоленской узкой грядке
Зеленел салат весной.

И ходил сторонкой, боком
Ты по улочке своей, —
Уберегся ненароком,
Жить живи, дышать не смей.

Так и жили дед да баба
Без часов своих давно,

И уже светилось слабо
На пустой стене пятно...

Но со страстью неизменной
Дед судил, рядил, гадал
О кампании военной,
Как в отставке генерал.
На дорожке возле хаты
Костылем старик чертил
Окруженья и охваты,
Фланги, клинья, рейды в тыл...

— Что ж, за чем там остановка? —
Спросят люди. — Срок не мал...

Дед-солдат моргал неловко,
Кашлял:
— Перегруппировка... —
И таинственно вздыхал.

У людей уже украдкой
Наготове был упрек,
Словно добрую догадку
Дед по скупости берег,
Словно думал подороже
Запросить с души живой.
— Дед, когда же?
— Дед, ну что же?
— Где ж он, дед, Буденный твой?

И едва войны погудки
Заводил вдали восток,
Дед, не медля ни минутки,
Объявил, что грянул срок.

Отличал тотчас по слуху
Грохот русских батарей.
Бегал, топал:
— Дай им духу!
Дай еще! Добавь! Прогрей!

Но стихала канонада,
Потухал зарниц пожар.
— Дед, ну что же?
— Думать надо,
Здесь не главный был удар.

И уже казалось деду, —
Сам хотел того иль нет, —
Перед всеми за победу
Лично он держал ответ.

И, тая свою кручину,
Для всего на свете он
И угадывал причину
И придумывал резон.

Но когда пора настала,
Долгожданный вышел срок,
То впервые воин старый
Ничего сказать не мог...

Все тревоги, все заботы
У людей слились в одну:
Чтоб за час до той свободы
Не постигла смерть в плену.

В ночь, как все, старик с женой
Поселились в яме.
А война — не стороной,
Нет, над головами.

Довелось под старость лет:
Ни в пути, ни дома,
А у входа на тот свет
Ждать часы приема.

Под накатом из жердей,
На мешке картошки,
С узелком, с горшком углей,
С курицей в лукошке...

Две войны прошел солдат
Целый, невредимый.
Пощади его, снаряд,
В конопле родимой!

Просвисти над головой,
Но вблизи не падай,
Даже если ты и свой, —
Все равно не надо!

Мелко крестится жена,
Сам не скроешь дрожи:
Ведь живая смерть страшна
И солдату тоже.

Стихнул грохот огневой
С полночи впервые.
Вдруг — шаги за коноплей.
— Ну, идут... немые...

По картофельным рядам
К погребушке прямо.
— Ну, старик, не выйти нам
Из готовой ямы. —
Но старик встает, плюет
По-мужицки в руку,
За топор — и наперед,
Заслонил старуху.

Гибель верную свою,
Как тот миг ни горек,
Порешил встречать в бою,
Держит свой топорик.

Вот шаги у края — стоп!
И на шубу глухо
Осыпается окоп.
Обмерла старуха.

Все же вроде как жива:
— Наше место свято! —

Слышит русские слова:
— Жители, ребята!

— Детки родненькие! Детки! —
Уронил топорик дед.

— Мы, отец, еще в разведке,
Тех встречай, что будут вслед.

На подбор орлы-ребята,
Молодец до молодца!
И старшой у аппарата, —
Хоть ты что, знаком с лица.

— Закурить? Крути, папаша. —
Дед садится, вытер лоб.
— Ну, ребята, счастье ваше,
Голос подали. А то б...

И старшой, смеясь, кивает:
— Ничего, на том стоим.
На войне, отец, бывает, —
Попадает по своим.

— Точно так, — и тут бы деду
В самый раз, чтоб закурить,
В самый раз продлить беседу —
Столько ждал! — поговорить.

Но они спешат не в шутку...
И еще не снялся дым...
— Погоди, отец, минутку,
Дай сперва освободим...

Молодец ему при этом
Подмигнул для красоты,
И его по всем приметам
Дед узнал:
— Так это ж ты!

Друг-знакомец, мастер-ухарь,
С кем сидели у стола.
Погляди скорей, старуха!
Узнаешь его, орла?

Та как глянула:

— Сыночек,
Голубочек! Вот уж гость!
Может, сала съешь кусочек?
Воевал, устал небось?

Смотрит он, шутник тот самый:
— Закусить бы счел за честь,
Но ведь нету, бабка, сала?
— Да и нет, а все же есть...

— Значит, цел, орел, покуда.
— Ну, отец, не только цел:
Отступал солдат отсюда,
А теперь, гляди, кто буду:
Вроде даже офицер.

— Офицер? Так-так. Понятно, —
Дед кивает головой. —
Ну, а если... на попятный,
То опять как рядовой?..

— Нет, отец, забудь. Отныне
Нерушим простой завет:
Ни в большом, ни в малом чине
На попятный ходу нет...

Откажи мне в черствой корке,
Прогони тогда за дверь.
Это я, Василий Теркин,
Говорю. И ты уж верь.

— Да уж верю! Как получше,
На какой теперь манер:
Господин, сказать, поручик
Иль товарищ офицер?

— Стар годами, слаб глазами,
И, однако, ты, старик,
За два года с господами
К обращению привык...

Дед — плеваться, а старуха,
Подпершись одной рукой,
Чуть склонясь и эту руку
Взявши под локоть другой,
Все смотрела, как на сына
Смотрит мать из уголка.

— Закуси еще, — просила, —
Закуси, поешь пока...

И спешил, а все ж отведал,
Угостился, как родной.
Табаку отсыпал деду
И простился.

— Связь, за мной! —
И уже пройдя немного, —
Мастер памятлив и тут, —
Теркин будто бы с порога
Про часы спросил:
— Идут?

— Как не так! — и вновь причина
Бабе кинуться в слезу.

— Будет, бабка! Из Берлина
Двое новых привезу.

НА ДНЕПРЕ

За рекой еще Угрою,
Что осталась позади,
Генерал сказал герою:
— Нам с тобою по пути...

Вот, казалось, парню счастье,
Наступать расчет прямой:
Со своей гвардейской частью
На войне придет домой.

Но едва ль уже мой Теркин,
Жизнью тертый человек,
При девчонках на вечерке
Помышлял курить «Казбек»...

Все же с каждым переходом,
С каждым днем, что ближе к ней,
Сторона, откуда родом,
Земляку была больней.

И в пути, в горячке боя,
На привале и во сне
В нем жила сама собою
Речь к родимой стороне:

— Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Приднепровский отчий край,
Здравствуй, сына привечай!

Здравствуй, пестрая осинка,
Ранней осени краса,
Здравствуй, Ельня, здравствуй, Глинка,
Здравствуй, речка Лучеса...

Мать-земля моя родная,
Я твою изведал власть,
Как душа моя больная
Издали к тебе рвалась!

Я загнул такого крюку,
Я прошел такую даль,
И видал такую муку,
И такую знал печаль.

Мать-земля моя родная,
Дымный дедовский большак,
Я про то не вспоминаю,
Не хвалюсь, а только так...

Я иду к тебе с востока,
Я тот самый, не иной.
Ты взгляни, вздохни глубоко,
Встреться наново со мной.

Мать-земля моя родная,
Ради радостного дня
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня...

Так в пути, в горячке боя,
В суете хлопот и встреч
В нем жила сама собою
Эта песня или речь.

Но война — ей все едино,
Все — хорошие края:
Что Кавказ, что Украина,
Что Смоленщина твоя.

Через реки и речонки,
По мостам, и вплавь, и вброд,
Мимо, мимо той сторонки
Шла дивизия вперед.

А левее той порою,
Ранней осенью сухой,
Занимал село героя
Генерал совсем другой...

Фронт полнел, как половодье,
Вширь и вдаль. К Днепру, к Днепру
Кони шли, прося поводья,
Как с дороги ко двору.

И в пыли, рябой от пота,
Фронтовой смеялся люд:
Хорошо идет пехота,
Раз колеса отстают.

Нипочем, что уставали
По пути к большой реке
Так, что ложку на привале
Не могли держать в руке.

Вновь сильны святым порывом,
Шли вперед своим путем,
Со страдальчески-счастливым,
От жары открытым ртом.

Слева наши, справа наши,
Не отстать бы на ходу.
— Немец кухни с теплой кашей
Второпях забыл в саду.

— Подпереть его да в воду.
— Занял берег, сукин сын!
— Говорят, уж занял с ходу
Населенный пункт Берлин...

Золотое бабье лето
Оставляя за собой,
Шли войска — и вдруг с рассвета
Наступил днепровский бой...

Может быть, в иные годы,
Очищая русла рек,
Все, что скрыли эти воды,
Вновь увидит человек.

Обнаружит в илах сонных,
Извлечет из рыбьей мглы,
Как стволы дубов мореных,
Орудийные стволы,

Русский танк с немецким в паре,
Что нашли один конец,
И обоих полушарий
Сталь, резину и свинец.

Хлам войны — понтона днище,
Трос, оборванный в песке,
И топор без топорища,
Что сапер держал в руке...

Может быть, куда как пуще
И об этом топоре
Скажет кто-нибудь в грядущей
Громкой песне о Днепре,

О страде неимоверной
Кровью памятного дня.
Но о чем-нибудь, наверно,
Он не скажет за меня.

Пусть не мне еще с задачей
Было сладить. Не беда.
В чем-то я его богаче, —
Я ступал в тот след горячий.
Я там был. Я жил тогда.

Если с грузом многотонным
Отстают грузовики,
И когда-то мост понтонный
Доберется до реки, —

Под огнем не ждет пехота,
Уставной держась статьи,
За паром идут ворота,
Доски, бревна — за ладьи.

К ночи будут переправы,
В срок поднимутся мосты,
А ребятам берег правый
Свесил на воду кусты.

Подплывай, хватай за гриву,
Словно доброго коня.
Передышка под обрывом
И защита от огня.

Не беда, что с гимнастерки,
Со всего ручьем течет...
Точно так Василий Теркин
И вступил на берег тот.

На заре туман кудлатый,
Спутав дымы и дымки,
В берегах сползал куда-то,
Как река поверх реки.

И еще в разгаре боя
Нынче, может быть, вот-вот
Вместе с берегом, с землею
Будет в воду сброшен взвод.

Впрочем, всякое привычно,
Срок войны, что жизни век.
От заставы пограничной
До Москвы-реки столичной
И обратно — столько рек!

Вот уже боец последний
Вылезает на песок
И жует сухарь немедля,
Потому — в Днепре намок.

Мокрый сам, шуршит штанами.
Ничего! — на то десант.
— Наступаем. Днепр за нами.
А, товарищ лейтенант?..

Бой гремел за переправу,
А внизу, южнее чуть —
Немцы с левого на правый,
Запоздав, держали путь.

Но уже не разминуться,
Теркин строго говорит:
— Пусть на левом в плен сдаются.
Здесь пока прием закрыт.

А на левом с ходу, с ходу
Подоспевшие штыки
Их толкали в воду, в воду,
А вода себе теки...

И еще меж берегами
Без разбору, наугад
Бомбы сваи помогали
Загонять, стелить накат.

Но уже из погребушек,
Из кустов, лесных берлог
Шел народ — родные души
По обочинам дорог...

К штабу на берег восточный
Плелся стежкой, стороной
Некий немец беспорточный,
Веселя народ честной.

— С переправы?
— С переправы.
Только-только из Днепра.
— Плавал, значит?
— Плавал, дьявол,
Потому — пришла жара. .
— Сытый, чорт!
Чистопородный.
— В плен спешит, как на привал... —
Но уже любимец взводный,
Теркин, в шутки не встревал.

Он курил, смотрел не строго,
Думой занятый своей.
За спиной его дорога
Много раз была длинней.

И молчал он не в обиде,
Не кому-нибудь в упрек,
Просто, больше знал и видел,
Потерял и уберег...

— Мать-земля моя родная,
Вся смоленская родня,
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня.

Не в плену тебя жестоком,
По дороге фронтовой,
А в родном тылу глубоком
Оставляет Теркин твой.

Минул срок годины горькой,
Не воротится назад...
— Что ж ты, брат, Василий Теркин,
Плачешь вроде?..
— Виноват...

ПРО СОЛДАТА-СИРОТУ

Нынче речи о Берлине.
Шутки прочь, — подай Берлин.
И давно уж не в помине,
Скажем, древний город Клин.

И на Одере едва ли
Вспомнят даже старики,
Как полгода с бою брали
Населенный пункт Борки.

А под теми под Борками
Каждый камень, каждый кол
На три жизни вдался в память
Нам с солдатом-земляком.

Был земляк не стар, не молод,
На войне с того же дня

И такой же был веселый,
Наподобие меня.

Приходилось парню драпать,
Бодрый дух всегда берег,
Повторял: «Вперед, на запад»,
Продвигаясь на восток.

Между прочим, при отходе,
Как сдавали города,
Больше вроде был он в моде,
Больше славился тогда.

И по странности бывало
Одному ему почет,
Так что даже генералы
Были будто бы не в счет.

Срок иной, иные даты.
Разделен издревле труд:
Города сдают солдаты,
Генералы их берут.

В общем битый, тертый, жженый,
Раной меченный двойной,
В сорок первом окруженный,
По земле он шел родной.

Шел солдат, как шли другие,
В неизвестные края:
«Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?..»

И в плену семью кидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей.

Но какая ни морока,
Правда правдой, ложью ложь.
Отступали мы до срока,

Отступали мы далеко,
Но всегда твердили:
— Врешь!..

И теперь взглянуть на запад
От столицы. Край родной!
Не на шутку был он заперт
За железною стеной.

И до малого селенья
Та из плена сторона
Не по щучьему веленью
Вновь сполна возвращена,

По веленью нашей силы,
Русской, собственной своей.
Ну-ка, где она, Россия,
У каких гремит дверей!

И, навеки сбив охоту
В драку лезть на свой авось,
Враг ее — какой по счету! —
Пал ничком и лапы врозь.

Над какой столицей круто
Взмыл твой флаг, Отчизна-мать!
Подождемте до салюта,
Чтобы в точности сказать.

Срок иной, иные даты.
Правда, ноша не легка...
Но продолжим про солдата,
Как сказали, земляка.

Дом родной, жена ли, дети,
Брат, сестра, отец иль мать
У тебя вот есть на свете, —
Есть куда письмо послать.

А у нашего солдата —
Адресатом белый свет.
Кроме радио, ребята,
Близких родственников нет.

На земле всего дороже,
Коль имеешь про запас.
То окно, куда ты сможешь
Постучаться в некий час.

На походе, за границей,
В чужедальней стороне,
Ах, как бережно хранится
Боль-мечта о том окне!

А у нашего солдата, —
Хоть сейчас войне отбой, —
Ни окошка нет, ни хаты,
Ни хозяйки, хоть женатый,
Ни сынка, а был, ребята, —
Рисовал дома с трубой...

Под Смоленском наступали.
Выпал отдых. Мой земляк
Обратился на привале
К командиру: так и так,

Отлучиться разрешите,
Дескать, случай дорогой,
Мол, поскольку местный житель,
До двора — подать рукой.

Разрешают в меру срока...
Край известный до куста.
Но глядит — не та дорога,
Местность будто бы не та.

Вот и взгорье, вот и речка,
Глушь, бурьян солдату в рост,
Да на столбике дощечка:
Мол, деревня Красный Мост.

И нашлись, что были живы,
И скажи ему спроста
Все по правде, что служивый
Достоверный сирота.

У дощечки на развилке,
Сняв пилотку, наш солдат
Постоял, как на могилке,
И пора ему назад.

И подворье покидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей...

Но, бездомный и безродный,
Воротившись в батальон,
Ел солдат свой суп холодный
После всех, и плакал он.

На краю сухой канавы,
С горькой, детской дрожью рта,
Плакал, сидя с ложкой в правой,
С хлебом в левой, — сирота.

Плакал, может быть, о сыне,
О жене, о чем ином,
О себе, что знал: отныне
Плакать некому о нем.

Должен был солдат и в горе
Закусить и отдохнуть,
Потому, друзья, что вскоре
Ждал его далекий путь.

До земли советской края
Шел тот путь в войне, в труде.
А война пошла такая —
Кухни сзади, чорт их где!

Позабудешь и про голод
За хорошею войной.
Шутки, что ли, сутки — город,
Двое суток — областной.

Срок иной, пора иная —
Бей, гони, перенимай.
Белоруссия родная,
Украина золотая,
Здравствуй, пели, и прощай.

Позабудешь и про жажду,
Потому что пиво пьет
На войне отнюдь не каждый
Тот, что брал пивной завод.

Так-то с ходу ли, не с ходу,
Соступив с родной земли,
Пограничных речек воду
Мы с боями перешли.

Счет сведен, идет расплата
На свету, начистоту.
Но закончим про солдата,
Про того же сироту.

Где он нынче на поверку.
Может, пал в бою каком,
С мелкой надписью фанерку
Занесло сырым снежком.

Или снова был он ранен,
Отдохнул, как долг велит,
И опять на поле брани
Вместе с нами брал Тильзит?

И, Россию покидая,
За войной спеша скорей,
Что он думал, не гадаю,
Что он нес в душе своей.

Может, здесь еще бездомней
И больней душе живой, —
Так ли, нет, — должны мы помнить
О его слезе святой.

Если б ту слезу руками
Из России довелось
На немецкий этот камень
Донести, — прожгла б насквозь.

Счет велик, идет расплата.
И за той большой страдой
Не забудемте, ребята,
Вспомним к счету про солдата,
Что остался сиротой.

Грозен счет, страшна расплата
За мильоны душ и тел.
Уплати — и дело свято,
Но вдобавок за солдата,
Что в войне осиротел.

Далеко ли до Берлина,
Не считай, шагай, смоли, —
Вдвое меньше половины
Той дороги, что от Клина,
От Москвы уже прошли.

День идет за ночью следом,
Подведем штыком черту.
Но и в светлый День Победы
Вспомним, братцы, за беседой
Про солдата-сироту...

ПО ДОРОГЕ НА БЕРЛИН

По дороге на Берлин
Вьется серый пух перин.

Провода умолкших линий,
Ветки вымокшие лип
Пух перин повил, как иней,
По бортам машин налип.

И колеса пушек, кухонь
Грязь и снег мешают с пухом,

И ложится на шинель
С пухом мокрая метель...

Скучный климат заграничный,
Чуждый край краснокирпичный,
Но война сама собой,

И земля дрожит привычно,
Хрусткий щебень черепичный
Отряхая с крыш долой...

Мать-Россия, мы полсвета
У твоих прошли колес,
Позади оставив где-то
Рек твоих раздольный плес.

Долго-долго за обозом
В край чужой тянулся вслед
Белый цвет твоей березы
И в пути сошел на нет...

С Волгой, с древнею Москвою
Как ты нынче далека.
Между нами и тобою —
Три не наших языка.

Поздний день встает не русский
Над немилой стороной.
Черепичный щебень хрусткий
Мокнет в луже под стеной.

Всюду надписи, отметки,
Стрелки, вывески, значки,
Кольца проволочной сетки,
Загородки, дверцы, клетки —
Все нарочно для тоски...

Мать-земля родная наша,
В дни беды и в дни побед
Нет тебя светлей и краше
И желанней сердцу нет.

Помышляя о солдатской
Непредсказанной судьбе,
Даже лечь в могиле братской
Лучше кажется в тебе.

А всего милей до дому,
До тебя дойти живому,
Заявиться в те края.
Здравствуй, Родина моя!

Воин твой, слуга народа,
С честью может доложить:
Воевал четыре года,
Воротился из похода
И теперь желает жить.

Он исполнил долг во славу
Боевых твоих знамен.
Кто еще имеет право
Так любить тебя, как он!

День и ночь в боях сменяя,
В месяц шапки не снимая,
Воин твой, защитник-сын
Шел, спешил к тебе, родная,
По дороге на Берлин...

По дороге неминучей
Пух перин клубится тучей.

Городов горелый лом
Пахнет паленым пером.

И под грохот канонады
На восток, из мглы и смрада,
Как из адовых ворот,
Вдоль шоссе течет народ.

Потрясенный, опаленный,
Всех кровей, разноплеменный,
Горький, вьючный, пеший люд...

На восток — один маршрут.

На восток, сквозь дым и копоть,
Из одной тюрьмы глухой
По домам идет Европа,
Пух перин над ней пургой.

И на русского солдата
Брат-француз, британец-брат,
Брат-поляк и все подряд
С дружбой будто виноватой,
Но сердечною глядят.

На безвестном перекрестке
На какой-то встречный миг
Сами тянутся к прическе
Руки девушек немых.

И от тех речей, улыбок
Залит краской сам солдат:
Вот Европа, а спасибо
Все по-русски говорят.

Он стоит, освободитель,
Набок шапка со звездой,
Я, мол, что ж, помочь любитель,
Я насчет того простой.
Мол, такая служба наша,
Прочим флагам не в упрек...

— Эй, а ты куда, мамаша?
— А туда ж, — домой, сынок.

В чужине, в пути далече,
В пестром сборище людском
Вдруг слова родимой речи,
Бабка в шубе, с посошком.

Старость вроде, да не дряхлость,
По-дорожному крест-накрест

Вся платком оплетена
И в котомку впряжена:

Поздоровалась и встала,
Земляку-бойцу под стать
Деревенская, простая
Наша труженица мать.

Мать святой извечной силы,
Из безвестных матерей,
Что в труде неизносимы
И в любой беде своей,

Что судьбою, повторенной
На земле сто раз подряд,
И растят в любви бессонной,
И теряют нас, солдат,

И живут и рук не сложат,
Не сомкнут своих очей,
Коль нужны еще, быть может,
Внукам вместо сыновей.

Мать одна в чужбине где-то!
— Далеко ли до двора?
— До двора? Двора-то нету,
А сама из-за Днепра...

Стой, ребята, не годится,
Чтобы этак с посошком
Шла домой из-за границы
Мать солдатская пешком.

Нет, родная, по порядку
Дай нам делать, не мешай.
Перво-наперво лошадку
С полной сбруей получай.

Получай экипировку,
Ноги ковриком укрой.
А еще тебе коровку
Вместе с приданной овцой.

В путь-дорогу чайник с кружкой
Да ведерко про запас,
Да перинку, да подушку, —
Немцу в тягость, нам как раз...

— Ни к чему. Куда, родные? —
А ребята — нужды нет —
Волокут часы стенные
И ведут велосипед.

— Ну, прощай. Счастливо ехать! —
Что-то силится сказать
И закашлялась от смеха,
Головой качает мать.

— Как же, детки, путь не близкий,
Вдруг задержат где меня:
Ни записки, ни расписки
Не имею на коня.

— Ты об этом не печалься,
Поезжай да поезжай.
Что касается начальства, —
Свой у всех передний край...

Поезжай, кати, что с горки,
А случится что-нибудь,
То скажи, не позабудь:
Мол, снабдил Василий Теркин, —
И тебе свободен путь.

Будем живы, в Заднепровье
Завернем на пироги.

— Дай господь тебе здоровья
И от пули сбереги...

Далеко, должно быть, где-то
Едет нынче бабка эта,
Правит, щурится от слез.
И с боков дороги узкой,

На земле еще не русской —
Белый цвет родных берез.

Ах, как радостно и больно
Видеть их в краю ином...

Пограничный пост контрольный,
Пропусти ее с конем!

В БАНЕ

На околице войны —
В глубине Германии —
Баня! Что там Сандуны
С остальными банями!

На чужбине — отчий дом —
Баня натуральная.
По порядку поведем
Нашу речь похвальную.

Дом ли, за̀мок, все равно,
Дело безобманное:
Банный пар занес окно
Пеленой туманною.

Стулья графские стоят
Вдоль стены в предбаннике.
Снял подштанники солдат,
Докурил без паники.

Докурил, рубаху с плеч
Тащит через голову.
Про солдата в бане речь, —
Поглядим на голого.

Невысок, да грудь вперед
И в кости надежен.
Телом бел, — который год
Загорал в одеже.

И хоть нет сейчас на нем
Форменных регалий,
Что знаком солдат с огнем,
Сразу б угадали.

Подивились бы спроста,
Что остался целым.
Припечатана звезда
На живом, на белом.

Неровна, зато красна,
Впрямь под стать награде,
Пусть не спереди она, —
На лопатке сзади.

С головы до ног мельком
Осмотреть атлета:
Там еще рубец стручком,
Там иная мета.

Знаки, точно письмена
Памятной страницы.
Тут и Ельня, и Десна,
И родная сторона
В строку с заграницей.

Столько верст и столько вех,
Не забыть иную.
Но разделся человек,
Так идет в парную.

Он идет, но как идет,
Проследим сторонкой.
Так ступает, точно лед
Под ногами тонкий,

Будто делает с трудом
Шаг — и непременно:
— Ух, ты! — крякает, притом
Щурится блаженно.

Говор, плеск, веселый гул,
Капли с потных сводов...
Ищет, руки протянув,
Прежде пар, чем воду.

Пар бодает в потолок.
Ну-ка, с ходу на полок!

В жизни мирной или бранной,
У любого рубежа,
Благодарны ласке банной
Наше тело и душа.

Ничего, что ты природой
Самый русский человек,
А берешь для бани воду
Из чужих, далеких рек.

Много хуже для здоровья,
По зиме ли, по весне,
Возле речек Подмосковья
Мыться в бане на войне.

— Ну-ка, ты, псковской, елецкий,
Иль еще какой земляк,
Зачерпни воды немецкой
Да уважь, плесни черпак.

Не жалей, добавь на пфенниг,
А теперь погладить швы
Дайте, хлопцы, русский веник,
Даже если он с Литвы.

Честь и слава помпохозу,
Снаряжавшему обоз,
Что советскую березу
Аж за Кенигсберг завез.

Эй, славяне, что с Кубани,
С Дона, с Волги, с Иртыша,
Занимай высоты в бане,
Закрепляйся не спеша!

До того, друзья, отлично
Так-то всласть, не торопясь,
Парить веником привычным
Заграничный пот и грязь.

Пар на славу, молодецкий,
Мокрым доскам горячо.
Ну-ка, где ты, друг елецкий,
Кинь гвардейскую еще!

Кинь еще, а мы освоим
С прежней дачей заодно.
Вот теперь спасибо, воин,
Отдыхай. Теперь оно!

Кто не нашей подготовки,
Того с полу на полок
Не втянуть и на веревке, —
Разве только через блок.

Тут любой старик любитель,
Сунься только, как ни рьян,
Больше двух минут не житель,
А и житель — не родитель,
Потому не даст семян.

Нет, куда, куда, куда там,
Хоть кому, кому, кому
Браться париться с солдатом, —
Даже чорту самому.

Пусть он жиловатый парень,
Да такими вряд ли он,
Как солдат, жарами жарен
И морозами печен.

Пусть он в общем тертый малый,
Хоть, понятно, чорта нет,
Да поди сюда, пожалуй,
Так узнаешь, где тот свет.

На полке, полке, что тесан
Мастерами на войне,
Ходит веник жарким чесом
По малиновой спине.

Человек поет и стонет,
Просит:
— Гуще нагнетай.
Стонет, стонет, а не донят:
— Дай! Дай! Дай! Дай!

Не допариться в охоту,
В меру тела для бойца —
Все равно, что немца с ходу
Не доделать до конца.

Нет, тесни его, чтоб вскоре
Опрокинуть навзничь в море,
А который на земле —
Истолочь живьем в котле.

И за всю войну впервые —
Немца нет перед тобой.
В честь победы огневые
Грянут следом за Москвой.

Грянет залп многоголосый,
Заглушая шум волны.
И пошли стволы, колеса
На другой конец войны.

С песней тронулись колонны
Не в последний ли поход?
И ладонью запыленной
Сам солдат слезу утрет.

Кто-то свистнет, гикнет кто-то,
Грусть растает, как дымок.
И война — не та работа,
Если праздник недалек.

И война — не та работа,
Ясно даже простаку,
Если по три самолета
В помощь придано штыку.

И не те как будто люди,
И во всем иная стать,
Если танков и орудий —
Сверх того, что негде стать.

Сила силе доказала:
Сила силе — не ровня.
Есть металл прочней металла,
Есть огонь страшней огня!

Бьют Берлину у заставы
Судный час часы Москвы...

А покамест суд да справа —
Пропотел солдат на славу,
Кость прогрел, разгладил швы,
Новый с ног до головы —
И слезай, кончай забаву...

А внизу — иной уют,
В душевой и ванной
Завершает голый люд
Банный труд желанный.

Тот упарился, а тот
Борется с истомой.
Номер первый спину трет
Номеру второму.

Тот, механик и знаток,
У светца хлопочет,
Тот макушку мылит впрок,
Тот мозоли мочит,

Тот платочек носовой,
Свой трофей карманный,

Моет мыльною водой
Дармовою банной.

Ну, а наш слегка остыл
И — конец лежанке.
В шайке пену нарастил,
Обработал фронт и тыл,
Не забыл про фланги.
Быстро сладил с остальным,
Обдался и вылез.
И невольно вслед за ним
Все поторопились.

Не затем, чтоб он стоял
Выше в смысле чина.
А затем, что жизни дал
На полке мужчина.

Любит русский человек
Праздник силы всякий,
Оттого и хлеще всех
Он в труде и драке,

И в привычке у него
Издавна, извечно
За любое удальство
Уважать сердечно.

И с почтеньем все глядят,
Как опять без паники,
Не спеша надел солдат
Новые подштанники.

Не спеша надел штаны
И почти что новые,
С точки зренья старшины,
Сапоги кирзовые.

В гимнастерку влез солдат,
А на гимнастерке —
Ордена, медали в ряд
Жарким пламенем горят...

— Закупил их, что ли, брат,
Разом в военторге? —
Тот стоит во всей красе,
Занят самокруткой.
— Это что! Еще не все, —
Метит шуткой в шутку.

— Любо-дорого. А где ж
Те, мол, остальные?..

— Где последний свой рубеж
Держит немец ныне.

И едва простился он,
Как бойцы в восторге
Вслед вздохнули:
— Ну, силен!
— Все равно, что Теркин.

ОТ АВТОРА

Светит месяц, ночь ясна,
Чарка выпита до дна...

Теркин, Теркин, в самом деле
Час настал, войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой.

И, как будто оглушенный,
В наступившей тишине
Смолкнул я, певец смущенный,
Петь привыкший на войне.

В том беды особой нету:
Песня, стало быть, допета.
Песня новая нужна,
Дайте срок, придет она.

Я сказать хотел иное,
Мой читатель, друг и брат,
Как всегда перед тобою
Я, должно быть, виноват.

Больше б мог, да было к спеху,
Тем, однако, дорожи,
Что, случилось, врал для смеху,
Никогда не лгал для лжи.

И, по совести, порою
Сам вздохнул не раз, не два,
Повторив слова героя,
То-есть Теркина слова:

«Я не то еще сказал бы,
Про себя поберегу,
Я не так еще сыграл бы,
Жаль, что лучше не могу».

И хотя иные вещи
В годы мира у певца
Выйдут, может быть, похлеще
Этой книги про бойца, —

Мне она всех прочих боле
Дорога, родна до слез,
Как тот сын, что рос не в холе,
А в годину бед и гроз...

С первых дней годины горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой.

Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне,
Повстречавшись на войне.

От Москвы, от Сталинграда
Неизменно ты со мной —
Боль моя, моя отрада,
Отдых мой и подвиг мой!

Эти строки и страницы —
Дней и верст особый счет,
Как от западной границы
До своей родной столицы
И от той родной столицы
Вспять до западной границы,
А от западной границы
Вплоть до вражеской столицы
Мы свой делали поход.

Смыли весны горький пепел
Очагов, что грели нас.
С кем я не был, с кем я не пил
В первый раз, в последний раз...

С кем я только не был дружен
С первой встречи близ огня.
Скольким душам был я нужен,
Без которых нет меня.

Скольких их на свете нету,
Что прочли тебя, поэт,
Словно бедной книге этой
Много, много, много лет.

И сказать, помыслив здраво:
Что ей будущая слава!

Что ей критик, умник тот,
Что читает без улыбки,
Ищет, нет ли где ошибки, —
Горе, если не найдет.

Не о том с надеждой сладкой
Я мечтал, когда украдкой
На войне, под кровлей шаткой,

По дорогам, где пришлось,
Без отлучки от колес,
В дождь, укрывшись плащ-палаткой,
Иль, зубами сняв перчатку,
На ветру, в лютой мороз,
Заносил в свою тетрадку
Строки, жившие вразброс.

Я мечтал о сущем чуде:
Чтоб от выдумки моей
На войне живущим людям
Было, может быть, теплей,

Чтобы радостью нежданной
У бойца согрелась грудь,
Как от той гармошки драной,
Что случится где-нибудь.

Толку нет, что, может статься,
У гармошки за душой
Весь запас, что на два танца, —
Разворот зато большой.

И теперь, как смолкли пушки,
Предположим наугад,
Пусть нас где-нибудь в пивнушке
Вспомнит после третьей кружки
С рукавом пустым солдат;

Пусть в какой-нибудь каптерке
У кухонного крыльца
Скажут в шутку: «Эй ты, Теркин!»
Про какого-то бойца;

Пусть о Теркине почтенный
Скажет важно генерал, —
Он-то скажет непременно, —
Что медаль ему вручал;

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкою в руке:

— Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке... —
Я доволен был бы, право,
И — негордый человек —
Ни на чью иную славу
Не сменю того вовек.

Повесть памятной годины,
Эту книгу про бойца,
Я и начал с середины
И закончил без конца

С мыслью, может, дерзновенной
Посвятить любимый труд
Павшим памяти священной,
Всем друзьям поры военной,
Всем сердцам, чей дорог суд.

1941—1945

ДОМ У ДОРОГИ

Глава 1

Я начал песню в трудный год,
Когда зимой студеной
Война стояла у ворот
Столицы осажденной.

Но я с тобою был, солдат,
С тобою неизменно —
До той и с той зимы подряд
В одной страде военной.

Твоей судьбой я только жил
И пел ее доныне,
А эту песню отложил,
Прервав на половине.

И как вернуться ты не мог
С войны к жене-солдатке,
Так я не мог весь этот срок
Вернуться к той тетрадке.

Но как ты помнил на войне
О том, что сердцу мило,
Так песня, начавшись во мне,
Жила, кипела, ныла.

А я ее в себе берег,
Про будущее прочил,
И боль и радость этих строк
Меж строк скрывая прочих.

Я нес ее и вез с собой
От стен родной столицы —
Вслед за тобой, вслед за тобой —
До самой заграницы.

От рубежа до рубежа —
На каждом новом месте
Ждала с надеждою душа
Какой-то встречи, вести...

И где бы ни переступал
Каких домов пороги,
Я никогда не забывал
О доме у дороги.

О доме горестном, тобой
Покинутом когда-то.
И вот в пути, в стране чужой
Я встретил дом солдата.

Тот дом без крыши, без угла,
Согретый по-жилому,
Твоя хозяйка берегла
За тыщи верст от дому.

Она тянула кое-как
Вдоль колеи шоссейной —
С меньшим, уснувшим на руках,
И всей гурьбой семейной.

Кипели реки подо льдом,
Ручьи взбивали пену,
Была весна, и шел твой дом
На родину из плена.

Он шел в Смоленщину назад,
Что так была далече...
И каждый наш солдатский взгляд
Теплел при этой встрече.

И как там было не махнуть
Рукой: «Бывайте живы!»
Не обернуться, не вздохнуть
О многом, друг служивый.

О том хотя бы, что не все
Из тех, что дом теряли,
По Кенигсбергскому шоссе
Его и повстречали.

Ты сам, шагая в той стране
С надеждой и тревогой,
Его не встретил на войне, —
Другою шел дорогой.

Но дом твой в сборе, налицо.
К нему воздвигнуть стены,
Приставить сени и крыльцо —
И будет дом отменный.

С охотой руки приложить —
И сад, как прежде, дому
Заглянет в окна. Жить да жить,
Ах, жить да жить живому!

А мне бы петь о жизни той,
О том, как пахнет снова
На стройке стружкой золотой,
Живой смолой сосновой.

Как, огласив войне конец
И долголетье миру,
Явился беженец-скворец
На новую квартиру.

Как жадно в рост идет трава
Густая на могилах.
Трава — права, и жизнь жива,
Но я про то хочу сперва,
Про что забыть не в силах.

Так память горя велика,
Глухая память боли.
Она не стишится, пока
Не выскажется вволю.

И в самый полдень торжества,
На праздник возрожденья
Она приходит, как вдова
Бойца, что пал в сраженье.

Как мать, что сына день за днем
Ждала с войны напрасно
И позабыть уже о нем
И не скорбеть всечасно
Не властна.
Пусть меня простят,
Что снова я до срока
Вернусь, товарищи, назад,
К той памяти жестокой.

И все, что выразится здесь,
Да вникнет в душу снова,
Как плач о Родине, как песнь
Ее судьбы суровой.

Глава 2

В тот самый час воскресным днем,
По праздничному делу,
В саду косил ты под окном
Траву с росою белой.

Трава была травы добрей —
Горошек, клевер дикий,

Густой метелкою пырей
И листья земляники.

И ты косил ее, сопя,
Кряхтя, вздыхая сладко.
И сам подслушивал себя,
Когда звенел лопаткой:

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

Таков завет и звук таков,
И по косе вдоль жала,
Смывая мелочь лепестков,
Роса ручьем бежала.

Покос высокий, как постель,
Ложился, взбитый пышно,
И непросохший сонный шмель
В покосе пел чуть слышно.

И с мягким махом тяжело
Косье в руках скрипело.
И солнце жгло, и дело шло,
И все, казалось, пело:

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

И палисадник под окном,
И сад, и лук на грядах —
Все это вместе было дом,
Жилье, уют, порядок.

Не тот порядок и уют,
Что, никому не веря,
Воды напиться подают,
Держась за клямку двери.

А тот порядок и уют,
Что всякому с любовью

Как будто чарку подают
На доброе здоровье.

Помытый пол блестит в дому
Опрятностью такою,
Что просто радость по нему
Ступить босой ногою.

И хорошо за стол свой сесть
В кругу родном и тесном,
И, отдыхая, хлеб свой есть,
И день хвалить чудесный.

Тот вправду день из лучших дней,
Когда нам вдруг с чего-то —
Еда вкусней, жена милей
И веселей работа.

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

Домой ждала тебя жена,
Когда с нещадной силой
Старинным голосом война
По всей стране завыла.

И, опершися на косье,
Босой, простоволосый,
Ты постоял и понял все,
И не дошел прокоса.

Не докосил хозяин луг,
В поход запоясался,
А в том саду все тот же звук
Как будто раздавался:

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

И был ты, может быть, уже
Забыт самой войною,

И на безвестном рубеже
Зарыт иной землею.

Не умолкая, тот же зук,
Щемящий звон лопатки,
В труде, во сне тревожил слух
Твоей жене-солдатке.

Он сердце ей насквозь изжег
Тоскою неизжитой,
Когда косила тот лужок
Сама косой небитой.

Слепили слезы ей глаза,
Палила душу жалость.
Не та коса, не та роса,
Не та трава, казалось...

Пусть горе женское пройдет,
Жена тебя забудет
И замуж, может быть, зайдет
И будет жить, как люди.

Но о тебе и о себе,
О давнем дне разлуки
Она в любой своей судьбе
Вздохнет при этом звуке:

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

Глава 3

Еще не здесь, еще вдали
От этих нив и улиц
Стада недоенные шли
И беженцы тянулись.

Но шла, гудела, как набат,
Беда по всей округе.
За черенки взялись лопат,
За тачки бабьи руки.

Готовы были день и ночь
Копать с упорством женским,
Чтоб чем-нибудь войскам помочь
На рубеже смоленском.

Чтоб хоть в родимой стороне,
У своего порога,
Хотя б на малый срок войне
Перекопать дорогу.

И сколько рук — не перечтешь! —
Вдоль той канавы длинной
Живьем приваливали рожь
Сырой тяжелой глиной.

Живьем хлеба, живьем траву
Приваливали сами.
А *он* уж бомбы на Москву
Возил над головами.

Копали ров, валили вал,
Спешили будто к сроку.

А *он* уж по земле ступал,
Гремел неподалеку.

Ломал и путал фронт и тыл
От моря и до моря,
Кровавым заревом светил,
В ночи смыкая зори.

И страшной силой буревой,
В медовый срок покоса,
В дыму, в пыли перед собой
От фронта гнал колеса.

И столько вывалило вдруг
Гуртов, возов, трехтонок,
Коней, подвод, детей, старух,
Узлов, тряпья, котомок...

Моя родная сторона,
У той кровавой даты
Как ты была еще бедна
И как уже богата!

Зеленой улицей села,
Где пыль легла порошей,
Огромный край война гнала
С поспешно взятой ношей.

Смятенье, гомон, тяжкий стон
Людской страды горячей.

И детский плач, и патефон,
Поющий, как на даче.

Смешалось все, одной беды —
Войны знаменьем было...

Уже до полудня воды
В колодцах не хватило.

И ведра глухо грунт скребли,
Гремя о стенки сруба,
Полупустые кверху шли,
И к капле, прыгнувшей в пыли,
Тянулись жадно губы.

А сколько было там одних —
С жары совсем соловых —
Курчавых, стриженых, льняных,
Чернявых, русых и иных
Ребяческих головок.

Нет, ты смотреть не выходи
Ребят на водопое.

Скорей своих прижми к груди,
Пока они с тобою.

Пока с тобой,
В семье родной,
Они, пускай не в холе,
В любой нужде,
В своем гнезде —
Еще на зависть доля.

И приведись на горький путь
Сменить свое подворье —
Самой детей одеть, обуть —
Еще, поверь, — полгоря.

И притерпевшись, как-никак,
Брести в толпе дорожной
С меньшим, уснувшим на руках,
С двумя при юбке — можно!

Итти, брести,
Присесть в пути
Семьей на отдых малый.
Да кто сейчас счастливей вас!
Смотри-ка, есть, пожалуй.

Где светит свет хоть краем дня,
Где тучей вовсе застится.
И счастье счастью не ровня,
И горе — горю разница.

Ползет, скрипит кибитка-дом,
И головы детишек
Хитро укрыты лоскутом
Железной красной крыши.

И служит кровлей путевой
Семье, войной гонимой,
Та кровля, что над головой
Была в краю родимом.

В краю ином
Кибитка-дом,
Ее уют цыганский
Не как-нибудь
Налажен в путь, —
Мужской рукой крестьянской.

Ночлег в пути, ребята спят,
Зарывшись вглубь кибитки.
И в небо звездное глядят
Оглобли, как зенитки.

Не спит хозяин у огня.
На этом трудном свете
Он за детей, и за коня,
И за жену в ответе.

И ей хоть лето, хоть зима,
Все ж легче путь немилый.
А ты реши-ка все сама,
Своим умом и силой.

В полдневный зной
И в дождь ночной
Укрой в дороге деток.

Далекий мой,
Родимый мой,
Живой ли, мертвый — где ты?..

Нет, ни жена, ни даже мать,
Что думала о сыне,
Была не в силах угадать
Всего, что станет ныне.

Куда там было в старину, —
Все нынче по-иному:
Ушел хозяин на войну,
Война подходит к дому.

И чуя гибель, этот дом
И сад молчат тревожно.
И фронт — уж вот он — за холмом
Вздыхает безнадежно.

И пыльных войск отход, откат
Не тот, что был вначале.
И где колонны кое-как,
Где толпы зашагали.

Все на восток, назад, назад,
Все ближе бьют орудья.
А бабы воют и висят
На изгороди грудью.

Пришел, настал последний час,
И нет уже отсрочки.
— А на кого ж вы только нас
Кидаете, сыночки?..

И то, быть может, не упрек,
А боль за них и жалость.
И в горле давящий комок
За все, что с жизнью сталось.

И сердце женское вдвойне
Тоска, тревога гложет,
Что своего лишь там, в огне,
Жена представить может.

В огне, в бою, в чадном дыму
Кровавой рукопашной.
И как, должно быть, там ему,
Живому, смерти страшно.

Не подсказала б та беда,
Что бабьим воем выла,
Не знала б, может, никогда,
Что до смерти любила.

Любила — взгляд не оброни
Никто, одна любила.
Любила так, что от родни,
От матери отбила.

Пускай не девичья пора,
Но от любви на диво —
В речах остра,
В делах быстра,
Как змейка вся ходила.

В дому — какое ни житье —
Детишки, печь, корыта —
Еще не видел он ее
Нечесаной, немытой,

И весь она держала дом
В опрятности тревожной,
Считая, может, что на том
Любовь вовек надежней.

И та любовь была сильна
Такою доброй силой,
Что разлучить одна война
Могла.
И разлучила.

Глава 4

Томила б только ты бойца,
Война, тоской знакомой
Да не пылила у крыльца
Его родного дома.

Давила б грузным колесом
Тех, что твои по списку,
Да не губила б детский сон
Пальбой артиллерийской.

Гремя, бесилась бы спьяна
У своего предела, —
И то была бы ты, война,
Еще святое дело.

Но ты повыгнала ребят
В подвалы, погребушки,
Ты с неба наземь наугад
Свои кидаешь чушки.

И люди горькой стороны
У фронта сбились тесно,
Боясь и смерти и вины
Какой-то неизвестной.

А ты все ближе ко двору,
И дети, чуя горе,
Пугливым шопотом игру
Ведут в углу не споря...

В тот первый день из горьких дней,
Как собрался в дорогу,
Велел отец беречь детей,
Смотреть за домом строго.

Велел детей и дом беречь,
Жена за все в ответе.
Но не сказал, топить ли печь
Сегодня на рассвете.

Но не сказал, сидеть ли тут,
Бежать ли в свет куда-то.
Все бросить вдруг. А где нас ждут,
Где просят? Свет — не хата.

Здесь потолок над головой,
Здесь — дом, в хлеву — корова...
А немец, может, он иной
И не такой суровый.

Пройдет, минет. А вдруг как нет?
Не тою славен славой.
А что ж, тогда ты в сельсовет
Пойдешь искать управу?

Каким сгрозишь ему судом,
Как встанет на пороге,
Как в дом войдет? Нет, кабы дом
Подальше от дороги...

...Последних четверо солдат
Калитку в сад открыли,
Железом кованых лопат
Устало грюкнули не в лад,
Присели, закурили.

И улыбнулся, обратясь
К хозяйке, старший вроде:
— Хотим тут пушечку у вас
Поставить в огороде.

Сказал, как будто человек
Проезжий, незнакомый,
С конем просился на ночлег,
С телегой возле дома.

Ему и ласка и привет.
— Не уходите только,
Не покидайте нас...
— Да нет, —
Переглянулись горько.

— Да нет, от этой конопли
Мы не уйдем, мамаша.
Затем, чтоб все уйти могли, —
Такая служба наша.

— И ты спеши, — сказал боец, —
Поскольку эту пушку,
А заодно и твой дворец
Как раз возьмут на мушку.

А впрочем, малость погоди, —
Прислушавшись, добавил: —
Кладет уж вон где, впереди,
Как раз по переправе.

Земля вокруг, как на волне,
И день оглох от грома.
— Вот жизнь: хозяин на войне,
А ты, выходит, дома.

А у нее про всех готов
Один вопрос печальный:
— Сивцов — фамилия. Сивцов.
Не слышали случайно?

— Сивцов? Постой, подумать дай,
Сивцов? Слыхал Сивцова.
Сивцов — ну как же, Николай,
Так он — живой, здоровый.

Не твой? Ага, а твой Андрей?
Андрей, скажи на милость... —
Но чем-то вроде дорог ей
И тот однофамилец.

— Ну что, друзья, кончай курить, —
Разметил план лопатой
И стал усердно землю рыть
Солдат в саду солдата.

Не для того, чтоб там взросла
Какая-либо штука,
И не нарочно, не со зла,
А как велит наука.

Он рыл окоп по форме, чтоб
И глубина и бруствер.
Ах, сколько в том рытье одном
Покорной делу грусти!

Он делал дело — землю рыл,
Но, может, думал мельком
И даже, может, говорил,
Вздыхал: «Земля, земелька...»

Уже они по грудь в земле,
Зовет к столу солдатка,
Как будто помочи в семье,
Обед и отдых сладкий.

— Устали, кушайте.
— Ну, что ж,
Горячего, покамест...
— Еще, признаться, грунт хорош,
А то бывает — камень...

И первым старший ложку нес,
А вслед за ним солдаты.
— А что, богатый был колхоз?
— Богатый — не богатый,
А так, достаточный. Хлеба
Сильнее за Угрою...
Смотри, притихнула пальба.
— Детишек трое?
— Трое...

И общий вздох:
— С детьми — беда. —
И разговор с заминкой.
Жирна не во-время еда,
Грустна, как на поминках.

— Спасибо наше за обед,
Хозяюшка, спасибо.
А что касается... То нет,
Не жди, беги как-либо.

— Постой, — сказал другой солдат,
В окно с тревогой глядя: —

Смотри, народ как раз назад
Потек, чего бы ради?

Дорога пыльная полна,
Идут, бредут понуро.
С востока к западу война
Оглобли завернула.

— Выходит, он уж впереди.
— А что ж теперь, куда же?
— Молчи, хозяйка, и сиди,
Что дальше — день покажет.

А нам стеречь твой огород,
Хозяйка, — дело худо,
Выходит, наш теперь черед
Искать ходов отсюда.

И по лихой нужде своей
Теперь они, солдаты,
Казалось, женщины слабей,
И не виновны перед ней,
А все же виноваты.

— Прощай, хозяйка, жди, придем,
Настанут наши сроки.
И твой найдем приметный дом
У столбовой дороги.

Пойдем, найдем, а может, нет;
Война, — нельзя ручаться,
Еще спасибо за обед.
— И вам спасибо, братцы.

Прощайте. — Вывела людей.
И с болью безнадежной:
— Сивцов, — напомнила, — Андрей,
Услышите, возможно...

Шагнула вслед, держась за дверь,
В слезах, и сердце сжалось,

Как будто с мужем лишь теперь
Навеки распрощалась.

Как будто он ушел из рук
И скрылся без оглядки.
И ожил вдруг в ушах тот звук,
Щемящий звон лопатки:

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

Глава 5

Вам не случилось быть при том,
Когда в ваш дом родной
Входил, гремя своим ружьем,
Солдат земли иной?

Не бил, не мучил и не жег, —
Далеко до беды.
Вступил он только на порог
И попросил воды.

И, наклонившись над ковшом,
С дороги весь в пыли,
Попил, утерся и ушел
Солдат чужой земли.

Не бил, не мучил и не жег, —
Всему свой срок и ряд.
Но он входил, уже он мог
Войти, чужой солдат.

Чужой солдат вошел в ваш дом,
Где свой не мог войти.
Вам не случилось быть при том?
И бог не приведи!

Вам не случилось быть при том,
Когда хмельной, дурной

За вашим тешится столом
Солдат земли иной?

Сидит, заняв тот край скамьи,
Тот угол дорогой,
Где муж, отец, глава семьи
Сидел, — не кто другой.

Не доведись вам злой судьбой
Не старой быть при том
И не горбатой, не кривой
За горем и стыдом.

И до колодца по селу,
Где есть чужой солдат,
Как по толченому стеклу,
Ходить вперед-назад.

Но если было суждено
Все это, все в зачет,
Не доведись хоть то одно,
Чему еще черед.

Не доведись вам за войну,
Жена, сестра иль мать,
Своих живых солдат в плену
Воочью увидать...

...Сынов родной земли,
Их стыдным, сборным строем
По той земле вели
На запад под конвоем.

Идут они по ней
В позорных сборных ротах,
Иные без ремней,
Иные без пилоток.

Иные с горькой, злой
И безнадежной мукой

Несут перед собой
На перевязи руку.

Тот хоть шагать здоров,
Тому ступить задача, —
В пыли теряя кровь,
Тащись, пока ходячий.

Тот воин силой взят
И зол, что жив остался.
Тот жив и счастью рад,
Что вдруг отвоевался.

Тот ничему цены
Еще не знает в мире.
И все идут равны,
В колонне по четыре.

Ботинок за войну
Одних не износили,
И вот они в плену,
И этот плен в России.

Поникнув от жары,
Переставляют ноги.
Знакомые дворы
По сторонам дороги.

Колодец, дом и сад
И все вокруг приметы.

День или год назад
Брели дорогой этой?

Год или только час
Прошел без проволочки?..
«А на кого ж вы нас
Кидаете, сыночки!..»

Теперь скажи в ответ
И встреть глаза глазами:

Мол, не кидаем, нет,
Глядите, вот мы с вами.

Порадуй матерей
И жен в их бабьей скорби.
Да не спеши скорей
Пройти, не гнись, не горбись.

Бредут ряды солдат
Угрюмой вереницей.
И бабы всем подряд
Заглядывают в лица.

Не муж, не сын, не брат
Проходят перед ними,
А только свой солдат —
И нет родни родимей.

И сколько тех рядов
Ты молча проводила
И стриженых голов,
Поникнувших уныло.

И вдруг — ни явь, ни сон, —
Послышалось как будто, —
Меж многих голосов
Один:
— Прощай, Анюта...

Метнулась в тот конец,
Теснясь в толпе горячей.
Нет, это так. Боец
Кого-то наудачу
Назвал в толпе. Шутник.
До шуток здесь кому-то.

Но если ты меж них,
Окликни ты Анютой.

Ты не стыдись меня,
Что вниз сползли обмотки,

Что, может, без ремня
И, может, без пилотки.

И я не попрекну
Тебя, что под конвоем
Идешь. И за войну,
Живой, не стал героем.

Окликни — отзовусь.
Я здесь, твоя Анюта.
Я до тебя прорвусь,
Хоть вновь навек прощусь
С тобой. Моя минута!

Но как спросить сейчас,
Произнести хоть слово:
А нет ли здесь у вас,
В плену его, Сивцова
Андрея?
Горек стыд.
Спроси, а он, пожалуй,
И мертвый не простит,
Что здесь его искала.

Но если здесь он, вдруг
Идет в колонне знойной,
Закрыв глаза...
— Цурюк!
Цурюк! — кричит конвойный.

Ему ни до чего
И дела нету, право,
И голос у него,
Как у ворон, картавый:
— Цурюк!
Не молод он,
Устал, до чорта жарко,
До чорта обозлен,
Себя — и то не жалко..

Бредут ряды солдат
Угрюмой вереницей.
И бабы всем подряд
Заглядывают в лица.

Глазами поперек
И вдоль колонны ловят.
И с чем-то узелок,
Какой-нибудь кусок
У многих наготове.

Не муж, не сын, не брат,
Прими, что есть, солдат,
Кивни, скажи что-либо,
Мол, тот гостинец свят
И дорог, мол. Спасибо.

Дала из добрых рук,
За все, что стало вдруг,
С солдата не спросила.
Спасибо, горький друг,
Спасибо, мать-Россия.

А сам, солдат, шагай
И на беду не сетуй:
Ей где-то есть же край,
Не может быть, что нету.

Пусть пахнет пыль золой,
Поля — горелым хлебом
И над родной землей
Висит чужое небо.

И жалкий плач ребят,
Не утихая, длится,
И бабы всем подряд
Заглядывают в лица...

Нет, мать, сестра, жена
И все, кто боль изведал,
Та боль не отмщена
И не прошла с победой.

За этот день один
В селе одном смоленском —
Не отплатил Берлин
Своим стыдом вселенским.

Окаменела память,
Крепка сама собой.

Да будет камнем камень,
Да будет болью боль!

Глава 6

Еще не та была пора,
Что входит прямо в зиму.
Еще с картошки кожура
Счищалась об корзину.

Но становилась холодна
Земля нагрева летнего.
И на ночь мокрая копна
Впускала неприветливо.

И у костра был сон — не сон.
Под робкий треск валежника
Теснила осень из лесов
Тех горьких дней ночлежника.

Манила памятью жилья,
Тепла, еды и прочего.
Кого в зятья, кого в мужья —
Куда придется прочила.

Внушала голосом молвы,
Дождем, погодой золкою,
Что из-под Ельни до Москвы
Итти — дорога долгая...

В холодной пуне, у стены,
От лишних глаз украдкой,
Сидел отставший от войны
Солдат с женой-солдаткой.

В холодной пуне, не в дому
Солдат, под стать чужому,
Хлебал, что вынесла ему
Жена тайком из дому.

Хлебал с усердьем горевым,
Забрав горшок в колени.
Жена сидела перед ним
На том остывшем сене,

Что в давний час воскресным днем,
По праздничному делу
В саду косил он под окном,
Пока война приспела.

Глядит хозяйка: он — не он
За гостя в этой пуне.
Недаром, видно, тяжкий сон
Ей снился накануне.

Худой, заросший, словно весь
Посыпанный золою.
Он ел, чтоб, может быть, заесть
Свой стыд и горе злое.

— Бельишка пару собери
Да свежие портянки,
Чтоб мне в порядке до зари
Сниматься со стоянки.

— Все собрала уже, дружок,
Все есть. А ты в дороге
Хотя б здоровье поберег,
И первым делом ноги.

— А что еще? Чудные вы,
С такой заботой, бабы.
Начнем-ка лучше с головы, —
Ее сберечь хотя бы.

И на лице солдата — тень
Усмешки незнакомой.
— Ах, я как вспомню: только день
Ты этот дома.

— Дома!
Я б тоже рад не день побыть, —
Вздохнул. — Прими посуду.
Спасибо. Дай теперь попить.
С войны вернусь, — побуду.

И сладко пьет родной, большой,
Плечьми упершись в стену.
По бороде его чужой
Катятся капли в сено.

— Да, дома, правду говорят,
Что и вода сырая
Куда вкусней, — сказал солдат,
В раздумье утирая
Усы бахромкой рукава,
И помолчал с минуту.
— А слух такой, что и Москва
На очереди, будто...

Итти — не шутка, был бы толк, —
Добавил он с заминкой.
И так невесело примолк,
Губами сжав сенинку.

Жена подвинулась к нему
С участливой тревогой.
Мол, верить стоит не всему,
Болтают нынче много.
А немец, может, он теперь
К зиме остепенится...

А он опять:
— Ну, что же, верь
Тому, что нам годится.
Один хороший капитан
Со мной блуждал вначале.
Еще противник по пятам
За нами шел. Не спали,
Не ели мы тогда в пути.
Ну, смерть. Так он бывало
Твердил: итти, ползком ползти —
Хотя бы до Урала.
Так человек был духом зол
И ту идею помнил.

— И что ж?
— Шел и не дошел.
— Отстал?
— От раны помер.
Болотом шли. А дождь, а ночь,
А тоже холод лютый.
— И не могли ничем помочь?
— И не могли, Анюта...

Лицом к плечу его припав,
К руке — девчонкой малой,
Она схватила за рукав
Его и все держала,

Как будто думала она
Сберечь его хоть силой,
С кем разлучить одна война
Могла, и разлучила.
И друг у друга отняла
В воскресный день июня.
И вновь ненадолго свела
Под крышей этой пуни.
И вот он рядом с ней сидит
Перед другой разлукой.
Не на нее ли он сердит
За этот стыд и муку?

Не ждет ли он, чтобы сама
Жена ему сказала:
— Сойти с ума — итти. Зима.
А сколько до Урала!
И повторяла бы:
— Пойми,
Кому винить солдата,
Что здесь жена его с детьми,
Что здесь — родная хата.

Смотри, пришел домой сосед
И не слезает с печи...
А он тогда сказал бы:
— Нет,
Жена, дурные речи...

Быть может, горький свой удел,
Как хлеб щепоткой соли,
Приправить, скрасить он хотел
Таким геройством, что ли?

А может, просто он устал,
Да так, что через силу
Еще к родным пришел местам,
А дальше — не хватило.

И только совесть не в ладу
С приманкой — думкой этой:
Я дома. Дальше не пойду
Искать войну по свету.

И неизвестно, что верней,
А к горю в сердце смута.

— Скажи хоть что-нибудь, Андрей.
— Да что сказать, Анюта?

Ведь говори, не говори,
А будет легче разве
Сниматься завтра до зари
И пробираться к Вязьме?

Никем не писанный маршрут
Распознавать на звездах.
Дойти до фронта — тяжкий труд,
Дойдешь, а там — не отдых.
Там день один, как год тяжел,
Что̀ день, порой минута...

А вот он шел и не дошел,
Но все идет, как будто.
Ослабший, раненый идет,
Что в гроб кладутся краше.
Идет.
        — Товарищи, вперед.
Дойдем. Настанет наше!

Дойдем, иному не бывать,
Своих достигнем линий.
И воевать — не миновать.
А отдыхать?
В Берлине!

На каждом падая шагу
И поднимаясь снова,
Идет. А как же я могу
Отстать, живой, здоровый?

Мы с ним прошли десятки сел,
Где как, где смертным лазом.
И раз он шел, да не дошел,
Так я дойти обязан.

Дойти. Хоть я и рядовой,
Отстать никак не волен.
Еще добро бы он живой,
А то он — павший воин.
Нельзя. Такие вот дела. —
И ей погладил руку.

А та давно уж поняла,
Что боль — не боль еще была,
Разлука — не разлука.

Что все равно — хоть наземь ляг,
Хоть вдруг лишись дыханья...
Прощалась прежде, да не так.
А вот когда прощанье!

Тихонько руку отняла
И мужние колени
С покорным плачем обняла
На том угретом сене...

И ночь прошла у них. И вдруг
Сквозь кромку сна на зорьке,
Сквозь запах сена в душу звук
Вошел ей давний, горький:

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.
. . . .
Прости-прощай, родимый мой!..

Глава 7

Все сборы в путь любой жены
И без войны не сладки.
И без войны тревог полны
Все сборы в жизни краткой.

Но речь одна, когда добром, —
Не по нужде суровой
Мы край на край и дом на дом
Иной сменить готовы.

Другая речь — в годину бед
Жене самой, без мужа,
Из дома выйти в белый свет
И дверь закрыть снаружи.

С детьми из теплого угла,
С гнезда родного сняться,

Где, может быть, еще могла
Ты весточки дождаться.

С котомкой выйти за порог —
И, всей той мукой мучась,
Брести...
Но если на Восток —
То как бы ни был путь жесток —
Бывает горше участь.

Как на родной земле своей,
Так ты, и дом теряя,
Хоть под кустом, а все ж на ней —
В любом далеком крае.

А вот когда чужим судом
Обмен решен иначе, —
Не край на край, не дом на дом,
А плен —
На плен с придачей.

С какой придачей — погоди:
Расчеты эти впереди.
Еще он твой — последний час
В твоем дому, пока
Переведут тебе приказ
С чужого языка.

Но твой — он выбран не тобой —
Лежит на запад путь.
И взять ни имени с собой,
Ни адреса. Забудь.
Забудь себя еще живой
И номер получи.
И только этот номер свой
На память заучи.

И только можешь ты молчать,
Приказ в дорогу дан.
На нем недвижная печать
И подпись: комендант.

И в нем твой дом, и хлеб, и соль,
Что от немых властей.
И хоть самой на снег босой,
Троих одеть успей.

Рукой дрожащею лови
Крючки, завязки, мать.
Нехитрой ложью норови
Ребячий страх унять.

Зови меньших живей, живей,
Как в гости, в тот поход.
И только старшенькой своей
Не лги — и так поймет.

И соберись, и уложись,
И в час беды такой
Еще хозяйкой окажись
Проворной и лихой.

И всю свою в дорогу кладь,
Как из огня, схвати.
И перед тем, как выйти, мать,
Не оглянись и не присядь, —
Нельзя.
И дом — прости!..

Прости-прощай, родимый дом.
Раскрытый, разоренный,
И пуня с давешним сенцом,
И садик занесенный.

Прости-прощай, родимый дом,
И двор, и дровосека,
И все, что памятно кругом
Заботой, замыслом, трудом, —
Всей жизнью человека.

Дом, где он жил среди хлопот
И всем хозяйством правил.
И, чтоб годам был виден счет,

Он подпись: тыща девятьсот
Такой-то год поставил.

Среди такой большой земли
Родной, заветный угол,
Где эти девочки росли
И наряжали кукол.

И где как будто жизнь прошла,
Куда хозяйка дома
Как будто девочкой вошла
К парнишке молодому.

Где пел по веснам свой скворец
И жил, как все на свете,
Порядком вечным: мать, отец,
Потом скворчата-дети.

Пришла в родную сторону
Чужая злая сила.
И порознь мужа и жену
Из дома проводила.

И где-то, где-то он сейчас,
Какой идет дорогой,
Солдат, что воинскую часть
Свою искал с тревогой.

Теперь меж небом и землей,
Огнем вокруг объятой,
Она была его семьей,
Его родною хатой.

И человек среди людей,
Как хлебом и одеждой,
Он был обязан только ей
Своей мечтой-надеждой.

В пути, за тридевять земель,
У Волги ли, у Дона
Свою в виду держал он цель,
Солдат, — дойти до дома.

Хоть кружным, может быть, путем —
Дойдем, придем с победой
Домой!
А что уже тот дом —
Не все ты знал и ведал.

В тот первый день из горьких дней,
Как собрался в дорогу,
Велел отец беречь детей,
Смотреть за домом строго.

Велел сидеть в своем углу
В недобрую годину,
А сам жену в чужом тылу,
В глухом тылу покинул.

Ну, что ж, солдат, взыщи с нее,
С жены своей, солдатки,
За то, что, может быть, жилье
Родное не в порядке.

Что не могла глядеть назад,
Где дом пылал, зажженный,
Как гнал ее чужой солдат
На станцию с колонной.

Что не могла она сберечь
В саду трехлеток-яблонь.
Что шла, покинув дом и печь,
А так детишки зябли!

Что шла, как пленные, в толпе
На запад под конвоем,
Что не отправила тебе
Письма с дороги, воин.

За все с того, кто виноват,
По всем статьям устава,
Взыщи со строгостью, солдат,
Твое, хозяин, право.

Всего и нужно для суда
И для сведенья счетов
Прийти с победою туда,
Проверить, как и что там.

Отдать поклон краям своим,
Припав к земле с винтовкой,
Сквозь смерть прийти туда живым. —
За малым остановка.

Сквозь смерть иди, не умирай,
В жару лица не утирай,
В снегах не мерзни в зиму.
Там, впереди, твой отчий край,
Солдат, твой дом родимый.

Шагай, солдат, свои права
Имея в этом мире,
Шагай, воюй и год, и два,
И три, и все четыре...

Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.

Пусть память гордую о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей
И наших внуков внуки.

Пускай всегда годину ту
На память нам приводит
И первый снег и рожь в цвету,
Когда под ветром ходит.

И каждый дом и каждый сад
В ряду — большой и малый.
И дня восход и дня закат
Над темным лесом — алый.

Пускай во всем, чем жизнь полна,
Во всем, что сердцу мило,
Нам будет памятка дана
О том, что в мире было.

Затем, чтоб этого забыть
Не смели поколенья,
Затем, чтоб нам счастливей быть,
А счастье — не в забвенье!

Глава 8

Родился мальчик в дни войны,
Да не в отцовском доме, —
Под шум чужой морской волны,
В бараке на соломе.

Еще он в мире не успел
Наделать шуму даже,
Он вскрикнуть только что посмел
И был уже под стражей.

Уже в числе всех прочих он
Был там, на всякий случай,
Стеной-забором огражден
И проволокой колючей.

И часовые у ворот
Стояли постоянно,
И счетверенный пулемет
На вышке деревянной.

Родился мальчик, брат меньшой
Троих детей крестьянки.
И подают его родной
В подаренной портянке.

И он к груди ее прирос —
Беда впридачу к бедам,
И вкус ее соленых слез
Он с молоком отведал.

И начал жить, пока живой,
Жилец тюрьмы с рожденья.
Чужое море за стеной
Ворочало каменья.

Свирепый ветер по ночам
Со свистом рвался в щели,
В худую крышу дождь стучал,
Как в полог колыбели.

И мать в кругу птенцов своих
Тепло, что с нею было,
Теперь уже не на троих, —
На четверых делила.

В сыром тряпье лежала мать,
Своим дыханьем грея
Сынка, что думала назвать
Андреем в честь Андрея,
Отцовским именем родным.

И в каторжные ночи
Не пела — думала над ним:
— Сынок, родной сыночек.

Зачем ты, горестный такой,
    Слеза моя, росиночка,
На свет явился в час лихой,
  Краса моя, кровиночка?

Зачем в такой недобрый срок
    Зазеленела веточка?
Зачем случился ты, сынок,
    Моя родная деточка?

Зачем ты тянешься к груди
    Озябшими ручонками,
Не чуя горя впереди,
    В тряпье сучишь ножонками?

Живым родился ты на свет,
А в мире зло несытое.
Живым — беда, а мертвым — нет,
У смерти под защитою.

Целуя зябкий кулачок,
На сына мать глядела:

— А я при чем, — скажи, сынок, —
А мне какое дело?

Скажи, какое дело мне,
Что ты в беде, родная,
Ни о беде, ни о войне,
Ни о родимой стороне,
Ни о немецкой чужине
Я, мама, знать не знаю.

Зачем мне знать, что белый свет
Для жизни годен мало?
Ни до чего мне дела нет,
Я жить хочу сначала.

Я жить хочу и пить и есть,
Хочу тепла и света,
И дела нету мне, что здесь
У вас зима, не лето.

И дела нету мне, что здесь
Шумит чужое море,
И что на свете только есть
Большое, злое горе.

Я мал, я слаб, я свежесть дня
Твоею кожей чую,
Дай ветру дунуть на меня —
И руки развяжу я.

Но ты не дашь ему подуть,
Не дашь, моя родная,
Пока твоя вздыхает грудь,
Пока сама живая.

И пусть не лето, а зима,
И ветошь греет слабо.
Со мной ты выживешь сама,
Где выжить не могла бы.

И пусть ползет сырой туман
И ветер дует в щели,
Я буду жить, ведь я так мал,
Я теплюсь еле-еле.

Я мал, я слаб, я нем и глуп,
И в мире беззащитен;
Но этот мир мне все же люб —
Затем, что я в нем житель.

Я сплю крючком, ни встать, ни сесть
Еще не в силах, пленник,
И не лежал раскрытый весь
Я на твоих коленях.

Я на полу не двигал стул,
Шагая вслед неловко,
Я одуванчику не сдул
Пушистую головку.

Я на крыльцо не выползал
Через порог упрямый,
И даже «мама» не сказал,
Чтоб ты слыхала, мама.

Но разве знает кто-нибудь,
Когда родятся дети,
Какой большой иль малый путь
Им предстоит на свете?

Быть может, счастьем был бы я
Твоим, твой горький, лишний,
Ведь все большие сыновья
Из маленьких повышли.

Быть может, с ними белый свет
Меня поставит вровень.
А нет, родимая, ну, нет, —
Не я же в том виновен,

Что жить хочу, хочу отца
Признать, обнять на воле.
Ведь я же весь в него с лица —
За то и люб до боли.

Тебе приметы дороги,
Что никому не зримы.
Не дай меня, побереги.
— Не дам, не дам, родимый.

Не дам, не дам, уберегу
И заслоню собою,
Покуда чувствовать могу,
Что ты вот здесь, со мною...

И мальчик жил, со всех сторон
В тюрьме, на всякий случай,
Стеной-забором огражден
И проволокой колючей.

И часовые у ворот
Стояли постоянно,
И счетверенный пулемет
На вышке деревянной.

И люди знали: мальчик им —
Ровня в беде недетской.
Он виноват, как все, одним:
Что крови не немецкой.

И по утрам, слыхала мать,
Являлся Однорукий,
Кто жив, кто помер проверять
По правилам науки.

Вдоль по бараку взад-вперед
С немецким табелем пройдет:
Кто умер — ставит галочку,
Кто жив — тому лишь палочку.

И ровным голосом своим,
Ни на кого не глядя,
Убрать покойников живым
Велит порядка ради.

И мальчик жил. Должно быть, он
Недаром по природе
Был русской женщиной рожден,
Возросшей на свободе.

Должно быть, он среди больших
И маленьких в чужбине
Был по крови крепыш-мужик
Под стать отцу мужчине.

Он жил да жил. И всем вокруг
Он был в судьбе кромешной
Ровня в беде, тюремный друг,
Был свой — страдалец здешний.

И чья-то добрая рука
В постель совала маме
У потайного камелька
В золе нагретый камень.

А чья-то добрая рука
В жестянке воду грела,
Чтоб мать для сына молока
В груди собрать сумела.

Старик поблизости лежал
В заветной телогрейке
И, умирая, завещал
Ее мальцу, Андрейке.

Из новоприбывших иной
Делился с пленною семьей
Последней хлеба крошкой,
Какой-нибудь картошкой.

И так, порой полумертвы,
У смерти на примете,
Все ж дотянули до травы
Живые мать и дети.

Прошел вдоль моря вешний гром
По хвойным перелескам.

И очутились всем двором
На хуторе немецком.

Хозяин был ни добр, ни зол, —
Ему убраться с полем.
А тут работницу нашел —
Везет за двух, — доволен.

Харчи к столу отвесил ей
По их немецкой норме,
А что касается детей, —
То он рабочих кормит.

А мать родную не учить,
Как на куски кусок делить,
Какой кусок ни скудный,
Какой дележ ни трудный.

И не в новинку день-деньской,
Не привыкать солдатке
Копать лопатою мужской
Да бабьей силой грядки.

Но хоть земля — везде земля,
А как-то по-другому
Чужие пахнут тополя
И прелая солома.

И хоть весна — везде весна,
А жутко вдруг и странно:
В Восточной Пруссии она
С детьми, Сивцова Анна.

Журчал по-своему ручей
В чужих полях нелюбых,
И солона казалась ей
Вода в бетонных трубах.

И на чужом большом дворе
Под кровлей черепичной
Петух, казалось, на заре
Поет на свой обычай.

Но там, в чужбине, выждав срок, —
Где, что, — не разбирая,
Малютка вылез за порог
Хозяйского сарая.

И дочка старшая в дому,
Кому меньшого нянчить,
Нашла в Германии ему
Пушистый одуванчик.

И слабый мальчик долго дул,
Дышал на ту головку.
И двигал ящик, точно стул,
В ходьбе ловя сноровку.

И засмотревшись на дворе,
Едва не рухнул в яму.
И все пришло к своей поре,
Впервые молвил:
— Мама.

И мать зажмурилась от слез,
От счастья и от боли,
Что это слово произнес
Ее меньшой в неволе...

Покоса раннего пора
За дальними пределами
Пришла. Запахли клевера,
Ромашки, кашки белые.

И эта памятная смесь
Цветов поры любимой
Была для сердца точно весть
Со стороны родимой.

И этих запахов тоска
В тот чуждый край далекий
Как будто шла издалека —
Издалека, с востока.

И мать с детьми могла тогда
Подчас поверить в чудо:
— Вот наш отец придет сюда
И нас возьмет отсюда.

Могло пригрезиться самой
В надежде и тревоге,
Как будто он спешит домой
Да припоздал в дороге.

А на недальнем рубеже,
У той границы где-то,
Война в четвертое уже
Свое вступала лето.

И по дорогам фронтовым
Мы на дощечках сами
Себе самим, кто был живым,
Как заповедь писали:

Не пощади
Врага в бою,
Освободи
Семью
Свою.

Глава 9

Я начал песню в трудный год,
Когда зимой студеной
Война стояла у ворот
Столицы осажденной.

И завершаю в год иной,
Когда от стен Берлина
Пришел солдат с войны домой
Своей дорогой длинной.

Чего, чего не повидал,
Казалось, все знакомо.
Но вот пришел, на взгорке стал —
И ни двора, ни дома.

И там, где канули в огне
Венцы, столбы, стропила, —
Темна, жирна по целине,
Как конопля, крапива.

Да груда глины с кирпичом
Лежит в траве на месте том,
Дождями перемытая,
Кой-где травой прошитая.

Глухой, нерадостный покой
Хозяина встречает.
Калеки-яблони с тоской
Гольем ветвей качают.

Глядит солдат: ну, ладно — дом,
А где жена, где дети?..

Да, много лучше о другом,
О добром петь на свете.

Но не минуешь горьких слез,
Которым срок не минул.
Не каждой матери пришлось
Обнять родного сына.

Не каждой женщине — жене,
Родной сестре, невесте —
О тех, что сгинули в войне,
В конце дождаться вести.

Ответ не каждому письму,
Иное без ответа.
Привет не каждому тому,
Чье сердце ждет привета.

Но если та горька печаль,
Чье место свято в доме,
То, может, легче, да едва ль,
Печаль особой доли.

Печаль подвижника-бойца,
Что год за годом кряду
Войну исполнил до конца,
И вот тебе награда!

Присел на камушке солдат
У бывшего порога,
Больную с палочкою в ряд
Свою устроил ногу.

Давай солдат курить табак,
Сходиться люди стали,
Не из чего-нибудь, а так —
В свидетели печали.

Стоят над нею, опершись
На грабли, на мотыги.
Вздохнул один и молвил:
— Жизнь...
Другой сказал:
— Как в книге...

А третьи только и могли
Добавить осторожно:

— Еще не все домой пришли
Из той дали острожной.

И отвести старались взгляд
Соседи в разговоре,
Чтоб не видать, как он, солдат,
Давясь, глотает горе.

Не мог он душу освежить
Тем трудным, скрытным плачем...
Все так. А надо было жить,
И жить хозяин начал.

Погостевал денек-другой.
— Ну, что ж, на том спасибо. —
И потянул с больной ногой
На старую селибу.

Перекурил, шинель долой,
Разметил план лопатой.
Коль ждать жену с детьми домой,
Так надо строить хату.

А где боец за столько лет
Себе жилья не строил!
Не только там, где лесу нет,
А нет земли порою.

Где нет земли, один песок.
А то, как камень, грунт жесток,
А то — болото. Мука!
А на земле — не штука.

Так-сяк, колхоз леску подвез,
Помог до крыши сруба.
А дальше сам мостил, тесал, —
Займись — оно и любо.

И все спешил покончить в срок,
Как будто в хате новой

Скорей солдат увидеть мог
Семью живой-здоровой.

К покосу был окончен дом,
Как раз к поре горячей.
А сам солдат ютился в нем
Со дня, как строить начал.

На свежеструганном полу,
Что облекал прохладой,
Он отдыхал в своем углу
С великою отрадой.

Да что! У смерти на краю
На каждом новоселье,
И то любитель был свою
Обжить, устроить келью.

Не знаешь, год иль день там быть,
А все же и в землянке
Охота гвоздь на место вбить,
Зажечь фитиль в жестянке.

Водой, дровами запастись,
Соломой побогаче.
А там — приказ. И в ночь снялись,
И с тем жильем навек простись! —
А жить нельзя иначе.

Соорудил хозяин стол,
Лежанку возле печи.
И все в порядок произвел
Желанной ради встречи.

Гадал, старался что к чему
Приладить, вспомнить кстати...

И так тоскливо самому
Вдруг стало в этой хате.

Такая горькая нашла
Душе его минута.

— Зачем не ты меня ждала,
А я тебя, Анюта?

И не мила, не дорога
Ему своя светлица.
Пошел солдат с людьми в луга,
Чтоб на людях забыться.

Чтоб горе делом занялось,
Солдат вставал с рассвета
И шире, шире гнал прокос —
За все четыре лета.

Вслед за косой качал солдат
Спиной, от пота серой.
И точно время на свой лад,
Своею мерял мерой.

И добрым ладом шли часы,
И грудь дышала жадно
Цветочным запахом росы,
Живой травы из-под косы —
Горькавой и прохладной.

И сладкий пек июльский зной,
Как в годы молодые,
Когда еще солдат с женой
Ходил в луга впервые.

В луга верст за пять от села.
И пот кипел на коже,
И точно сила, как была, —
Не та, не та, а все же!

И косу вытерши травой
На остановке краткой,
Он точно голос слушал свой,
Когда звенел лопаткой.

И голос тот как будто вдаль
Взывал с тоской и страстью

И нес с собой его печаль,
И боль, и веру в счастье.

Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

1942—1946

ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

1. ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

Пора! Ударил отправленье
Вокзал, огнями залитой,
И жизнь, что прожита с рожденья
Уже как будто за чертой.

Я видел, может быть, полсвета
И вслед за веком жить спешил,
А между тем дороги этой
За столько лет не совершил,
Хотя своей считал дорогой
И про себя ее берег,
Как книгу, что прочесть до срока
Все собирался и не мог.
Мешало многое другое,
Что нынче в памяти у всех.
Мне нужен был запас покоя,
Чтоб ей отдаться без помех.
Но книги первую страницу
Я открываю в срок такой,
Когда покой, как говорится,
Опять уходит на покой...

Я еду. Малый дом со мною,
Что каждый в путь с собой берет.

А мир огромный за стеною,
Как за бортом вода, ревет.
Он над моей поет постелью
И по стеклу сечет крупой,
Дурной безвременной метелью
Свистит и воет вразнобой.
Он полон сдавленной тревоги,
Беды, что очереди ждет.
Он здесь еще слышней, в дороге,
Лежащей прямо на восход...
Я еду. Спать бы на здоровье,
Но мне покамест не до сна:
Еще огнями Подмосковья
Снаружи ночь озарена.
Еще мне хватит этой полки,
Еще московских суток жаль,
Еще такая даль до Волги,
А там-то и начнется даль
За той великой водной гранью.
И эта лестница из шпал,
Пройдя Заволжье,
Предуралье,
Взойдет отлого на Урал,
Урал, чьей выработки сталью
Звенит под нами магистраль.

А за Уралом —
Зауралье,
А там своя, иная даль.

А там Байкал, за тою далью,
В полсуток обогнуть едва ль.
А за Байкалом —
Забайкалье,
А там еще другая даль,
Что обернется далью новой,
А та, неведомая мне,
Еще с иной, большой, суровой,
Сомкнется и пройдет в окне...

А той порой, отменно точный,
Всего пути исполнив срок,
Придет состав дальневосточный
На Дальний, собственно, Восток.
Где перед станцией последней,
У пограничного столба,
Сдается мне, с земли соседней
Глухая слышится пальба...

Но я еще с Москвою вместе,
Еще во времени одном.
И, точно дома перед сном,
Ее последних жду известий.
Она свой голос подает
И мне в моей дороге дальней.
А там из-за моря восход
Встает, как зарево, печальный.
И день войны, нещадный день,
Вступает в горы и долины,
Где городов и деревень
Дымятся вновь и вновь руины.
И длится вновь бессонный труд,
Страда защитников Кореи.
С утра усталые ревут
Береговые батареи.

Близка, видна из дымной мглы
Броня бортов и башен серых.
— Огонь, огонь! —
Ревут стволы,
Чтоб защитить от моря берег.

Под небом огненным приют,
В горах скитаясь, ищут семьи.
— Огонь, огонь! —
Зенитки бьют,
Чтоб защитить от неба землю.

Разор и плен в родном краю
И смерть несут враги народу.

— Огонь, огонь! —
Народ в бою,
Чтоб защитить от них свободу...

Идут бои, горит земля.
Не нов, не нов жестокий опыт:
Он в эти горы и поля
Перенесен от стен Европы.

И вы, что горе привезли
На этот берег возрожденный,
От вашей собственной земли
Всем океаном отделенный, —
Хоть так, хоть сяк рядитесь вы,
Но ошибется мир едва ли:
Мы вас встречали у Москвы
И до Берлина провожали.

Как нам ни памятна война,
Но в дни грозы, борьбы, страданья
Мы знали, чья была вина,
Кого постигнет наказанье.

Народ — подвижник и герой —
Оружье зла оружьем встретил.
За грех войны карал войной.
За смерть печатью смерти метил.
В борьбе исполнен новых сил,
Он в годы грозных испытаний
Восток и Запад пробудил —
И вот полмира в нашем стане.
Что ж, или тот урок забыт,
И вновь, под новым только флагом,
Живой душе война грозит,
Идет на мир знакомым шагом.
И, чуждый жизни, этот шаг,
Врываясь в речь ночных известий,
У человечества в ушах
Стоит, как явь и как предвестье.
С ним не забыться, не уснуть,
С ним не обвыкнуть и не сжиться.

Он — как земля во рву на грудь
Зарытым заживо — ложится...
Дорога дальняя моя,
Окрестный мир земли обширной,
Родные русские поля,
В ночи мерцающие мирно,
Не вам ли памятны года,
Когда по этой магистрали
Во тьме оттуда и туда
Составы без огней бежали.
Когда тянулись вглубь страны
По этой насыпи и рельсам
Заводы — беженцы войны —
И с ними люди — погорельцы.
Когда, стволы зениток ввысь
Подняв над «улицей зеленой»,
Безостановочно неслись
Туда, на запад, эшелоны,
И только, может, мельком взгляд
Тоски немой и бесконечной
Из роты маршевой солдат
Кидал на санитарный встречный...
Та память вынесенных мук
Жива, притихшая, в народе,
Как рана, что нет-нет и вдруг
Заговорит к дурной погоде...

Но, люди, счастье наше в том,
Что мы хотим его упорно,
Что на века свой строим дом,
Свой мир живой и рукотворный.
Он всех людских надежд оплот,
Он всем людским сердцам доступен.
Его ли смерти мы уступим?..

На Спасской башне полночь бьет...

2. СЕМЬ ТЫСЯЧ РЕК

Еще сквозь сон на верхней полке
Расслышал я под стук колес,
Как слово первое о Волге
Негромко кто-то произнес.

Встаю. Вагон с рассвета в сборе,
Теснясь у каждого окна,
Уже толпится в коридоре.
Уже вблизи была она.

И пыл волненья необычный
Всех сразу сблизил меж собой.
Как перед аркой пограничной
Иль в первый раз перед Москвой.

И мы стоим с майором в паре,
Припав к стеклу, плечо в плечо,
С кем ночь в купе одном проспали
И не знакомились еще.

Стоим и жадно курим оба,
Полны взаимного добра,
Как будто мы друзья до гроба
Иль вместе выпили с утра.
И уступить спешим друг другу
Мы лучший краешек окна.
И вот мою он тронул руку
И словно выдохнул:
— Она!

Она! — И тихо засмеялся,
Как будто Волгу он, сосед,
Мне обещал, а сам боялся,
Что вдруг ее на месте нет.
— Она! —
                    И справа, недалеко,
Моста не видя впереди,
Мы видим плес ее широкий
В разрыве поля на пути.

Казалось, поезд этот с ходу —
Уже спасенья не проси —
Взлетит, внизу оставив воду,
Убрав колеса, как шасси.

Но нет, смиренно ход убавив,
У будки крохотной поста
Втянулся он, как подобает,
В тоннель решетчатый моста
И загремел над ширью плеса,
Покамест сотни звонких шпал,
Поспешно легших под колеса,
Все до одной не перебрал...

И не успеть вглядеться толком,
А вот уже ушла из глаз
И позади осталась Волга,
В пути не покидая нас,
Не уступая добровольно
Раздумий наших и речей
Ничьей иной красе окольной
И даже памяти ничьей.
Ни этой дали, этой шири,
Что новый край за ней простер,
Ни дерзкой славе рек Сибири,
Коль их касался разговор.
Ни заграницам отдаленным,
Ни любопытной старине,
Ни городам, вчера рожденным,
Как будто взятым на войне.
Ни новым замыслам ученым,
Ни самым, может быть, твоим
Воспоминаньям береженым,
Местам, делам и дням иным...

Должно быть, той влекущей силой,
Что люди знали с давних лет,
Она сердца к себе манила,
Звала их за собою вслед.
Туда, где нынешнею славой
Не смущена еще ничуть,

Она привычно, величаво
Свой древний совершала путь...

Семь тысяч рек — ни в чем не равных:
И с гор стремящих бурный бег
И меж полей в изгибах плавных
Текущих вдаль, — семь тысяч рек
Она со всех концов собрала —
Больших и малых, до одной,
Что от Валдая до Урала
Избороздили шар земной.
И в том родстве переплетенном,
Одной причастные семье,
Как будто древом разветвленным
Расположились по земле.

Пусть воды их в ее теченье
Неразличимы, как одна.
Краев несчетных отраженье
Уносит волжская волна.
В нее смотрелось пол-России:
Равнины, горы и леса,
Сады и парки городские,
И вся наземная краса.
Кремлевских стен державный гребень,
Соборов главы и кресты,
Ракиты старых сельских гребель,
Многопролетные мосты.
Заводы, вышки буровые,
Деревни с пригородом смесь,
И школьный дом, где ты впервые
Узнал, что в мире Волга есть.

Вот почему нельзя не верить,
Любуясь этою волной,
Что сводит Волга — берег в берег —
Восток и Запад над собой,

Что оба края воедино
Над нею сблизились навек,
Что Волга — это середина
Земли родной. Семь тысяч рек!

Недаром наш народ веками,
Невольный вздох тая в груди.
С ней тосковал об океане,
Куда ей не было пути.

И это чувство поколений
И эту русскую нужду
Великий вождь Владимир Ленин
Меж прочих дел держал в виду.
И, уходя от нас, оставил
Среди иных и тот завет,
Что в наши дни исполнил Сталин,
Защитник Волги в годы бед.

В степи к назначенному сроку,
Извечный свой нарушив ход,
Она пришла донской дорогой
В бескрайный плес всемирных вод.
Ее стремленью уступила
Водораздельная гора.
И стало явью то, что было
Мечтой еще царя Петра.

И знают все на свете страны,
Все острова, материки:
Сроднились воды океана
И Волги-матушки реки.

Пусть в океанском том смешенье
Ее волна растворена,
Земли родимой отраженье
Уже и там несет она

И, в эту даль нас провожая,
Напоминает нам сейчас,
Мол, у меня вы все — волжане,
А я — одна у всех у вас.
И званье — матушка — носила
В пути своем не век, не два
Лишь я, да матушка-Россия,
Да с нами матушка-Москва.

Своим — своя, чужим — чужая,
Я службу гордую несу,
Грядущей славой мир венчая,
Его величье и красу.
Его незыблемую силу,
Его на свете торжество,
Его Москву, его Россию
И друга первого его.

3. ДВЕ КУЗНИЦЫ

На хуторском глухом подворье,
В тени обкуренных берез
Стояла кузница в Загорье,
И я при ней с рожденья рос.

И отсвет жара горнового
Под закопченным потолком,
И свежесть пола земляного,
И запах дыма с деготком
Привычны мне с тех пор, пожалуй,
Как там, взойдя к отцу в обед,
Мать на руках меня держала,
Когда ей было двадцать лет...

Я помню нашей наковальни
В лесной тиши сиротский звон,
Такой усталый и печальный
По вечерам, как будто он
Вещал вокруг о жизни трудной,
О скудном выручкою дне
В той небогатой, малолюдной,
Негромкой нашей стороне,
Где меж болот, кустов и леса
Терялись бойкие пути;
Где мог бы все свое железо
Мужик подмышкой унести;
Где был заказчик — гость случайный,
Что к кузнецу раз в десять лет

Ходил, как к доктору, от крайней
Нужды — когда уж мочи нет.

И этот голос наковальни,
Да скрип мехов, да шум огня
С далекой той поры начальной
В ушах не молкнет у меня.
Не молкнет память жизни бедной,
Обидной, горькой и глухой,
Пускай исчезнувшей бесследно,
С отцом ушедшей на покой.

И пусть она не повторится,
Но я с нее свой начал путь,
Я и добром, как говорится,
Ее обязан помянуть
За все ребячьи впечатленья,
Что в зрелый век с собой принес,
За эту кузницу под тенью
Дымком обкуренных берез.

На малой той частице света
Была она для всех вокруг
Тогдашним клубом, и газетой,
И академией наук.

И с топором отхожим плотник,
И старый воин — грудь в крестах,
И местный мученик — охотник
С ружьишком ветхим на гвоздях,
И землемер, и дьякон медный,
И в блестках сбруи коновал,
И скупщик лиха Ицка бедный, —
И кто там только не бывал!

Там был приют суждений ярых
О недалекой старине,
О прежних выдумщиках — барах,
Об ихней пище и вине;
О загранице и России,
О хлебных сказочных краях,

О боге, о нечистой силе,
О полководцах и царях;
О нуждах мира волостного,
Затменьях солнца и луны,
О наставленьях Льва Толстого
И притесненьях от казны...

Там человеческой природе
Отрада редкая была
Побыть в охоту на народе,
Забыть, что жизнь невесела.
Сиди, пристроившись в прохладе,
Чужой махоркою дыми,
Кряхти, вздыхай — не скуки ради,
А за компанию с людьми.

И словно всяк — хозяин барин.
И ни к чему спешить домой...

Но я особо благодарен
Тем дням за ранний навык мой.
За то, что там ребенком малым
Познал, какие чудеса
Творит союз огня с металлом
В согласьи с волей кузнеца.

Я видел в яви это диво,
Как у него под молотком
Рождалось все, чем пашут ниву,
Корчуют лес и рубят дом.

Я им гордился бесконечно,
Я знал уже, что мастер мог
Тем молотком своим кузнечным
Сковать такой же молоток.

Я знал не только понаслышке,
Что труд его в большой чести,
Что без железной кочедышки
И лаптя толком не сплести.

Мне с той поры в привычку стали
Дутья тугой, бодрящий рев,

Тревожный свет кипящей стали
И под ударом взрыв паров.
И садкий бой кувалды древней,
Что с горделивою тоской
Звенела там, в глуши деревни,
Как отзвук славы заводской...

Полжизни с лишком миновало,
И дался случай мне судьбой
Кувалду главную Урала
В работе видеть боевой.
И хоть волною грозной жара
Я был далеко отстранен,
Земля отчетливо дрожала
Под той кувалдой в тыщи тонн.
Казалось, с каждого удара
У всех под пятками она
С угрюмым стоном припадала,
До скальных недр потрясена...

И пусть тем грохотом вселенским
Я был вначале оглушен,
Своей кувалды деревенской
Я в нем родной расслышал звон.
Я запах, издавна знакомый,
Огня с окалиной вдыхал,
Я был в той кузнице, как дома,
Хоть знал, что это был Урал.

Урал! Завет веков и вместе —
Предвестье будущих времен.
И в наши души, точно песня,
Могучим басом входит он —

Урал! Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней боец.

Когда на запад эшелоны,
На край пылающей земли

Ту мощь брони незачехленной
Стволов и гусениц везли, —
Тогда бывало поголовно
Весь фронт огромный повторял
Со вздохом нежности сыновней
Два слова:
— Батюшка-Урал...

Урал! И ныне люд вагонный
Среди своих бесед, забав,
Когда, добром его груженный,
На встречной воздух рвет состав, —
Невольно связь речей теряя,
На миг как будто шапку снял,
Примолкнет, сердцем повторяя
Два слова:
— Батюшка-Урал...

Урал! Я нынче еду мимо,
И что-то сжалося в груди:
Тебя, как будто край родимый,
Я оставляю позади.
Но сколько раз в дороге дальней
Я повторю — как лег, как встал —
И все теплей и благодарней
Два слова:
— Батюшка-Урал...
Урал! Невольною печалью
Я отдаю прощанью дань...
А за Уралом —
Зауралье,
А там своя, иная даль.

4. ДВЕ ДАЛИ

Иная даль, иная зона,
И не гранит под полотном —
Глухая мякоть чернозема,
И степь без края за окном.
И на ее равнине плоской —

Где малой рощицей, где врозь —
Старообразные березки
Белеют — голые, как кость.
Идут, сквозные, негустые,
Вдоль горизонта зеленя
Да травы изжелта-седые,
Под ветром ждущие огня.
И час за часом — край все шире,
Уже он день и два в окне,
Уже мы едем в той стране,
Где говорят:
— У нас, в Сибири...

Сибирь! Не что-то там вдали,
Во мгле моей дороги длинной,
Не бог весть где, не край земли,
А край такой же серединный,
Как на Урале был Урал,
А там — Поволжье, Подмосковье,
И все, что ты уже терял
За неустанной встречной новью.

И ненасытная мечта
В пути находит неизменно:
Две дали разом — та и та —
Влекут к себе одновременно...

Стожок подщипанный сенца,
Колодец, будка путевая.
И в оба от нее конца
Уходят, землю обвивая,

Две эти дали — как одна.
И обе вдруг душе предстали.
И до краев душа полна
Теплом восторга и печали...
Опять рассвет вступил в окно —
Ему все ближе путь с востока.
А тот стожок давным-давно
Уже на западе далеко.
И словно год назад прошли

Уральской выемки откосы,
Где громоздились из земли
Пласты породы, как торосы.
И позади — вдали места,
Что так же шли в окне вагона.
И Волга — с волжского моста —
И все за нею перегоны.
Столичный пригород, огни,
Что этот поезд провожали,
И те, что в этот час в тени
Или в лучах закатных дали.

С дороги — через всю страну —
Я вижу отчий край смоленский
И вспомнить вновь не премину
Мой первый город деревенский.

Он славой с древности гремел,
Но для меня в ребячью пору
Названья даже не имел —
Он был один, был просто город.

И, как тогда я ни был мал,
Я не забыл и не забуду
Тот запах, что в избу вступал
С отцом, приехавшим оттуда.

Как будто с поскрипом сеней,
С морозным облаком надворья,
В былинках сена из саней
Сам город прибывал в Загорье.

Нездешний, резкий, привозной,
Тревожно-праздничный и пряный,
То запах жизни был иной —
Такой несбыточной и странной.

Он долго жил для нас во всем —
В гостинце каждом и покупке,
В нагольном старом полушубке,
Что побыл в городе с отцом.

Волненью давнему парнишки
Доступна полностью душа,
Как вспомню запах первой книжки
И самый вкус карандаша.

Всем, чем к земле родной привязан,
Чем каждый день и час дышу,
Я, как бы ни было, обязан
Той книжке и карандашу,
Тому ребячьему смятенью,
С каким касался их рукой
И приступал к письму и чтенью —
Науке первой городской.

И что ж такого, что с годами
Я к той поре глухим не стал,
И все взыскательнее память
К началу всех моих начал.
Я счастлив тем, что я оттуда,
Из той зимы, из той избы.
И счастлив тем, что я не чудо
Особой, избранной судьбы.

Мы все — почти что поголовно —
Оттуда люди, от земли,
И дальше деда родословной
Не знаем, предки не вели,
Не беспокоились о древе,
Рождались, жили в свой черед,
Хоть род и мой — он так же древен,
Как, скажем, твой, читатель, род...

Читатель! Друг из самых лучших,
Из всех попутчиков попутчик,
Из всех своих особо свой,
Все кряду слушать мастер дивный,
Неприхотливый, безунывный
(Не то что слушатель иной,
Что нам встречается в натуре:

То у него сонливый вид,
То он свистит, глаза прищуря,
То сам прорваться норовит).

Пусть ты меня уже оставил,
Загнув странички уголок,
Зевнул, — хоть это против правил, —
И даже пусть на некий срок
Вздремнул ты, лежа или сидя,
С моею книжкой под рукой, —
Того не зная и не видя,
Я на тебя и не в обиде —
Я сам, по слабости, такой.

Продолжим, стало быть, беседу.
Для одного тебя, учти,
Я с юных дней иду и еду
И столько лет уже в пути.
И все одна командировка.
Она мне слишком дорога...
Но что там — вроде остановка?
— Какая станция?
— Тайга.

Состав стоит, пробег немалый
В пути оставив за хвостом.
И от уставшего металла
Внизу течет звенящий стон.
Снаружи говор оживленный,
В окне перрон, как днем светло.
Опять за стенкою вагонной
Полтыщи верст в ночи прошло.
Прошли мосты, мелькнули реки,
Минули целые края,
Которых, может быть, вовеки
Вот так и не увижу я.
И что за земли — знать не буду —
Во сне ушли из-под колес.
А тут еще —весны причуды —
Не вспять ли время подалось?

Как будто мы в таежный пояс
Вошли за станцией Тайгой.
Теплом полей обдутый поезд
Как будто взял маршрут другой.
Как будто вдруг сменился климат.
Зима — и все вокруг бело.
Сухой пурги дремотным дымом
Костлявый лес заволокло.

Но с путевой надежной сталью
Смыкая туго сталь колес,
Спешит состав за новой далью.
Гребет пространство паровоз
И разрывает мир единый,
Что отступает с двух сторон,
На те большие половины,
На юг и север вдоль окон.

Сквозь муть пурги еще невнятно
Вступает новый край в права.
А где-то там, в дали обратной, —
Урал, и Волга, и Москва,
Смоленск, мосты и переправы
Днепра, Березины, Двины,
Весь запад — до границ державы
И дальше — по следам войны,
По рубежам ее остывшим,
По блиндажам ее оплывшим,
По стольким памятным местам...

Я здесь, в пути, но я и там —
И в той дороге незабвенной,
У тех у дорогих могил,
Где ты, мой друг поры военной,
С войсками фронта проходил.

Хоть та пора все дале, дале,
Все больше верст, все больше дней.
Хоть свет иной, желанной дали
В окне вагона все видней.

5. ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗГОВОР

А скажем прямо, что не шутки
Уже одно житье-бытье,
Когда в дороге третьи сутки —
Еще едва ли треть ее.
Когда в пути почти полмира,
Через огромные края,
Пройдет вагон — твоя квартира,
Твой дом и улица твоя...

В такой дороге крайне дорог
Особый лад на этот срок,
Чтоб все тебе пришлося впору,
Как добрый по ноге сапог.
И время года, и погода,
И звук привычного гудка,
И даже радио в охоту,
И самовар проводника...

С людьми в дороге надо сжиться,
Чтоб стали, как свои, тебе
Впервые встреченные лица
Твоих соседей по купе.
Как мой майор, седой и тучный,
С краснотцей жесткой бритых щек,
Иль этот старичок научный,
Сквозной, как молодой сморчок.

И чтоб в привычку стали вскоре,
Как с давних пор заведено,
Полузнакомства в коридоре,
Где на двоих-троих окно.
Где моряка хрустящий китель
В соседстве с мягким пиджаком,
Где областной руководитель —
Не в кабинете со звонком.
Где в орденах старик кудрявый
Таит в улыбке торжество
Своей, быть может, громкой славы,

Безвестной спутникам его.
Где дама строгая в пижаме
Загромоздит порой проход,
Смущая щеголя с усами,
Что не растут такие сами
Без долгих, вдумчивых забот.
Где все — как все: горняк, охотник,
Путеец, врач солидных лет
И лысый творческий работник,
С утра освоивший буфет.
Все сведены дорожной далью —
И тот, и та, и я, и вы,
И даже — к счету — поп с медалью
Восьмисотлетия Москвы...

И только держатся особо,
Друг другом заняты вполне, —
Выпускники, наверно, оба —
Молодожены в стороне.
Рука с рукой — по-детски мило —
Они у крайнего окна
Стоят посередине мира —
Он и она, муж и жена.
Своя безмолвная беседа
У этой новенькой четы.
На край земли, быть может, едут,
А может — только до Читы.
Ну, до какой-нибудь Могочи,
Что за Читою невдали.
А может, путь того короче.
А что такое край земли?
Тот край и есть такое место,
Как раз такая сторона,
Куда извечно, как известно,
Была любовь устремлена.
Ей лучше знать, что все едино,
Что место, где ни загадай,
Оно — и край, и середина,
И наша близь, и наша даль.
А что ей в мире все напасти,
Когда при ней ее запас!

А что такое в жизни счастье? —
Вот это самое как раз —
Их двое, близко ли, далеко,
В любую часть земли родной,
С надеждой ясной и высокой
Держащих путь — рука с рукой...

Нет, хорошо в дороге долгой
В купе освоить уголок
С окошком, столиком и полкой
И ехать, лежа поперек
Дороги той.
                И ты не прежний,
Не тот, чем звался, знался, жил,
А безымянный, безмятежный,
Спокойный дальний пассажир.
И нет на лбу иного знака,
Дымишь, как всякий табакур.
Отрада полная.
                Однако
Не обольщайся чересчур...
Хоть не в твоей совсем натуре
Трибуной тешиться в пути,
Но эту дань литературе
И здесь приходится нести.

Провинциальный ли, столичный —
Читатель наш воспитан так,
Что он особо любит личный
Иметь с писателем контакт,
Заполнить устную анкету
И на досуге, без помех
Призвать, как принято, к ответу —
Не одного тебя, а всех.

Того-то вы не отразили,
Того-то не дали опять.
А сколько вас в одной России?
Наверно, будет тысяч пять.
Мол, дело, собственно, не в счете,
Но мимо вас проходит жизнь,
А вы, должно быть, водку пьете,

По кабинетам запершись.
На стройку вас, в колхозы срочно.
Оторвались, в себя ушли...

И ты киваешь:
— Точно, точно,
Не отразили, не учли...

Но вот другой:
— Ах, что там — стройка,
Завод, колхоз! Не в этом суть.
Бывает, их наедет столько —
Творцов, певцов. А толку — чуть.
Роман заранее напишут,
Приедут, пылью той подышат,
Потычут палочкой в бетон,
Сверяя с жизнью первый том.
Глядишь — роман, и все в порядке:
Показан метод новой кладки,
Отсталый зам, растущий пред
И в коммунизм идущий дед.
Она и он — передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал.
И все похоже, все подобно
Тому, что есть иль может быть,
А в целом — вот как несъедобно,
Что в голос хочется завыть.
Да неужели в самом деле
Тоска такая все кругом —
Все наши дни, труды, идеи
И завтра нашего закон?
Нет, как хотите, добровольно
Не соглашусь, не уступлю.
Мне в жизни радостно и больно,
Я верю, мучаюсь, люблю.
Я счастлив жить, служить Отчизне,
Я за нее ходил на бой.
Я и рожден на свет для жизни —
Не для статьи передовой.

Кончаю книгу в раздраженье.
С души воротит: где же край?
А края нет. Есть продолженье.
Нет, братец, хватит. Совесть знай.

И ты киваешь:
— Верно, верно.
Понятно, критика права...

Но ты их слышать рад безмерно —
Все эти горькие слова.

За их судом и шуткой грубой
Ты различаешь без труда
Одно, что дорого и любо
Душе, мечте твоей всегда, —
Желанье той счастливой встречи
С тобой иль с кем-нибудь иным,
Где жар живой, правдивой речи,
А не вранья холодный дым.
Где все твое незаменимо,
И есть за что тебя любить,
И ты тот самый, тот любимый,
Каким еще мечтаешь быть.
И ради той любви бесценной,
Забыв о горечи годов,
Готов трудиться ты и денно
И нощно — душу сжечь готов.
Готов на все суды и толки
Махнуть рукой. Все в этом долге,
Все в этой доблести! А там...

Вдруг — новый голос с верхней полки:
— Не выйдет...
— То-есть как?
— Не дам...

Не то чтоб это окрик зычный,
Нет, но особый жесткий тон,
С каким начальники обычно
Отказ роняют в телефон.

— Не выйдет, — протянул вторично.
— Но кто вы там, над головой?
— Ты это знаешь сам отлично...
— А все же?
— Я — редактор твой.

И с полки голову со смехом
Мой третий свесил вдруг сосед:
— Ты думал — что? Что ты уехал
И от меня? Нет, милый, нет.
Мы и в пути с тобой соседи,
И все я слышу в полусне.
Лишь до поры мешать беседе,
Признаться, не хотелось мне.
Мне было попросту занятно,
Смотрю: ну до чего хорош,
Ну как горяч невероятно,
Как смел! И как ты на попятный
От самого себя пойдешь.
Как, позабавившись игрою,
Ударишь сам себе отбой.
Зачем? Затем, что я с тобою —
Всегда, везде — редактор твой.

Ведь ты над белою бумагой,
Объятый творческой мечтой,
Ты, умник, без меня — ни шагу.
Ни строчки и ни запятой.
Я только мелочи убавлю
Там, сям — и ты как будто цел.
И все нетронутым оставлю,
Что сам ты вычеркнуть хотел.
Там карандаш, а тут резинка,
И все по чести, все любя.
И в свет ты выйдешь, как картинка,
Какой задумал я тебя.

— Стой, погоди, — сказал я строго,
Хоть самого кидало в дрожь. —
Стой, погоди, ты слишком много,
Редактор, на себя берешь.

И голос вкрадчиво снижая,
Он отвечает:
— Не беру.
Отнюдь. Я все препоручаю
Тебе и твоему перу.
Мне самому-то нет расчету
Корпеть, черкать, судьбу кляня.
Понятно? Всю мою работу
Ты исполняешь за меня.
Вот в чем секрет, аника-воин,
И спорить незачем теперь.
Все так. И я тобой доволен
И не нарадуюсь, поверь.
Я всем тебя предпочитаю,
Примером ставлю: вот поэт,
Кого я просто не читаю:
Тут опасаться нужды нет.

И подмигнул мне хитрым глазом:
Мол, ты да я, да мы с тобой...
Но тут его прервал я разом:
— Поговорил — слезай долой!

В каком ни есть ты важном чине,
Но я тебе не подчинен.
По той одной простой причине,
Что ты не явь, а только сон
Дурной. Бездарность и безделье
Тебя, как пугало земли,
Зачав с угрюмого похмелья,
На белый свет произвели.
В труде, в страде моей бессонной
Тебя и знать не знаю я.
Ты есть за этой только зоной,
Ты — тень одна. Ты — лень моя.
Встряхнусь — и нет тебя в помине,
И не слышна пустая речь.
Ты только в слабости, в унынье
Меня способен подстеречь,
Когда, утратив пыл работы,
И я порой клоню к тому,

Что где-то, кто-то или что-то —
Перу помеха моему...
И о тебе все эти строчки
Чтоб кто другой, смеясь, прочел.
Ведь я их выдумал до точки,
Я сам. А ты-то здесь при чем!

А между тем народ вагонный,
Как зал, заполнив коридор,
Стоял и слушал возбужденно
Весь этот жаркий разговор...
И молча тешились забавой
Майор с научным старичком.
И пустовала полка справа:
В купе мы ехали втроем.
И только — будь я суевером —
Я б утверждать, пожалуй, мог,
Что с этой полки запах серы
В отдушник медленно протек...

6. В ДОРОГЕ

Когда в безвестности до срока,
Не на виду еще, поэт
Творит свой подвиг одиноко,
Заветный свой хранит секрет,
Готовит людям свой подарок,
В тиши затеянный давно, —
Он может быть больным и старым,
Усталым — счастлив все равно.

И даже пусть найдет морока —
Нелепый толк, обидный суд,
Когда бранить его жестоко
На первом выходе начнут, —
Он слышит это и не слышит
В заботах нового труда.
Тем часом он — поэт, он пишет,
Он занимает города.
И все при нем в том добром часе —

Его Варшава и Берлин,
И слава, что еще в запасе,
И он на свете не один.

И пусть за критиками следом
В тот гордый мир войдет жена,
Коснувшись, к слову, за обедом
Вопросов хлеба и пшена, —
Все эти беды — к малым бедам.
Одна беда ему страшна.

Она придет в иную пору,
Когда он некий перевал
Преодолел, взошел на гору
И отовсюду виден стал.
Когда он всеми шумно встречен,
Самим Фадеевым отмечен,
Пшеном в избытке обеспечен,
Друзьями в классики намечен,
Почти уже увековечен,
И хвать писать — пропал запал.

Пропал запал. По всем приметам
Твой горький день вступил в права.
Все — звоном, запахом и цветом —
Нехороши тебе слова.
Недостоверны мысли, чувства,
Ты смотришь в них — не те, не те...
И все вокруг мертво и пусто,
И тошно в этой пустоте.

Да, дело будто бы за малым,
А хвать-похвать — и ни рожна.
И здесь беда, что впрямь страшна,
Здесь худо быть больным, усталым,
Здесь горько молодость нужна!
Чтоб не смириться виновато,
Не быть у прошлого в долгу,
Не говорить: я мог когда-то,
А вот уж больше не могу.
Но верным прежней быть гордыне,

Когда ты щедрый, не скупой,
И все, что сделано доныне,
Считаешь только черновой.
Когда, заминкой не встревожен,
Еще беспечен ты и смел,
Еще не думал, что положен
Тебе хоть где-нибудь предел.
Когда, покамест суд да справа,
Богат, широк — полна душа —
Ты водку пьешь еще для славы,
Не потому, что хороша.
И врешь еще для интересу,
Что труд суров и жизнь сложна...

Ах, как ты горько, дозарезу,
Попозже, молодость, нужна!

Пришла беда — и вроде не с кем
Делиться этою бедой.
А время жмет на все железки
И не проси его: — Постой,
Повремени, крутое время,
Дай осмотреться, что к чему.
Дай мне в пути поспеть со всеми.
А то, мол, тяжко одному.

И знай, поэт, ты нынче вроде
Как тот солдат, что от полка
Отстал случайно на походе,
И сушит рот ему тоска.
Бредет обочиной дороги,
Туда ли, нет — не знает сам
И счет в отчаянной тревоге
Ведет потерянным часам
Один в пути — какой он житель!
Догнать, явиться: виноват,
Отстал, взыщите, накажите!
А как наказан, так солдат,
Так свой опять — и дело свято.
Хоть потерпел, зато учен,
А что еще там ждет солдата,
То все на свете нипочем...

Изведав горькую тревогу,
В беде уверившись вполне,
Я в эту бросился дорогу,
Я знал, она поможет мне.
Иль не меня четыре года,
Покамест шла войны страда,
Трепала всякая погода,
Мотала всякая езда?
И был мне тот режим не вреден,
Я жил со всеми наравне.
Давай-ка, брат, давай поедем,
Не только свету, что в окне.

Скорее вон из кельи тесной,
И все не так, и ты хорош, —
Самообман давно известный,
Давно испытанный, а все ж —
Пусть трезвый опыт не перечит,
Что нам дорога — лучший быт.
Она трясет и бьет, а лечит.
И старит нас, а молодит.

Понять ли доброму соседу,
Что подо мной внизу в купе,
Как сладки мне слова: я еду,
Я еду — повторять себе.

И сколько есть в дороге станций,
Наверно б, я на каждой мог
Сойти с вещами и остаться
На некий неизвестный срок.

Я рад любому месту в мире,
Как новожил московский тот,
Что счастлив жить в любой квартире,
Какую бог ему пошлет.
Я в скуку дальних мест не верю,
И край, где нынче нет меня,
Я ощущаю, как потерю
Из жизни выбывшего дня.
Я сердце по свету рассеять

Готов. Везде хочу поспеть.
Мне нужны разом юг и север,
Восток и запад, лес и степь,
Моря и каменные горы,
И вольный плес равнинных рек,
И мой родной далекий город,
И тот, где не был я вовек,
И те края, куда я еду,
И те места, куда нет-нет
По зарастающему следу
Уводит память давних лет.

Есть два разряда путешествий:
Один — пускаться с места вдаль,
Другой — сидеть себе на месте,
Листать обратно календарь.

На этот раз резон особый
Их сочетать позволит мне.
И тот и тот — мне кстати оба,
И путь мой выгоден вдвойне.

Помимо прочего, при этом
Я полон радости побыть
С самим собою, с белым светом,
Что в жизни вспомнить, что забыть...

Но знай, читатель, эти строки,
С отрадой лежа на боку,
Сложил я, будучи в дороге,
От службы как бы в отпуску,
Подальше как бы от начальства.
И если доброй ты души,
Ты на меня не ополчайся
И суд свой править не спеши.
Не метусись, как критик вздорный,
По пустякам не трать огня
И не ищи во мне упорно
Того, что знаешь без меня.

Повремени вскрывать причины
С угрюмой важностью лица.
Прочти хотя б до половины,
Авось прочтешь и до конца.

7. НА МАРТОВСКОЙ НЕДЕЛЕ

Лиха беда — пути начало,
Запев дается тяжело,
А там, глядишь: пошло, пожалуй?
Строка к строке — ну да, пошло.
Да как пошло! Сама дорога —
Ты только душу ей отдай —
Твоя надежная подмога,
Тебе несет за далью даль,
Перо поспешно по бумаге
Ведет, и весело тебе:
Взялся огонь, от доброй тяги
Гудит порывисто в трубе.
И счастья верные приметы:
Озноб, тревожный сердца стук,
И сладким жаром лоб согретый,
И дрожь до дела жадных рук...

И вдруг —
Как будто простонала
Под тормозами эта ось,
И резким отзывом металла
Тот стон прошел тебя насквозь...

И на немеряном просторе
Из края в край земли родной
Прошло большое наше горе
Как будто зримою волной.

Как будто мир объявший ветер
Прошелестел, — на ту печаль
Отозвались на белом свете
И наша близь
И наша даль.

И словно поезд сбавил тяги
Перед тоннелем иль мостом...
Склонились траурные флаги,
В беде примолк наш людный дом...

Покамест ты отца родного
Не проводил в последний путь,
Еще ты вроде молодого,
Хоть сорок лет и больше будь.
Хоть и жена давно и дети,
Еще ты сын того отца,
Еще не полностью в ответе
За все на свете до конца.
Хоть за тобою попеченье
И о делах, но всякий раз
Его совет, сужденье, мненье
Ты как бы держишь про запас.
Его в виду имеешь разум,
Немалый опыт трудных лет.
Но вот уйдет отец, и разом —
Твоей той молодости нет.
И тем верней, неотвратимей
Ты в новый возраст входишь вдруг,
Что был он чтимый и любимый
Отец — наставник твой и друг...

Так мы на мартовской неделе,
Когда беда постигла нас,
Мы все как будто постарели
В жестокий этот день и час.

В минуты памятные эти
Мы все на проводах отца
Вдруг стали полностью в ответе
За все на свете до конца...

В безмолвной скорби той утраты
Стояли мы, заполнив зал,
Тот самый зал, где он когда-то
У гроба Ленина стоял.
Стоял, поникший и спокойный,

С рукою правой на груди.
А эти годы, стройки, войны —
Все это было впереди, —
Все эти даты, вехи, сроки,
Что нашу метили судьбу,
И этот день, такой далекий,
Как видеть нам его в гробу...

Стоял. В снегах страна скорбела.
И дал он клятву Ильичу.
И в мире ленинское дело
Пришлось держать его плечу.
Ему рулем досталось править
На многомощном корабле
До дня, как нас одних оставить,
Стоять и видеть в бурной мгле,
И слышать все в том грозном гуле,
И знать, куда вести в борьбе...

Но что о нем самом смогу я?
Я — не о нем.
Я — о тебе,
Мой сверстник, друг и однокашник,
Что был ребенком в Октябре,
Товарищ юности вчерашней,
С кем рядом шли в одной поре.

Суровый год судьбы народной —
Страны Великий перелом —
Был нашей молодости сходной
Неповторимым Октябрем.
Ее войной и голодухой,
Порывом, верой и мечтой,
Ее испытанного духа
Победой. Памятью святой
Ночей и дней весны тридцатой,
Тогдашних песен и речей,
Тревог и дум отцовской хаты,
Дорог далеких и путей;
Просторов Юга и Сибири
В разливе полном тысяч рек, —

Всего, что стало в этом мире,
Чем наш в веках отмечен век.

И в целях тех — на подвиг новый,
На жертвы призванной земли
Он с нами был, чье имя, слово
И волю мы в себе несли.
И виды видевшей, бездомной,
Барачной юности вослед
Росли дворцы, мосты и домны,
Сады и шахты этих лет.
И все одной причастны славе,
Мы были сердцем с ним в Кремле.
Тут ни убавить, ни прибавить —
Так это было на земле.

И пусть тех лет минувших память
Запечатлела нам черты
Его нелегкой временами,
Крутой и властной правоты.
Всего иного, может, боле
Была нам в жизни дорога
Та правота его и воля,
Когда под танками врага
Земля родимая гудела,
Неся огня ревущий вал,
Когда всей нашей жизни дело
Он правым коротко назвал.

Ему, кто вел нас в бой и ведал,
Какими быть грядущим дням,
Мы все обязаны победой,
Как ею он обязан нам.

Да, мир не знал подобной власти
Отца, любимого в семье.
Да, это было наше счастье,
Что с нами жил он на земле;
Что распознали мы любовно
Его средь нас в своей судьбе...

Мой сверстник, друг и брат мой кровный,
Я — о тебе.
И — о себе.

В неизмеримой той печали
И я, как тысячи людей,
Стоял тогда в Колонном зале
С отдельной памятью моей.

Я жил при нем. И был я вправе
Мечтать до нынешнего дня,
Что в общем перечне заглавий
Он мог отметить и меня.
Что мог с досадою суровой
Иль с добрым чувством вдруг прочесть
Мою страницу, строчку, слово —
Из тех, что будут или есть...

И этот труд при нем я начал,
Заветной избранный мечтой,
Но день настал, черту означил —
И я, как все, — за той чертой.
Я предан замыслу и верю —
Его исполню в некий срок,
Но я не сразу боль потери
И горечь горя превозмог.
Я знал, что медлю поневоле
И не подвинусь ни на пядь,
Пока словами этой боли
Здесь не отважусь передать —
Моей при нем пришедшей теме...

А жизнь неслась путем своим,
Не останавливалось время,
Лишь становилося иным...

В весеннем сморщенном листочке,
Из почки вышедшем едва,
Просились в мир, наружу строчки
И сердцу нужные слова.
Спешила день и час природа

Со всею щедростью своей
Не заслонить утрату года,
Но озарить его светлей.
Занять его трудом на севе,
Всему в пути ускорить срок,
Поднять с рассвета юг и север, —
До края — запад и восток.
И на огромном том пространстве
Для городов и деревень,
Столиц и сел, дорог и станций
Вставал, горел рабочий день.

Земля все гуще зеленела,
Все в рост гнала, чему расти.
Творил свое большое дело
Народ на избранном пути,
Страну — от края и до края,
Судьбу свою, судьбу детей,
Как прежде, с твердостью вверяя
Великой Партии своей.
Он нес свое родное знамя —
Завет учителей своих...

И это — слава, это — память,
Бессмертье павших и живых, —
Всего, что вечность не во власти
Сокрыть в беспамятстве глухом.

Спасибо, Родина, за счастье
С тобою быть в пути твоем,
С тобой по-доброму усталым
Вздохнуть всей грудью — заодно.
И дальше в путь — большим ли, малым,
Ах, самым малым, — все равно —
Она моя — твоя победа,
Она моя — твоя печаль.
Твой слышу зов: со мною следуй
И обретай в пути и ведай
За далью — даль.
За далью — даль.

1950—1954

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМЫ

Дорогие читатели!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также пожелания писателю и издательству.

Укажите ваш адрес, возраст, профессию. Пишите по адресу: Москва, А-55, Сущевская улица, 21. Издательство «Молодая гвардия», массовый отдел.

Твардовский Александр Трифонович
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Редактор *В. Сякин*
Оформление *М. Большакова*
Худож. редактор З. *Ильинская*
Техн. редактор *И. Егорова*

*

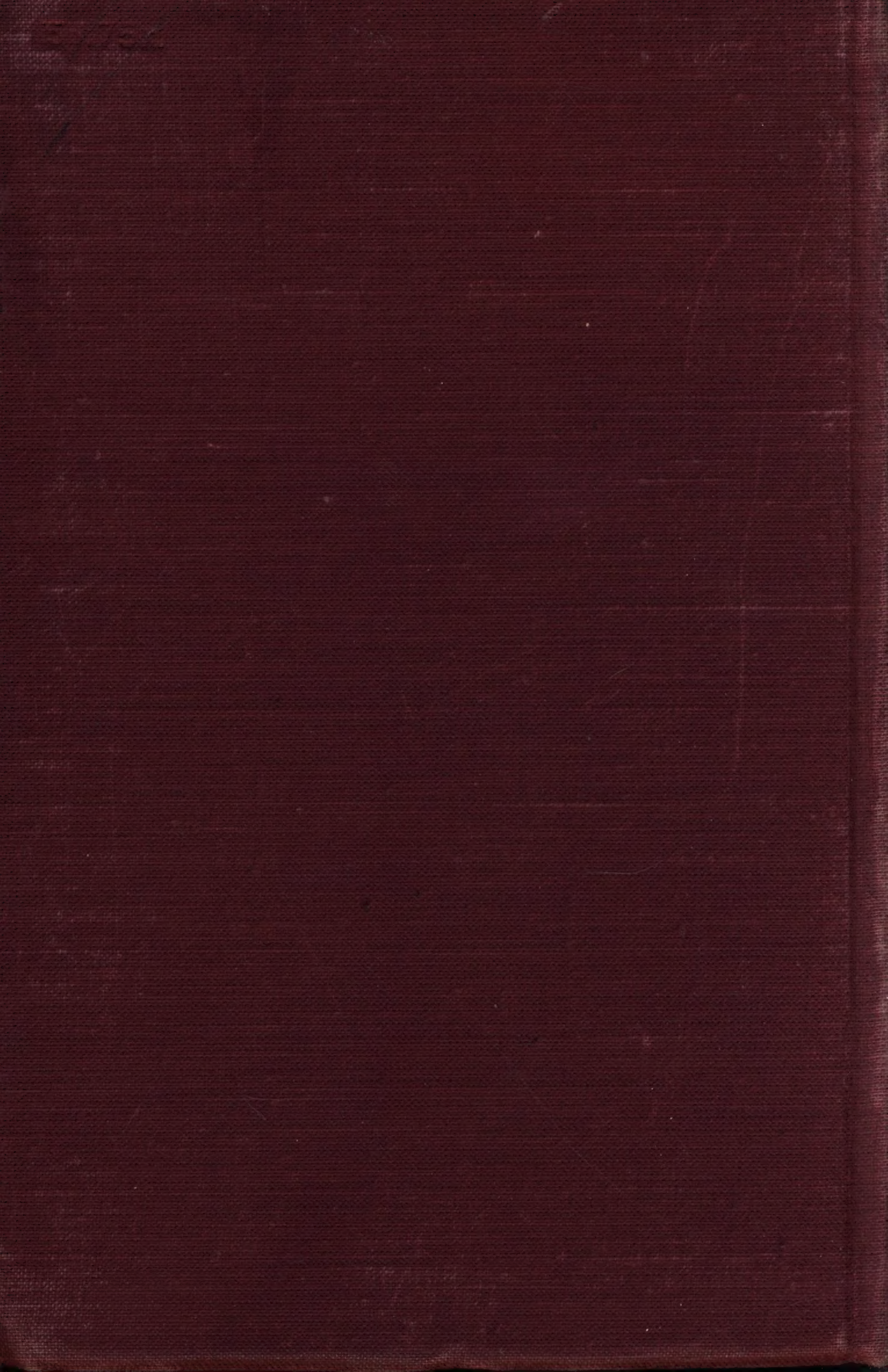
А07359 Подп. к печ. 8/XII 1954 г.
Бумага 84 × 103 1/32 9,375 б. л. =
30,75 п. л. 28,5 уч.-изд. л.
Заказ 1611 Тираж 75 000 экз.
Цена 15 р. 75 к.

*

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21

А. ТВАРДОВСКИЙ

* * *

СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ